

ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЕЛОВОГО И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ В СФЕРЕ БИЗНЕСА

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ВОПРОСЫ
ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

Выпуск 4 (56)

Москва

2024

Издатель и учредитель:

«Некоммерческое партнерство «Национальное Объединение
Преподавателей Иностранных Языков Делового и Профессионального
Общения в сфере бизнеса», созданное при поддержке РУДН
Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Малюга Е.Н., академик РАЕН, доктор филологических наук,
профессор (ответственный редактор, Москва, РУДН),
Бауэр Карин, доктор, профессор (Канада, университет Макгилла),
Битти Кен, доктор, профессор (США, Университет Анахайм)
Доллерун Кай, доктор, профессор (Дания, Копенгагенский ун-т),
Клюканов И.Э., доктор филологических наук, профессор (США, Восточно-Вашингтонский
университет)
Круглов Алекс, доктор филологических наук, профессор (Великобритания, Университетский
колледж Лондона),
О’Дауд Роберт, доктор, профессор (Испания, Леонский университет),
Томалин Барри, профессор (Великобритания, Лондонская дипломатическая академия),
Ханзен Фолькмар, доктор, профессор (Германия, ун-т Дюссельдорфа),
Александрова О.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Волкова З.Н., доктор филологических наук, профессор (Москва, УРАО),
Дмитренко Т.А., академик МАНПО, доктор педагогических наук, профессор (Москва, МПГУ),
Лебедева И.С., кандидат филологических наук, доцент (Москва, МГЛУ),
Михеева Н.Ф., академик МАН ВШ, доктор филологических наук, профессор (Москва, РУДН),
Назарова Т.Б., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Пономаренко Е.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО
(Университет) МИД России)
Храмченко Д.С., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД
России),
Шевлякова Д.А., доктор культурологии, профессор (Москва, МГУ).

Материалы посвящены актуальным проблемам преподавания иностранного языка делового общения, современным тенденциям профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, использованию новых информационных технологий в учебном процессе, стратегиям обучения переводу в неязыковом ВУЗе, актуальным проблемам современной лингвистики. Тексты материалов печатаются в авторской редакции. Журнал индексируется ВАК, РИНЦ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

Некоммерческое партнерство НОПДиПО создано при поддержке РУДН.

**2306-1286 (Print)
2541-7614 (Online)**

© Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Издательство, 2024
© Коллектив авторов, 2024

**PUBLISHER AND FOUNDER
THE BUSINESS AND VOCATIONAL FOREIGN LANGUAGES TEACHERS
NATIONAL ASSOCIATION**

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ISSUES
OF APPLIED
LINGUISTICS**

Issue 4 (56)

Moscow

2024

Publisher and founder:

Non-profit organization “The Business and Vocational Foreign Languages Teachers National Association”
created with the support of RUDN University

Address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya, 6

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Malyuga E.N., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof.
(Editor-in-chief. Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Bauer Karin PhD Prof. (Canada, University McGill),

Beatty Ken Prof. Dr. (USA, Anaheim University)

Dollerup Cay PhD Prof. (Denmark, University of Copenhagen),

Klyukanov Igor Prof. (USA, Eastern Washington University),

Krouglov Alex, Prof. Dr. (Great Britain, University College London),

O’Dowd Robert Prof. Dr. (Spain, University of León)

Tomalin Barry Prof. (Great Britain, London Academy of Diplomacy),

Hansen Volkmar Prof. Dr. (Germany, University of Duesseldorf),

Alexandrova O.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology,
Prof. (Moscow, Moscow State University),

Volkova Z.N., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, University of Russian Academy of Education),

Dmitrenko T.A., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of
Pedagogy, Prof. (Moscow, Moscow State Pedagogical University),

Lebedeva I.S., Cand. of Sc. (Philology), Assoc. Prof. (Moscow State Linguistic University)

Mikheeva N.F., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of
Philology, Prof. (Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Nazarova T.B., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),

Ponomarenko E.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology,
Prof. (Moscow, MGIMO University),

Khramchenko D.S., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),

Shevlyakova D.A., Dr., Prof. (Moscow, Moscow State University).

The Journal is indexed by Higher Attestation Commission, Russian Science Citation Index, Google Scholar,
Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

The non-profit partnership BVFLTNA was created with the support of Peoples’ Friendship University of
Russia named after Patrice Lumumba.

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

© Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Publishing house, 2024

© Authors, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>АЛЕКСАНДРОВА О.В., СИБУЛ В.В.</i>	7
Эвфемизмы в экономическом дискурсе и их потенциал в манипулировании мнением читателей: функциональный аспект	
<i>АКОПОВА А.С.</i>	34
Стилистические характеристики англоязычного спортивного дискурса	
<i>КОРОБОВА Е.А.</i>	62
Аксиологический компонент защитительной речи в судебном дискурсе (на материале англоязычных защитительных речей)	
<i>ХРАМ М. Ш., ЕРОХОВА Н.С.</i>	87
Сходства и различия образов, использующихся в эквивалентных паремиях арабского, английского и русского языков	
<i>УЛИТКИН И.А., ИВАНОВА Н.А.</i>	111
Новые технологии в подготовке специалистов в сфере письменного и устного перевода	
<i>ЛИНАКЕР Т.</i>	137
«Виноватое лицо» – менеджеры среднего звена русского происхождения в университетах Великобритании и проблемы формирования лидерской идентичности культурного гендерного типа	
<i>ЛЕВЧЕНКО М.Н., ШАБАНОВА В.П., ПОЛЯКОВА Н.В.</i>	162
Языковая репрезентация и моделирование дискурсивного события <i>соискательство вакантной должности</i> : сравнительно-сопоставительный аспект	

CONTENTS

Scientific articles

<i>ALEKSANDROVA O.V., SIBUL V.V.</i> Euphemisms in economic discourse and their potential in readers' opinion manipulation: functional aspect	7
<i>AKOPOVA A.S.</i> Stylistic features of English-language sports discourse	34
<i>KOROBOVA E.A.</i> Axiological component of defense speech in judicial discourse (based on English defense speeches)	62
<i>KHRAM M. SH., EROKHOVA N.S.</i> Similarities and differences of images used in equivalent proverbs of Arabic, English and Russian languages	87
<i>ULITKIN I.A., IVANOVA N.A.</i> New technologies for training specialists in the field of translation and interpreting	111
<i>LINAKE T.</i> "Guilty face" – middle managers of Russian origin in UK universities and problematic cultural gendered leadership identity construction	137
<i>LEVCHENKO M.N., SHABANOVA V.P., POLIAKOVA N.V.</i> Linguistic representation and modeling of a discursive event <i>job application: comparative aspect</i>	162

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 811.111

<https://doi.org/10.25076/vpl.56.01>

Александрова О.В.

Сибул В.В.¹

Российский университет дружбы народов им. Патриса
Лумумбы

ЭВФЕМИЗМЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И ИХ ПОТЕНЦИАЛ В МАНИПУЛИРОВАНИИ МНЕНИЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Эвфемизмы и процесс эвфемизации восходят к природе человека и его страху перед силами природы, которые привели к возникновению системы языковых табу. К одной из причин нового этапа в развитии эвфемизмов можно отнести социализацию человека, становление его как члена общества. Отражая своей тематикой и частотой употребления непрерывный процесс развития общества, эвфемизмы указывают на изменения культурных ценностей определенной этнической общности от поколения к поколению, проникая практически во все сферы жизни и общения. Статья посвящена изучению эвфемизмов в экономическом дискурсе на примере статей по экономическим вопросам, их формированию и функциям, а также их манипулятивному потенциалу и выбору модели манипуляции. Проведенный функциональный анализ показал, что среди эвфемизмов в экономическом дискурсе доминируют функции вуалирования и нормализации, поскольку они помогают манипулировать общественным мнением путем смягчения реального состояния экономики или смягчения последствий мер, принимаемых правительством или топ-менеджментом, и то

¹ © Александрова О.В., Сибул В.В. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution
4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

какое влияние они оказывают на общественность. Что касается выбираемых объектов манипулирования, то манипуляция репутацией оказалась наиболее частой в экономическом дискурсе, поскольку именно с этим объектом в первую очередь связаны такие функции эвфемизмов как вуалирование и нормализация.

Ключевые слова: эвфемизм, речевая манипуляция, метонимическая номинация, метафорический перенос, экономический дискурс, объект манипуляции

UDC 811.111

<https://doi.org/10.25076/vpl.56.01>

Aleksandrova O.V.

Sibul V.V.

RUDN University

EUPHEMISMS IN ECONOMIC DISCOURSE AND THEIR POTENTIAL IN READERS' OPINION MANIPULATION: FUNCTIONAL ASPECT

Euphemisms and the process of euphemization go back to the nature of a human being, and their fear before natural forces that lead to creating a system of linguistic taboo. Socialization of a human being, their becoming a member of a society can be referred to one of the reasons for the new development of euphemisms. Reflecting by their topics and frequency of use the continuous process of society development euphemisms reflect changes in the cultural values of a certain ethnical people from generation to generation penetrating to almost all spheres of life and communication. The article is devoted to study of euphemisms in economic discourse based on articles on economic issues, their formation and function as well as their manipulative potential and the choice of manipulation models. Functional analysis showed that veiling and normalization functions dominate among euphemisms in economic discourse as they help to manipulate public opinion by softening the real state of the economy or hindering consequences of measures taken by the government or top-management and their effect on the public. As for chosen manipulation objects, reputation manipulation proved to be the most frequent one in

economic discourse as veiling and normalization function are most often referred to this object.

Key words: euphemism, speech manipulation, metonymic nomination, metaphorical transfer, economic discourse, manipulation object

Introduction

The foundations of the study of euphemisms in Russian philology are laid in the works of N. S. Arapova, L. A. Bulakhovsky, J. J. Warbot, A.M. Katsev, M. L. Kovshova, L. P. Krysin, B. A. Larina, V. P. Moskvin, A. A. Reformatsky, E. P. Senichkina and other scholars in linguistics. Among the foreign studies on the systematic description and classification of euphemisms we can distinguish the works of such authors as K. Allan and K. Burrige, K. Linfoot-Ham, J. Lawrence, J. S. Nieman and K. J. Silver, E. Partridge, H. Rawson, R. Spears, B. Warren, R. V. Holder.

Both Russian and foreign linguists have studied euphemisms in terms of their formation/structure, semantic meaning, pragmatic use in discourse. Analysis of findings in recent studies allow us to distinguish three main types of euphemism formation. The first one is semasiological shifts of a meaning by narrowing of its scope, metonymizing, metaphorizing and semantic contrasting. The second is changing the form of a word by such language tools as abbreviation, word composition, formations with postpositions, conversion, affixation, contamination, and sound similarity. And lastly, the third one is borrowings from other languages.

We should also mention appearance of such direction in euphemisms studies as functioning of the device in different types of discourses which is also a focus of our study.

Most scholars agree that euphemisms can be referred to the idea of tolerance. Such principle can justify the wide spread of euphemisms in the sphere of mass media, finance, economy, as well as politics and business.

We need to mention that euphemisms have been studied in different fields of linguistics. For example, in nomination (Danilina et al., 2019), in structural semantics (Druzhinin, 2021), in communicative pragmatics (Malyuga & Tomalin, 2024), in sociolinguistics (Malyuga, 2024; Tampos-Villadolid & Santos, 2019), in psycholinguistics (Huang, 2019;

Formanova & Dombrovan, 2019), in cognitive linguistics (Suparto & Fithri, 2022), linguistic culturology (Chaika et al., 2021; Akopova, 2016 a). The gender factor of euphemization is also being studied nowadays (Malyuga, 2019).

However, we should note that manipulative potential of this stylistic device is not investigated enough. In our opinion the use of euphemization in texts of mass media is aimed at forming some desirable opinion or creating some special mood and creating desired reputation among readers. We suggest that media dealing with economic issues also tries to use the device to manipulate readers' opinion.

Theoretical background

Euphemisms are typically described as techniques that involve replacing certain words with alternatives that are more suitable for specific contexts. This linguistic device is characterized as a term or phrase that stands in for another that may be considered inappropriate or could sound offensive, as in “fell asleep with the last sleep” as a substitute for “died” (Ozhegov & Shvedova, 2006, p. 906). A similar explanation notes that euphemisms encompass terms used in lieu of others deemed unacceptable due to their harshness, insults, or discourtesy, as in “expecting a child” or “in an interesting position” instead of “pregnant” (Kalandarov & Tukhtasinova, 2021). Yet another perspective describes euphemisms as words or expressions used to indirectly reference objects or concepts when direct naming is considered socially inappropriate or indecent (Chernyavskaya, 2023; Grischechko, 2011b; Akopova, 2016b). Examples include “in an interesting position” for “pregnant”, and “if nothing happens to the patient” for “if the patient does not die”. In conclusion, our analysis indicates that the use of euphemisms is largely influenced by the communication context and cultural norms.

Upon analysis of various English mono-lingual dictionaries, it becomes evident that within the English-speaking culture, euphemism is frequently defined as “a gentler or more indirect term (word or expression) substituting for another that is considered rude or harsh, particularly when addressing unpleasant or uncomfortable subjects” (Malyuga, 2008).

Therefore, the definitions offered by both Russian and international scholars identify the primary function of euphemisms: to mitigate the impact of an uncomfortable statement.

The study of euphemisms reveals their multifaceted nature, particularly their role in forming our communication by providing more palatable alternatives to potentially offensive language. Holder (2008) emphasizes the euphemism's capacity to "soften" harsh realities, offering a way to convey sensitive topics without causing discomfort. According to Aytan et al. (2021), euphemization is inherently about masking reality – using pleasant terms to replace unpleasant ones, thus serving a protective function in discourse. Partridge (2006) characterizes euphemisms as "simpering evasions", suggesting an avoidance of confrontational language. Also, the scholar points out the ethical and moral considerations that drive the use of euphemisms in communication.

The fact that euphemisms have received various definitions in the scientific literature testifies to the fact that there is indeed a common understanding of euphemisms as tools that help resolve the complexities of language as a social construct. The focus on such phenomena as political correctness in linguistics and communication sciences boosted recent studies of euphemisms as it gave some new direction. According to most scholars, euphemisms today penetrate all spheres of oral and written discourse, culturally marked lexis. Some of the modern linguists suggest appearance of two languages, which are the language of facts and the language of ideas. They are not always equated since ideas are not at all times based on facts.

In all discourse types – mass media included – euphemisms today are incorporated to rectify the unfavorable text and substitute it with neutral equivalents, which have the capacity to dodge the chances of stirring up dismal associations. This operation relies on socially conditioned incentivization, which may be rooted in moral, ethical, political or even spiritual reasoning.

Following such understanding of what euphemism is let us consider its main functions in a discourse.

If to refer to initial understanding of the device, we need to specify that it was derived from taboos. Initially, it was associated with substitute terms that serves as placeholders for the names of specific entities that individuals were reluctant to vocalize. Today, it is clear that euphemisms are used persistently across the board. There are instances where euphemisms replace terms related to industry, professional titles, medical conditions, and more. Investigations indicate that the prevalence

of this device is steadily increasing with shifts occurring with regards to its use in different contexts of interaction. Scientists have reached various conclusions about the pragmatic role of euphemisms. To mention a few points, the first type of work is evasion and courtesy. Meanwhile, the second group further divides it into functional categories such as cover, normalizing and aesthetic.

In the communication process, many expressions can be associated with euphemisms. Researchers often point to tools that are linked to a country's thought and culture. Therefore, we need to consider the cultural dimension of the tool. This leads to the interpretation of euphemism as a kind of psychological reasoning. We believe that most euphemisms are determined by psychosocial factors.

However, we need to acknowledge that euphemisms can sometimes be far from perfect when embedded into interaction, be it written or spoken. In some cases, they can create unfair situations, as we will show in further analysis. Also, the wrong use of euphemisms can sometimes lead to negative consequences. Below we analyze the main role of euphemisms in turn.

The function of taboo suppression is one of the functions attributed to euphemisms that have the ability to conceal tokens that might carry unpleasant or indecent connotations (Grishechko, 2021). In understanding the formation of tropes, many scholars suggest that this type of language emerged as a result of linguistic taboos within various communities. In the early stages of human socialization, when people began to form societies, both their daily activities and technological advancements were quite limited. This lack of knowledge made it difficult for individuals to comprehend certain natural events, which resulted in confusion about their causes and how to manage them, as well as how to protect themselves. As a consequence, this ignorance brought about significant fears regarding the unknown, which, in turn, facilitated a heightened level of superstition. Additionally, minimal understanding of wildlife exacerbated apprehensions about wild animals and gave rise to numerous myths surrounding them. Consequently, individuals in those times were often reluctant to directly reference specific phenomena, entities such as ghosts and deities, or even utter the names of certain animals, fearing retribution from supernatural forces or attracting misfortune. So, they resorted to alternative expressions to avoid naming these subjects directly, thereby steering clear of potential disasters or

unpleasant connotations. The initial instances of euphemism usage emerged from this particular linguistic necessity.

Euphemisms serve a **veiling function** that exceeds the scope of merely substituting negative terms with more palatable alternatives. They also aim to build ambiguity in a statement while addressing a specific phenomenon or obscuring its true nature (Grishechko, 2011a). This veiling function becomes evident in discussions related to sensitive areas such as crime, politics, and military affairs, wherein specialized language is employed to obscure certain realities and presenting them in a more favorable light. Numerous politicians and media outlets exploit the inherent vagueness of euphemisms to cloak the truth, often in an effort to maintain political or economic stability.

The concept of **courtesy and politeness** in communication is rooted in speech act theory. This theory, which falls under the umbrella of psycholinguistics, posits that the primary goal of verbal interactions is to convey our intentions or to request assistance from others. Individuals tend to use more courteous language forms to sustain effective communication and reach their intended pragmatic outcomes (Grishechko & Akopova, 2015). Many people intuitively recognize that being polite makes it easier to engage others in conversation and obtain the desired responses. Therefore, when considering verbal communication through the lens of speech act theory, it becomes evident that euphemisms play a significant role in providing for polite interactions. To determine when to utilize particularly polite language, one must analyze the specific communication context. This analysis leads to the understanding that, aside from cultural backgrounds and the preferences of those involved, various other factors also influence communication. We refer to these factors collectively as social distance. To further explore the notion of social distance, it is important to specify that it is influenced by the nature of the relationships between communicators and the subjects being discussed. Generally speaking, a greater social distance increases the likelihood of using polite language, while a closer social distance tends to result in a preference for more direct and less formal language.

The aesthetic function is realized primarily in literary texts. The authors of literary texts need to avoid anything rude, unpleasant to read and they must follow common requirements of social censorship. The very nature of the substitute lexis determines the function. Dwelling on

the issue, Linfoot-Ham (2005) believes that the use of euphemisms appeals to the real, effective power of words in communication. We cannot but agree with the scholar that this function is directly related to the habit of controlling one's emotions. It became an inherent feature of a human being as a social and language identity. The whole human history proves that an unrestrained, open manifestation of opinions and feelings can lead to conflicts between a person and other people breaking up any communication. To sum up, people resorted to careful choice of words and softening unpleasant reality by vague euphemisms to conform to social norms of a particular society. We can well see it in modern communication, and in business and political communication in particular.

Thus, analysis of such function leads us to conclusion, that euphemisms are language units that allow avoiding the appearance of aesthetically rude words and expressions concerning taboo topics, disguising negative reality, expressing a subjective assessment and influencing the views of readers (listeners).

Normalization function, also defined as mitigation or softening blunt language, comes from the need to reduce the negative impact of any unpleasant utterance and interrelates with the above analyzed function. Some scholars believe that euphemization is based on the ability of some word or word combination to mitigate unpleasant essence of the signified (McGlone & Batchelor, 2003).

In accordance with its name, normalization function quite often becomes a subject to rude, vulgar, indecent, unacceptable, overly harsh, insulting and degrading language units when a speaker faces the need to meet social norms of verbal communication. However, we can easily confuse such language units with taboos. Referring to early euphemisms, understood as undesirable or inappropriate words, we have to characterize them well-known, most natural and accurate names of objects that, within the framework of the current culture, are recommended to be replaced with more acceptable ones from the point of view of ethical or social norms. While rude, vulgar, insulting, indecent, unacceptable, overly harsh, insulting and degrading language units are mainly subject to replacement by what is defined in modern linguistics as politically correct lexis.

The rhetorical or in other definitions artistic or stylistic function mainly manifests itself in public speeches and in literary texts. Here

euphemisms are used as stylistic device to make this part of a discourse eloquent, create a speech or report filled with solemnity and so-called high style (Diez–Arroyo, 2016). This function of euphemism is not so relevant within our research as it is most often reflected in diplomatic activity but the material for our studies is economic activity and economic discourse. If to refer to diplomatic speech, euphemisms there also implement the function of rendering and evaluation which is an integral part of rhetoric. Thus, we may suggest that the function is not so frequently presented in economic discourse and will try to prove it by the analysis.

Protective function arises from the need to think about the impact your message may have and possible consequences it may lead to before you voice it out (Chovanec, 2019). As we already mentioned above, unacceptable, overly harsh, insulting and degrading language used in communication can cause conflict between communicants. This can make it difficult or even impossible to further communicate and finally agree. A similar situation arises since someone threatens a partner or doesn't consider their interests or put them at risk. Therefore, we can conclude about such a need to use euphemisms as the need to minimize or mitigate the moral damage caused to each other in the process of communication. In other words, we'd like to highlight that euphemisms can perform this protective function.

In addition to the functions already discussed – taboo suppression, veiling, courtesy, and aesthetic – euphemisms play a significant role in shaping social interactions and cultural narratives. They serve as linguistic tools that reflect societal norms and values, revealing what is considered appropriate or inappropriate discourse within a given context. This adaptability of euphemisms underscores their importance in communication across various domains, including personal relationships, healthcare discussions, and even within humor.

Euphemisms also facilitate easier navigation of delicate topics, such as death, illness, and financial hardship. For example, terms like “passed away” or “let go” soften the harshness of death and job loss, making it easier for individuals to discuss these realities without invoking strong, negative emotions. The aesthetic use of euphemisms highlights the power of language to shape our understanding of the world. However, the emphasis and initial motivation for employing euphemisms often differ between participants in communication.

Analysis of pragmatic functions suggests that clear distinctions among these functions are challenging to establish. In verbal communication, euphemisms frequently fulfill multiple roles simultaneously, which points to the interconnectedness of their pragmatic purposes. This complicates strict classification within specific discourses. Nevertheless, functions such as tabulation, veiling, and normalization appear particularly significant in their capacity to influence public opinion. These functions are notably prominent in media discourse, including coverage of economic topics.

Euphemisms also reflect cultural sensitivities and societal norms, adapting to shifts in moral and social frameworks. As perspectives on issues such as gender, race, and mental health evolve, so too does the language used to address them. For instance, expressions such as “person with a disability” exemplify the adoption of more inclusive and respectful terminology, which demonstrates the role of euphemisms in promoting understanding and reducing stigma.

In literary and artistic contexts, euphemisms contribute to the aesthetic quality of texts, enriching the communicative and emotional depth of language. Authors frequently employ euphemistic expressions to evoke specific emotions or to create atmospheres aligned with thematic objectives. This adds to the interpretive experience, striking a balance between honesty and sensitivity in storytelling. However, the aesthetic function of euphemisms is less applicable in economic texts, where their use primarily serves pragmatic purposes.

Ultimately, the multifaceted functions of euphemisms underscore their significance in language. They serve as a bridge between the harsh realities of life and the need for tactful communication, enabling individuals to express themselves in ways that are socially acceptable while managing the potential for conflict.

Speech manipulation and euphemisms

Manipulation is a form of covert psychological influence aimed at altering the addressee’s system of views, opinions, or behavior to serve the interests of the manipulator.

Any language evolves within a particular culture to adapt to social norms and values. Euphemisms allow speakers to navigate sensitive topics without causing offense or discomfort, thereby maintaining social harmony. However, this same feature can be exploited for manipulative purposes.

When euphemisms are deployed strategically, they can obscure the reality of a situation, masking its true implications. For example, terms like “downsizing” or “right-sizing” are often used in corporate contexts to refer to layoffs, softening the harshness of the reality and framing it in a way that makes it more palatable for stakeholders. By using euphemisms, organizations can diminish the emotional impact of negative news, leading to an altered perception of the event.

This phenomenon is observed not only in corporate or business communication but also in politics, public relations, and interpersonal relationships. Politicians often employ euphemisms to reframe controversial policies or actions related both to political and economic issues, thereby influencing public perception and mitigating backlash. For instance, terms like “collateral damage” serve to obscure the harsh realities of warfare, rendering actions more acceptable to the public.

The effectiveness of euphemisms in manipulation can be understood through the lens of psychology. The use of seemingly benign language taps into psychological mechanisms, such as cognitive dissonance and confirmation bias. When faced with uncomfortable truths, individuals may prefer to cling to the more favorable narratives constructed by euphemisms, as these narratives align better with their beliefs and emotional responses.

Moreover, the prevalence of euphemisms raises ethical questions about communication. While they serve a fundamental role in polite discourse, their potential for manipulation blurs the line between constructive communication and deceit. The challenge for communicators lies in balancing the need to maintain politeness and social cohesion against the imperative of transparent and honest communication.

In conclusion, while euphemisms are essential tools in facilitating polite conversation and avoiding discomfort, their capacity for manipulation underscores the complexity of human communication. By understanding how euphemisms function within the framework of social interactions, we can develop a critical awareness of their potential implications. This knowledge enables us to recognize when language is being used to manipulate perceptions or obscure reality, fostering more informed and conscious communication practices.

Euphemisms possess significant manipulative potential, largely due to their subtlety and the difficulty of recognition by the addressee. Within

the context of modern information flows, euphemisms are challenging to isolate and identify, particularly in terms of the taboo denotation concealed within their usage. Furthermore, only a small portion of the audience is aware of the linguistic mechanisms underpinning euphemisms, making it difficult for most individuals to comprehend the manner in which manipulative influence is exerted.

Euphemisms formed at the lexical, semantic, and syntactic levels exert the most pronounced manipulative effects on the consciousness of the addressee. Nieman and Silver (1990), building upon the classification by J. Williams, point out the significance of specific methods used in forming euphemisms, including:

- 1) foreign language borrowings;
- 2) generalization;
- 3) metonymic nomination;
- 4) metaphorical transfer;
- 5) phonetic distortion, etc.

An overview of the types of manipulative objects

Having considered functioning and formation of euphemisms, this study will further identify the types of manipulative objects, which are often employed in economic discourse to influence audiences.

1. Reputation Manipulation

Reputation manipulation involves strategically shaping or altering perceptions of a business or individual to create a favorable image. This can be achieved via:

- positive framing: highlighting achievements, awards, or endorsements that enhance the reputation of a business or individual;
- crisis management: addressing negative publicity by downplaying issues or emphasizing corrective actions taken to restore trust;
- economic strategies: crafting narratives that align the economic policy with positive attributes, such as sustainability, innovation, or public satisfaction.

2. Manipulative Emphasis

Manipulative emphasis focuses on highlighting certain aspects of a message while downplaying others to steer audience perception. This can be achieved through:

- selective highlighting: emphasizing specific features or benefits of an economic policy while omitting potential drawbacks;

- strategic language: using persuasive language or rhetorical techniques (e.g., hyperbole) to amplify the importance of certain points;
- visual emphasis: utilizing design elements (e.g., bold text, images) to draw attention to key messages in advertisements or presentations.

3. Manipulation of Stereotypes

This type involves leveraging existing stereotypes to influence audience perceptions or behaviors. It can manifest in:

- reinforcing stereotypes: using common cultural or social stereotypes to appeal to target demographics, which can simplify messaging but may reinforce biases;
- challenging stereotypes: presenting counter-narratives that challenge existing stereotypes, potentially positioning an idea as progressive or socially aware;
- targeted messaging: crafting messages that resonate with specific demographic groups based on their stereotypical characteristics or values.

4. Manipulation of Implicit Meanings

Manipulation of implicit meanings involves using language, symbols, or contexts that carry connotations beyond their explicit meanings. This can include:

- subtext: conveying messages indirectly, allowing the audience to read between the lines and derive additional meanings or emotions;
- symbolism: using symbols or metaphors that evoke certain feelings or associations without stating them outright (e.g., using nature imagery to suggest purity or sustainability);
- cultural references: incorporating culturally significant references that resonate with the audience, creating a shared understanding or emotional response.

Each of these manipulative objects plays a crucial role in shaping economic discourse, enabling companies to influence perceptions, behaviors, and decisions. However, ethical considerations should always be taken into account to avoid deception and exploitation of the audience.

Material and Methods

The material for this study consists of euphemisms collected through the continuous sampling method from mass media articles on economic issues, including sources such as “The Economist”, “Bloomberg”, and

“The Guardian”. These publications target an audience interested in current economic events and their analysis.

Economic discourse primarily aims to establish and maintain economic relations between individuals, states, international corporations, and other stakeholders. A secondary aim is to inform the public about the current economic situation at national and global levels and to shape desirable public opinion.

Economic discourse fulfills multiple functions, including informative, educational, advertising, and ideological roles. Through this discourse, the public gains information and forms opinions on various economic processes. Given that economic developments at both global and national levels are widely covered in the media, a defining characteristic of mass media is its ability to make information accessible to broad audiences and influence public opinion on economic matters.

As a research object, economic discourse holds particular relevance in the modern era of globalization, the continuous expansion of international cooperation, and the growing need for governments and global businesses to influence public opinion. In this context, the economy serves as a driver of progress for both individual nations and the global community.

The analysis below will focus on some of the most representative examples of euphemisms identified in economic articles, which illustrate their role and impact within economic discourse.

Study Results

Consider the following examples from “The Economist”, April 4, 2024, which illustrate the use of euphemisms in economic discourse.

The first example comes from the article titled “The Federal Reserve Cleans Up Its Money-Printing Mess”: *“China’s relatively closed capital account, which prevents investments from flowing freely across its borders, is the main obstacle to wider use of its currency. India’s capital account is less closed than it once was but is still far more sheltered than that of any of the countries with a global currency”*. This excerpt demonstrates an effort to frame India’s capital account and its accessibility in a more favorable light compared to China. The verb “shelter” is employed here with a positive connotation to evoke notions of protection, safety, and care, as opposed to “close”, which implies rigidity and restriction. The author leverages the metaphorical implications of “shelter” to create a more favorable image of the Indian

currency within the context of global finance and emphasize progress in India's economic reforms. This linguistic choice contributes to reputation manipulation by subtly promoting a positive perception of India's economic trajectory.

Another example is found in the article titled "How to Build a Global Currency": *"In September JPMorgan Chase, a bank, announced that it would include Indian government bonds in its emerging-market index"*. Here, the term "emerging market" functions as a euphemism. It can be classified as a metonymic nomination, enriching the term "developing market" with a more optimistic and forward-looking connotation. From a marketing and investment perspective, describing a country as an "emerging market" is far more appealing than using terms that may carry pejorative undertones, such as "developing market". This linguistic substitution serves to level out the perceived risks and challenges associated with these economies, such as political instability, infrastructure deficits, and social issues, while simultaneously attracting investors to securities issued by the Indian government. The positive framing of "emerging market" aligns with reputation manipulation, similar to the framing observed in the previous example.

A third example of economic euphemisms is found in the following passage: *"...which rise as a counterpart to the central bank's bond purchases during quantitative easing"*. The term "quantitative easing" represents an unconventional monetary policy tool used by central banks to stimulate the economy during periods of low inflation and near-zero interest rates, when traditional monetary policies become ineffective. As a euphemism, "quantitative easing" fulfills several functions. It softens and generalizes the more controversial notion of "printing money", framing it in a neutral or even positive light to reduce potential alarm. This positive framing contributes to reputation manipulation by presenting the policy in a way that obscures its complexities and risks, such as inflationary pressures or long-term economic dependency on monetary interventions. However, this euphemism also risks diminishing public accountability and understanding of the policy's broader implications.

Given that these examples are drawn from articles published in the same issue of "The Economist", it can be inferred that the publication seeks to cultivate a favorable perception of the Indian economy among its readership, particularly potential investors.

Another article under study is titled “Who Is Up and Who Is Down on China’s Economic Team”, published in “The Economist”, March,27 2024. Providing information about a meeting between China’s leader and American business executives the author states: *The economic backdrop to the meeting was less serene, thanks to a faltering economy, depressed stock-market and sporadic regulatory crackdowns*”. Here, two cases of euphemisation can be identified: “faltering economy” and “regulatory crackdown”. As a euphemism, “faltering economy” serves to describe economic challenges in a more palatable and less alarming way compared to a term downturn or recession. While it can serve to cushion the impact of bad news and promote a narrative of potential recovery, it also risks obscuring the full reality of economic conditions and misinforming the public thus manipulating its opinion. As a euphemism, “regulatory crackdowns” functions to frame enforcement actions in a way that seems assertive and responsible compared to tight regulation. While it conveys a sense of action against wrongdoing, it also carries implications of severity and authority that may overshadow discussions about the impact of such regulations and soften the response to their introduction by the public. Thus, the pragmatic function of this stylistic device is to obscure the actual economic situation and the potential implications of the actions taken to address it, thereby constructing a more favorable image of the American economy and the activities of the American government. As in the previous examples, this reflects reputation manipulation through the positive framing of the message.

The next example is taken from the article titled “Can China’s Consumers Save Its Economy?” published in “The Economist”, March,6 2024. The article starts with: *Most emerging economies struggle to live within their means*”. By framing the issue as a “struggle”, it can normalize (normalization function) the idea that many people experience difficulties managing their finances (manipulation of stereotypes), thereby minimizing the stigma associated with debt or financial mismanagement. As a euphemism, “struggle to live within their means” captures the challenges faced by individuals and families managing their finances but also carries significant implications regarding personal responsibility and societal context. By minimizing the reality of financial distress, this choice of describing reality may lead to a lack of urgency in addressing underlying issues, resulting in insufficient support for those who genuinely cannot meet their financial obligations. The final

statement: “Mr Li, in his Davos speech, spoke of rapidly unlocking China’s “supersize market” and “upgrading consumption” towards new products such as electric vehicles, smart homes and “green lifestyle” services” continues to create a more positive view on the economic situation in China. The “supersize market” reflects a complex interplay of consumer behavior, marketing, health awareness, and economic factors. Economic downturns can influence consumer choices, often leading more people to seek the perceived value in supersized options, so the phrase also softens the description of true economic situation. The trend of upgrading consumption or green lifestyle reflects a shift in consumer priorities towards quality, personalization, and sustainability. Businesses are evolving to meet these demands, presenting opportunities for market differentiation and innovation. However, they must also navigate challenges related to affordability, market segmentation, and environmental impact. Thus, in addition to the manipulation of stereotypes observed at the beginning of the article, the positive framing of the economic situation through the use of euphemisms is evident. This combination serves to mitigate the negative impact of an existing stereotype while constructing a new, more favorable one.

The analysis of the next example demonstrates that euphemisms can also be employed to draw attention to a particular issue. In the article titled “A Chilling Near-Miss Shows How Today’s Digital Infrastructure Is Vulnerable”, published in *The Economist* on April 4, 2024, the following passage appears: “Decentralization makes it possible to run such a complex system. But every so often comes a chilling reminder that the whole edifice is uncomfortably precarious”. In economic discussions, particularly regarding economic reforms, “decentralization” may be presented as a way to promote efficiency and innovation in the marketplace, suggesting that local entities can better respond to consumer needs than a centralized authority (positive connotation). However, such framing of the situation could downplay issues such as inequality or the lack of regulation that might arise from decentralizing certain aspects of the economy, making it seem that decentralization is inherently beneficial, while neglecting potential negative outcomes or conflicts of interest (manipulative emphasis for positive framing, that leads to reputation manipulation) and we clearly see this idea expressed in the sentence that followed and even in the headline of the article.

The next example was taken from the article “Goldman Sachs’ Women Still Look Underpaid”, issued by “Bloomberg”, April,5 2024. Informing on the situation with payment in banking sphere, the author states: *“Most banks are pretty bad at developing, promoting and paying women — and there’s not a wide variation in their average gender pay gaps”*. By using “pretty bad at”, instead of “inefficient”, “incompetent” etc., the author minimizes the severity of the assessment (normalization function) by positive framing not to downgrade the banks’ reputation.

The article provides another case of euphemization: *“Those contacts may well have come from family and friends, or from being stuck in an unfashionable backwater doing little of great excitement or merit for some time”*. The phrase “unfashionable backwater” serves as a euphemism that encapsulates judgments about cultural relevance and modernity. While it can concisely convey criticism regarding a location or culture perceived as stagnant, it also carries significant weight in terms of elitism and cultural disparagement.

The article titled “S. Africa Taps Business to Start Office to End Rail Monopoly” published in “Bloomberg”, April, 8 2024, deals with the economic situation in South Africa. Analyzing the monopolistic approach to running some economic spheres, the author states: *It’s also resulted in a lower tax take for the cash-strapped government”*. The term “cash-strapped government” functions here as a euphemism that conveys financial distress while allowing for a more measured discussion about fiscal challenges. While it serves to soften the blow of financial realities, it can also obscure the full extent of a government’s fiscal difficulties. Understanding the implications of this euphemism is crucial for ensuring informed public dialogue and effective policymaking in response to governmental financial challenges. The trope obviously contributes to creating more favorable reputation of government measures.

Another example, taken from the article “UK’s Hope for Economic Rebound Fades with Slide in Job Vacancies”, published by Bloomberg, March, 24 2024, deals with the employment issue in Great Britain. Describing current situation in the British labor market, the author states: *The number of applications rose by a fifth year-on-year for February, adding to evidence that what was once a red-hot labor market has cooled significantly”*. The term “red-hot labor market” functions as a euphemism encapsulating the vibrancy and competitiveness of employment opportunities within a favorable economic climate. This

phrase is used to create an optimistic perception of the labor market, emphasizing job availability and wage growth. However, it simultaneously obscures underlying challenges, such as skills mismatches, job instability, or the casualization of work (e.g., gig economy roles), which are often associated with heightened competition. This positive framing contributes to the public's favorable assessment of the economic situation. Later in the article, the author addresses potential consequences, stating: "*Our latest data suggests a prolonged chill in the labor market*". Here, the phrase "prolonged chill in the labor market" operates as a euphemism describing a sustained period of stagnation or sluggishness in employment conditions. This term reflects a scenario characterized by limited job opportunities, slow hiring, and reduced economic activity. However, the choice of the word "chill" mitigates the negative connotations typically associated with economic downturns. The euphemism provides for softer, less alarming language, and thus aligns with a reputation manipulation model through positive framing, tempering the potential adverse reaction to the described economic challenges.

Discussion

A euphemism refers to a neutral term or descriptive expression devoid of significant emotional or semantic intensity, typically employed in texts or public discourse to replace other words or phrases deemed improper or inappropriate. Euphemisms are often used to soften the impact of certain expressions, misleading the public or distorting reality. For instance, a phrase like "enhanced interrogation" can become a substitute for "torture".

Euphemisms are frequently utilized in speech or written texts to replace words perceived as vulgar or offensive, such as profane or obscene language. In some cases, "non-literary" terms with a less pronounced negative connotation – such as colloquialisms, slang, or idiosyncratic expressions – may serve as euphemisms. Their use significantly diminishes the negative impact of offensive or profane terms on a text, although in most instances, the intended meaning or the replaced term can be inferred from context or the euphemism itself.

The phenomenon of euphemism is rooted in long-standing linguistic taboos that prohibited the direct naming of dangerous objects or phenomena, such as deities or diseases, under the belief that their mention might invoke the very thing described. Euphemisms driven by

religious convictions, such as “unclean” instead of “devil”, remain widely used even today.

As human society grows increasingly refined, direct references to certain objects or phenomena – particularly those related to physiological functions or parts of the human body – begin to be viewed as objectionable and are often excluded from language, especially in its literary forms. For example, medieval chivalry avoided direct references to genitalia in courtly poetry, even as such terms remained prominent in the language of the emerging third estate. Euphemisms tend to flourish during periods of cultural stabilization, such as the linguistic affectations of aristocratic salons in the 16th and 17th centuries or the language of 19th-century literature.

This tendency extends beyond interpersonal communication to discussions of vices or transgressions, where particularly softened expressions are often employed. The uncovering of such euphemisms frequently forms the basis of satire and ironic antithesis.

In this study, approximately 50 articles were analyzed, with several representative examples and their analyses presented above. Regarding the methods of euphemism formation, the following observations were made.

No examples formed through foreign language borrowings were identified. This absence is unsurprising, as English serves as the primary language for conducting business globally, and other languages typically borrow economic terminology from English rather than vice versa.

No examples formed through generalization were found. This is likely due to the specificity inherent in economic discourse, which prioritizes precise reference to concepts and avoids overly generalized terminology.

Approximately 45% of the examples are based on metonymic nomination. This method enables a transfer of meaning, often imbuing the concept with a more positive connotation.

Slightly more than half (55%) of the examples involve metaphorical transfer. Metaphors carry an evaluative function, which is particularly relevant in economic discourse as it frequently involves assessing the state of national economies, specific economic situations, and their impact on individuals and living standards.

No examples involving phonetic distortion were observed, as the analysis focused exclusively on written texts.

Concerning the functions of euphemisms, most cases (89%) are related to their normalization (softening or mitigating) or veiling function. This reflects the pragmatic role of economic discourse, which is primarily aimed at informing audiences about the current economic situation, encouraging and facilitating global market cooperation, and promoting state economic policies, often intertwined with the manipulation of public opinion.

The prevalence of these functions points to the necessity of a positive framing approach in economic discourse, which sometimes involves veiling potentially negative consequences to maintain public confidence and promote economic objectives.

Conclusion

Euphemisms in economic discourse serve as powerful tools for shaping public perception and framing the narrative around economic issues. While they can promote a more digestible understanding of complicated topics, they can also lead to misinterpretation and a lack of engagement with the underlying issues. Critical examination of the language used in economic discourse exemplified by articles on economic issues is essential for fostering transparency, accountability, and informed discourse among policymakers, stakeholders, and the general public.

The analysis revealed that euphemisms, predominantly formed through metonymic or metaphoric transfer of meaning, primarily function as tools to soften or mitigate negative information about economic issues while persuading audiences of the favorable outcomes of the measures undertaken. Furthermore, the findings suggest that reputation manipulation is the most commonly employed objective, reflecting one of the primary pragmatic aims of economic discourse: to create a positive image of a business or specific business decisions.

The study also supports the hypothesis that the use of stylistic devices in general, and euphemisms in business discourse in particular, is closely linked to communicative situations where the adequate interpretation of a message depends on the recipient's background knowledge and ability to infer implied meanings. This includes recognizing instances of manipulation, such as softening or veiling unpleasant information.

The application of euphemisms in economic discourse plays a significant role in creating narratives surrounding complex economic issues. Euphemisms soften the harsh realities of economic challenges

and thus render difficult information more palatable to the public and stakeholders. However, it is important to acknowledge the dual-edged nature of this linguistic strategy. While euphemisms can facilitate understanding and maintain confidence, they may also obscure critical details, hinder transparency, and manipulate perceptions, raising ethical concerns about their overuse or misuse in economic communication.

On one hand, euphemisms can facilitate understanding and reduce anxiety related to economic topics that might be perceived as daunting or negative. For instance, terms like “staff reduction” instead of “layoffs” or “streamlining operations” instead of “cutting jobs” can help lessen the emotional impact of these decisions. This kind of language can foster a more constructive dialogue among policymakers and the public, allowing for a focus on strategic objectives rather than emotional responses.

On the other hand, the use of euphemisms can obscure the truth, leading to misinterpretation and disengagement with the real issues at hand. By masking the severity of economic challenges or consequences, these terms can hinder accountability and transparency, making it more difficult for stakeholders to engage meaningfully with the implications of economic policies and business decisions. This manipulation of language can serve to protect the reputation of businesses or policymakers, but at the cost of informed public discourse.

The study’s findings underscore the importance of being vigilant and critically aware of the language used in economic discussions. Recognizing euphemisms for what they are – tools that can alter perception – enables individuals to engage more thoughtfully with the information being presented. This critical examination can empower stakeholders to look beyond the surface and seek clarity on economic issues, encouraging a more transparent and accountable environment.

In conclusion, while euphemisms can play a role in communication strategy within economic discourse, their implications must be carefully considered. Stakeholders should strive for clear and open dialogue, where the complexities of economic decisions can be shared honestly, fostering an informed public capable of engaging with the underlying issues behind the language.

Acknowledgements

The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-00505 “Manipulative rhetoric in modern English business media discourse: the functional pragmatic analysis”. <https://rscf.ru/project/23-28-00505>

Литература

1. Акопова А. С. Развитие навыков экстенсивного чтения текстов профессиональной направленности. Ростов-на-Дону: Индивидуальный предприниматель Беспмятнов Сергей Владимирович, 2016а. 175 с. EDN: XDWHQD
2. Акопова А. С. Обучение английскому языку для профессиональных целей. Ростов-на-Дону: Индивидуальный предприниматель Беспмятнов Сергей Владимирович, 2016б. 103 с. EDN: XDWIJJ
3. Гришечко Е. Г. Средства реализации коммуникативной стратегии вежливости в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. н. Ростов-на-Дону, 2011а. 186 с. EDN: QFPKET
4. Гришечко Е. Г. Средства реализации коммуникативной стратегии вежливости в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. н. Ростов-на-Дону, 2011б. 24 с. EDN: QHQRUN
5. Гришечко Е. Г. Коммуникативная стратегия вежливости в современном английском языке: разноуровневые средства реализации. М.: Российский университет дружбы народов, 2021. 189 с. EDN: EHERPQ
6. Гришечко О. С., Акопова А. С. Этнометрические параметры коммуникативного анализа речевого поведения // Альманах современной науки и образования. 2015. № 11(101). С. 32-34. EDN: UZHLYR
7. Малюга Е. Н. К вопросу о жанрово-стилевой парадигме газетного текста // Вестник Университета российской академии образования. 2008. № 2. С. 68-71. EDN: NRABFN
8. Малюга Е. Н. Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 52-70. <https://doi.org/10.17223/19986645/58/4>

9. Ожегов С. И., & Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2006. 907 с.
10. Aytan A., Aynur B., Hilal P., Aytac E., Malahat A. Euphemisms and dysphemisms as language means implementing rhetorical strategies in political discourse // *Journal of Language and Linguistic Studies*. 2021. № 17(2). P. 741-754. <https://doi.org/10.52462/jlls.52>
11. Chaika O., Sharmanova N., Zakrenytska L. Formation of multiculturalism via phraseology // *International Journal of Social Science and Human Research*. 2021. № 4(8). P. 2160-2168. <https://doi.org/10.47191/ijsshr/v4-i8-29>
12. Chernyavskaya V. E. To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews // *Training, Language and Culture*. 2023. № 7(2). P. 55-63. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63>
13. Chovanec J. Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space: the case of blue-on-blue // *Lingua*. 2019. № 225. P. 50-62. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2019.04.001>
14. Danilina E. A., Kizyan E. E., Maksimova D. S. Euphemisms in advertising discourse: putting on a positive face and maintaining speech etiquette // *Training, Language and Culture*. 2019. № 3(1). P. 8-22. <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.1.1>
15. Diez-Arroyo M. English words as euphemisms in Spanish fashion: anglicisms, a persuasive stylistic strategy in Spanish fashion magazines // *English Today*. 2016. № 32(3). P. 30-39. <https://doi.org/10.1017/S0266078416000043>
16. Druzhinin A. S. Euphemisms vs. dysphemisms, or how we construct good and bad language // *Constructivist Foundations*. 2021. № 17(1). P. 1-13.
17. Formanova S., Dombrovan T. A sociolinguistic experiment in defining the forms of impoliteness // *Psycholinguistics*. 2019. № 25(2). P. 323-337. <https://doi.org/10.31470/2309-1797-2019-25-2-323-337>
18. Huang L. Revisit euphemisms from the perspective of intentionality. *Forum for Linguistic Studies*. 2019. № 1(1). C. 102-111. <https://doi.org/10.18063/fls.v1i1.1084>

19. Holder R. W. Dictionary of euphemisms. Oxford: Oxford University Press, 2008. 1207 p.
20. Kalandarov S. S., Tukhtasinova S. On euphemisms and their classification // Asian Journal of Multidimensional Research. 2021. № 10(5). C. 777-781.
21. Linfoot-Ham, K. The linguistics of euphemism: A diachronic study of euphemism formation // Journal of Language and Linguistics. 2005. № 4(2). C. 227-263.
22. Malyuga, E. N. The language of corporate communication: Functional, pragmatic and cultural dimensions. New York: Springer, 2024. 154 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-58905-8>
23. Malyuga E. N., Tomalin B. Euphemisms in South African English economic discourse: Socio-cultural aspects // Russian Journal of Linguistics. 2024. № 28(3). C. 512-534. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-39076>
24. McGlone M. S., Batchelor J. A. Looking out for number one: euphemism and face // Journal of Communication. 2003. № 53(2). P. 251-264. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2003.tb02589.x>
25. Neaman J. S., Silver C. G. Kind words: a thesaurus of euphemism. London: The Hearst Comporation, 1990. 822 p.
26. Partridge E. A dictionary of slang and unconventional English. New York: Routledge, 2006. 1432 p.
27. Suparto S., Fithri A. Cognitive conceptualisations of political euphemistic expressions // Journal of Language and Literature. 2022. № 10(1). P. 46-53.
28. Tampos-Villadolid M., Santos A. L. Euphemisms for taboo words: Iliganon's sociolinguistical approach for social harmony // Journal of Education & Social Policy. 2019. № 6(4). P. 50-57. <https://doi.org/10.30845/jesp.v6n4p7>

References

- Akopova, A. S. (2016a). *Developing skills for extensive reading of professional texts*. IP Bepamyatnov S. V. EDN: XDWHQD
- Akopova, A. S. (2016b). *Teaching English for specific purposes*. IP Bepamyatnov S. V. EDN: XDWIJJ
- Aytan, A., Aynur, B., Hilal, P., Aytac, E., & Malahat, A. (2021). Euphemisms and dysphemisms as language means implementing rhetorical strategies in political discourse. *Journal of Language*

- and Linguistic Studies*, 17(2), 741-754.
<https://doi.org/10.52462/jlls.52>
- Chaika, O., Sharmanova, N., & Zakrenytska, L. (2021). Formation of multiculturalism via phraseology. *International Journal of Social Science and Human Research*, 4(8), 2160-2168.
<https://doi.org/10.47191/ijsshr/v4-i8-29>
- Chernyavskaya, V. E. (2023). To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews. *Training, Language and Culture*, 7(2), 55-63. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63>
- Chovanec, J. (2019). Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space: The case of blue-on-blue. *Lingua*, 225, 50-62.
<https://doi.org/10.1016/j.lingua.2019.04.001>
- Danilina, E. A., Kizyan, E. E., & Maksimova, D. S. (2019). Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette. *Training, Language and Culture*, 3(1), 8-22. <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.1.1>
- Diez-Arroyo, M. (2016). English words as euphemisms in Spanish fashion: Anglicisms, a persuasive stylistic strategy in Spanish fashion magazines. *English Today*, 32(3), 30-39.
<https://doi.org/10.1017/S0266078416000043>
- Druzhinin, A. S. (2021). Euphemisms vs. dysphemisms, or how we construct good and bad language. *Constructivist Foundations*, 17(1), 1-13.
- Formanova, S., & Dombrovan, T. (2019). A sociolinguistic experiment in defining the forms of impoliteness. *Psycholinguistics*, 25(2), 323-337. <https://doi.org/10.31470/2309-1797-2019-25-2-323-337>
- Grishechko, E. G. (2011a). *Means of implementing the communicative strategy of politeness in modern English* [Candidate dissertation, Southern Federal University]. EDN: QFPKET
- Grishechko, E. G. (2011b). *Means of implementing the communicative strategy of politeness in modern English* [Dissertation abstract, Southern Federal University]. EDN: QHQRUN
- Grishechko, E. G. (2021). *Communicative strategy of politeness in modern English: Multi-level means of implementation*. RUDN University. EDN: EHERPQ

- Grishechko, O. S., & Akopova, A. S. (2015). Ethno-metric parameters of communicative analysis of verbal behavior. *Almanac of Modern Science and Education*, 11(101), 32-34. EDN: UZHLYR
- Huang, L. (2019). Revisit euphemisms from the perspective of intentionality. *Forum for Linguistic Studies*, 1(1), 102-111. <https://doi.org/10.18063/fls.v1i1.1084>
- Holder, R. W. (2008). *Dictionary of euphemisms*. Oxford University Press.
- Kalandarov, S. S., & Tukhtasinova, S. (2021). On euphemisms and their classification. *Asian Journal of Multidimensional Research*, 10(5), 777-781.
- Linfoot-Ham, K. (2005). The linguistics of euphemism: A diachronic study of euphemism formation. *Journal of Language and Linguistics*, 4(2), 227-263.
- Malyuga, E. N. (2008). A newspaper text: Genre and style paradigm in English interrogative sentences. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 2, 68-71. EDN: NRABFN
- Malyuga, E. N. (2019). Emergent trends in English scientific discourse: Issues of research relevance and linguistic identity. *Tomsk State University Journal. Philology*, 58, 52-70. <https://doi.org/10.17223/19986645/58/4>
- Malyuga, E. N. (2024). *The language of corporate communication: Functional, pragmatic and cultural dimensions*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-58905-8>
- Malyuga, E. N., & Tomalin, B. (2024). Euphemisms in South African English economic discourse: Socio-cultural aspects. *Russian Journal of Linguistics*, 28(3), 512-534. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-39076>
- McGlone, M. S., & Batchelor, J. A. (2003). Looking out for number one: Euphemism and face. *Journal of Communication*, 53(2), 251-264. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2003.tb02589.x>
- Neaman, J. S., & Silver, C. G. (1990). *Kind words: A thesaurus of euphemism*. The Hearst Corporation.
- Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Y. (2006). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Azbukovnik.
- Partridge, E. (2006). *A dictionary of slang and unconventional English*. Routledge.

- Suparto, S., & Fithri, A. (2022). Cognitive conceptualisations of political euphemistic expressions. *Journal of Language and Literature*, 10(1), 46-53.
- Tamos-Villadolid, M., & Santos, A. L. (2019). Euphemisms for taboo words: Iliganon's sociolinguistic approach for social harmony. *Journal of Education & Social Policy*, 6(4), 50-57. <https://doi.org/10.30845/jesp.v6n4p7>

УДК 811.111

<https://doi.org/10.25076/vpl.56.02>

А.С. Аكوпова²

Южный федеральный университет

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА

В то время как коммуникативные и функциональные аспекты спортивного дискурса относятся к широко изученным научным проблемам, стилистическими характеристиками данного типа дискурса уделяется меньше внимания. Настоящая статья направлена на устранение данного пробела путем выявления стилистических характеристик англоязычного спортивного дискурса и анализа их функционирования в различных медиа, включая печатные издания, трансляции (прямой эфир) и цифровые платформы. В исследовании использован корпус объемом 300 000 слов, скомпилированный с использованием различных источников с целью определения ключевых стилистических приемов, таких как аллитерация, метафора, перифраз, эпитеты, градация, эвфемизмы, сравнения и риторические вопросы. Как показали результаты исследования, данные стилистические средства способствуют эмоциональной и описательной насыщенности

² © Аكوпова А.С. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

спортивных текстов, при этом в разных медиа наблюдается характерная специфика их употребления: печатные издания склонны к детализированному и рефлексивному языку, прямые трансляции акцентируют внимание на скорости передачи информации, в то время как цифровые платформы ориентированы на краткость и интерактивность. Проведенное исследование продемонстрировало, каким образом идентифицированные стилистические элементы повышают эффективность спортивного дискурса, привлекая внимание аудитории и обогащая процесс повествования. Выводы исследования подчеркивают стилистическое богатство спортивного дискурса и акцентируют внимание на важности интеграции стилистического анализа в более широкие исследования дискурса.

Ключевые слова: спортивный дискурс, стилистический прием, метафоризация, аллитерация, эвфемизация, риторическая стратегия

UDC 811.111

<https://doi.org/10.25076/vpl.56.02>

A.S. Akopova

Southern Federal University

STYLISTIC FEATURES OF ENGLISH-LANGUAGE SPORTS DISCOURSE

While the communicative and functional dimensions of sports discourse have been widely studied, less attention has been given to its stylistic aspects. This article intends to address that gap by identifying the stylistic features of English-language sports discourse and examining how they function across different mediums, including print media, broadcast (live) commentary, and digital platforms. The study uses a 300,000-word corpus from diverse sources to identify key stylistic devices such as alliteration, metaphor, periphrasis, epithets, gradation, euphemism, similes, and rhetorical questions. The findings suggest that these stylistic tools contribute to the emotional and descriptive calibre of sports narratives, with distinct patterns emerging across mediums: print media leans toward detailed and reflective language, live commentary emphasises immediacy, and digital platforms prioritise concise and

interactive expression. The analysis has shown how these stylistic elements contribute to the effectiveness of sports discourse by garnering audience's attention and enriching the storytelling process. The findings bring to the fore the stylistic richness of sports discourse and place emphasis on the importance of integrating stylistic analysis into broader discourse studies.

Key words: sports discourse, stylistic device, metaphorisation, alliteration, euphemisation, rhetorical strategy

Introduction

The language used in the context of sports, such as live commentary, interviews, reports, articles, and media posts, is referred to as sports discourse (Caldwell, 2020). This type of discourse stands out for frequently combining persuasive, emotive, and descriptive elements (Oates & Pauly, 2007). Sports discourse is a tool for shaping public perceptions and fostering community identities in English-speaking contexts, in addition to reflecting cultural values and societal trends. Sports are an important topic for linguistic research because of their widespread appeal, which attests to the importance of this type of discourse.

While considerable attention has been given to the functional and communicative aspects of sports language (Adams et al., 2010; Olimat et al., 2023; Alkhamash, 2021), its stylistic dimensions remain underexplored. Existing studies often focus on rhetorical strategies (Harris & Adams, 2016) or narrative structures (Wagner & Sveinson, 2024), leaving a gap in comprehending the stylistic devices that contribute to the uniqueness of sports discourse. This study intends to address this gap by identifying the stylistic features specific to English-language sports discourse, with an emphasis on how these features enhance its communicative impact and audience engagement across three distinct genres of print media, digital media and broadcast commentary.

The aim of this research is to identify the stylistic characteristics of English-language sports discourse, considering their role in moulding the distinct identity of its most prominent genres of print media, digital media and broadcast commentary.

Literature review

The linguistic study of sports discourse has garnered growing attention over the past decades due to the global significance of sports as a cultural and social phenomenon. Scholars have analysed sports discourse from various perspectives, including its functional (McGannon, 2016), communicative (Moustakas, 2023), and rhetorical aspects (Mauro, 2020; Malyuga & Akopova, 2021), focusing on how it makes an appeal to audiences, conveys information, and helps build a sense of community.

Early studies in sports linguistics concentrated on the communicative functions of sports language, such as its ability to inform, entertain, and persuade. For instance, Ferguson (1983) described the “sport announcer talk” genre, identifying its distinctive grammatical simplifications, formulaic expressions, and rapid-fire delivery as key elements in live commentary. Later, Kuiper and Haggio (1985) explored the use of formulaic language in sports commentary to show how commentators rely on pre-established phrases to maintain fluency and rhythm in real-time speech.

A few studies have examined rhetorical and narrative strategies in sports media. Billings (2016) analysed how sports journalists craft narratives that affect public perceptions of athletes and teams, often employing metaphors, hyperboles, and dramatic tension to boost audience engagement. Similarly, Wenner (2015) emphasised the role of sports discourse in constructing national and cultural identities, noting how stylistic devices like alliteration and parallelism contribute to the emotive power of sports narratives. Notably, while these works point out the rhetorical richness of sports discourse, their primary focus is on the broader socio-cultural implications rather than on a detailed stylistic analysis.

Stylistic studies of sports discourse have primarily been confined to specific genres, such as sports commentary or journalistic reports. Alzawaydeh and Alghazo (2018) investigated the use of metaphors in football commentary, illustrating how these linguistic devices create memorable imagery and emotional resonance. Aull and Brown (2013) employed corpus-based methods to analyse lexical choices in sports reporting, revealing patterns in word frequency and collocation. Although these studies touch upon stylistic features, they once again lack a systemic framework for categorising and interpreting these elements across the broader spectrum of sports discourse.

Thus, despite the advancements, a comprehensive and systemic analysis of the stylistic features of English-language sports discourse remains limited, with existing research often addressing stylistic elements only tangentially or within specific sub-genres. Hence, a significant gap persists, with most studies either isolating specific stylistic devices or confining their scope to sub-genres, thus neglecting the overarching stylistic patterns that characterise sports discourse as a unified linguistic phenomenon. Furthermore, few studies explore how stylistic elements interact with the communicative and cultural dimensions of sports language to create its distinctive identity.

This study seeks to address the identified gap by singling out the stylistic features of English-language sports discourse. Through the examination of a diverse corpus of sports-related texts, including broadcast commentary, print and digital media, this research aims to develop a systemic framework for understanding the stylistic strategies that underpin this type of discourse.

Material and methods

The study's source material is a broad collection of English-language sports texts from a range of platforms, including print media, broadcast (live) commentary, and online sources. Prominent newspapers and magazines like "The Guardian", "The Observer", "Sky Sports", "Daily Mirror", and "The Times" were among the sources covering a broad spectrum of sports discourse texts. The oral stylistic elements of broadcast commentary were preserved through transcription, while current trends were reflected through the inclusion of digital content such as blogs, media posts, and articles from well-known sports websites. Based on the corpus's volume of roughly 300,000 words, stylistic variation across various platforms and formats has been fully represented. The texts spanning the time period of five years were chosen to ascertain recent stylistic advancements in sports discourse.

Both qualitative and quantitative methods were used in the study to analyse the stylistic elements registered in the material collected. A methodical approach to data collection was taken to guarantee diversity among sports, including basketball, tennis, and football. The goal of qualitative analysis was to pinpoint important stylistic components, such as rhetorical devices, syntactic patterns, and word choices. Figurative language, including alliteration, similes, and metaphors, as well as syntactic structures like rhetorical questions, received particular attention

The qualitative analysis was supplemented by quantitative methods. The frequency of stylistic devices in the corpus was ascertained through frequency analysis. Cross-referencing the results with previous research helped to confirm interpretations and identify new contributions. The method provided an all-encompassing viewpoint on the stylistic elements of sports discourse. Diverse sources and formats were used to guarantee that the analysis captured the complexity of English-language sports discourse, and the comparative analysis attested to the stylistic variations among genres and subgenres.

Study results

The study of the stylistic devices in English-language sports discourse identified a number of linguistic and rhetorical techniques that support the discourse's expressiveness, emotional resonance, and efficacy as a medium. The study's findings are presented in the section below, which focuses on important stylistic devices and their purposes, backed up by corpus examples.

Alliteration

Alliteration is a stylistic technique used to establish rhythm, direct attention, and elevate the visual appeal of language. It is defined as the repetition of the initial consonant sounds in closely related words (Grishechko & Akopova, 2015). Alliteration works especially well in sports discourse to draw in viewers and create memorable narratives. Alliteration reinforces important themes or feelings connected to the story by laying emphasis on sound patterns and directing the reader's or listener's attention to specific passages (Grishechko et al., 2015). Alliteration was found to be a common stylistic element in this study, especially in print media headlines where it is used to immediately grab the reader's attention. The following examples show how alliteration can be used to convey dynamism and intensity, two qualities that are intrinsic to sports narratives.

In "*Robson and Rush Raise Rackets in Rematch*", for example, the /r/ sound is repeated to create a rhythmic flow that reflects the match's intensity and competitive tension. The /t/ sound is also used in "*Tiger Tackles Tough Terrain*" to put a focus on the athlete's struggle and support the story of tenacity and grit. The use of nouns like "terrain" and verbs like "tackles" supports the image of the action-packed setting of sports reporting. In "*Federer Faces Fierce Finals*", the /f/ sound steers the attention towards the event's importance while also portraying it as a

dramatic and intense moment. Readers are drawn in by the situation's increased drama and recurring sound. With the /b/ sound reflecting the aggressive and resolute nature of the team's efforts, "*Bulls Battle Back Brilliantly*" perfectly encapsulates the spirit of a comeback. In a similar vein, "*Sprint Stars Shine Spectacularly*" uses /s/ to accentuate performance and excellence, fitting in with the lively tone of the speech.

Alliteration's distribution across media formats suggests that it can be used in a variety of communicative contexts. Alliteration is a common technique in print media, especially headlines, because it can distil intricate stories into powerful and memorable sentences. Headlines frequently need to grab attention fast, and alliteration accomplishes this by producing a rhythmic and evocative wordplay that is visually and aurally striking.

However, alliteration is used less frequently in live commentary. Deliberate stylistic construction is less feasible in spoken discourse due to its spontaneity and the requirement for real-time reporting. When alliteration occurs in commentary, it usually happens accidentally or organically in descriptive passages. In the midst of action, a commentator might say, "*Brilliant break by the Blues!*" The /b/ sound is repeated, emphasising the event's speed and intensity.

Alliteration finds a compromise in digital media. It is commonly utilised in short-form content, hashtags, and captions where impact and conciseness are crucial. It can be useful in digital posts while adhering to character limits, as demonstrated by examples such as "*Game Grit Gone!*" and "*Superb Striker Scores*". Digital media frequently levels up the impact of alliteration by mixing textual and visual components, combining rhythmic phrases with visually arresting images or videos.

As a result, alliteration's function in sports discourse differs greatly depending on the format, and its adaptability as a stylistic device demonstrates how well it supports the discourse's ability to communicate ideas, which adds to its lively character.

Metaphorisation

Metaphor, as posited by Lakoff and Johnson (1980), refers to the cognitive process of comprehending one conceptual framework through the lens of another, serving as an essential cognitive and linguistic instrument for elucidating abstract or complex ideas by employing more concrete or relatable terminology. In sports discourse, the process of metaphorisation operates to conceptualise athletic events, participants,

and teams through the utilisation of imagery derived from domains such as warfare, struggle, and motion, thereby intensifying the narrative's emotional and dramatic resonance. The examination of the corpus indicated that metaphor constitutes one of the most prevalent stylistic devices, employed to articulate the fervour, stakes, and dynamism intrinsic to sports.

Metaphorisation is demonstrated in the diverse uses of metaphor within sports discourse. Conceptualising competition as warfare, the phrase "*The battle for the top spot*" marks its combative essence and conjures up associations with strategic planning and conflict. The verb "rages" amplifies the metaphor's intensity, implying sustained and highly contentious disputes. Such metaphors can come in handy, as sports are often seen as battlegrounds where high-pressure confrontations take place, and winning or losing has substantial importance.

The phrase "*The team suffered a crushing defeat*" uses a metaphor that equates physical destruction with the emotional impact of losing. The word "crushing" intensifies the severity of the loss by drawing on a common, visceral experience of physical force or collapse. This type of metaphor is highly effective in creating empathy or triggering emotional responses among its listeners.

Players are portrayed as tactical invaders who blend skill and aggression in "*Storming the pitch with precision*", which blends metaphors of motion and war. The contrast between "storming" and "precision" illustrates the need for both force and dexterity in sports. Similar to this, "*Climbing the ladder of success*" expands on the motion metaphor by portraying athletic success as an ascent that calls for work, perseverance, and advancement. This extended metaphor is frequently used in print media because of the format's reflective qualities, which enable the creation of imagery that gives stories depth and coherence.

Lastly, framing an unexpected performance as a military operation is the phrase "*The underdog launched a last-minute offensive*". The metaphor builds on the event's strategic and unexpected aspects, working so as to heighten the story's drama and excitement.

The way metaphorisation is used in various media formats shows how flexible it is to meet various communication requirements. Deeper narrative construction is made possible by the frequent extension and layering of metaphors in print media. In feature or analytical articles,

phrases like “overcoming insurmountable odds” or “climbing the ladder of success” are common because they help to work towards thematic depth and reader engagement. Such elaboration is made possible by the reflective and interpretive nature of print media, which makes metaphor an essential tool for writing gripping sports narratives.

Metaphors are typically more vivid and shorter in broadcast commentary to fit the urgency of live reporting. Examples such as “*They’re going for the jugular*” or “*That shot was an absolute missile*” reference action and emotion while offering engrossing and descriptive real-time commentary. To convey the intensity and speed of sporting events, these metaphors frequently reference physical or combative domains, striking a chord with viewers who are visually engrossed in the action.

Metaphorisation in digital media is modified to fit the format’s multimodality and brevity. Commonly used metaphors in social media posts and captions are succinct but powerful, like “*This team is on fire!*” or “*A nail-biting finish to the game*”. Adding images, hashtags, or emojis to a message can intensify its use of metaphor by reinforcing its imagery and emotional tone.

The prevalence of metaphors in sports discourse is indicative of their emotional and cognitive value. Metaphors give abstract ideas like competition and success a relatable and vivid quality by drawing on well-known contexts like motion, war, and physicality. They exhibit their versatility through their distribution across media formats, each of which makes use of the device in ways that complement its unique communicative objectives and limitations.

Periphrasis

Periphrasis, defined as the use of a descriptive phrase or indirect expression to convey an idea that could otherwise be stated more succinctly (Akopova, 2016), serves both a stylistic and functional role in discourse. According to Grischechko (2021), periphrasis can be used for rhetorical or poetic purposes, adding depth, variety, or a touch of elegance to language. In sports discourse, it enriches descriptions, avoids repetition, and sustains audience engagement by introducing creative and novel ways of referring to familiar concepts.

For instance, basketball is imaginatively identified in “*The game of the orange ball*” without being specifically named. By adding visual imagery, this periphrastic reference marks the sport’s distinctive

qualities and evokes its defining feature. In addition to keeping conversation interesting, the expression's indirectness engages the reader with a poetic touch.

In a similar vein, "*The sport of white lines*" alludes to tennis by referencing the distinctive court boundaries. This periphrasis turns a commonplace feature into a descriptive one by encapsulating a crucial aspect of the game's identity. These kinds of allusions are typical in print media, where the goal is to create visually striking stories that keep readers interested.

One well-known periphrasis for football (soccer) is "*the beautiful game*", which alludes to the sport's aesthetic and cultural importance. The phrase goes beyond the game's technical features to portray it as a cultural phenomenon by putting a focus on its artistry and universal appeal. Audiences respond emotionally to this kind of periphrasis, which fits with sports' larger symbolic and social connotations.

Tradition and decorum are used to describe golf in "*The Gentleman's Pursuit*". In keeping with its historical and cultural connotations, this periphrasis alludes the sport's association with refinement and sportsmanship. The use of such language supports journalistic attempts to present the sport as more than just a physical competition and appeals to readers' perceptions of its ethos.

Lastly, "*Clash of Titans*" depicts a high-stakes contest between two fierce rivals. This phrase heightens the event's drama and significance by fusing mythological imagery with sports narratives. It is a popular choice for texts in print and digital media because of its grandeur, which captures the passion and excitement of such encounters.

The fact that periphrasis is used in a variety of media formats attests to its versatility and particular communication purposes. Periphrasis is widely used in print media to increase narrative variety and depth. These descriptive paraphrases are frequently used in feature articles, profiles, and match analyses to keep readers interested throughout lengthy texts by introducing layers of imagery and thematic resonance. A feature about a tennis match, for instance, might switch between using the sport's name directly and using periphrastic phrases like "*the white-lined battleground*".

Periphrasis is less common but purposefully used in broadcast commentary to add variation during slower game segments. For example, to break up the monotony or inject some originality into their

story, a commentator may call a basketball game “*the orange court showdown*”. However, more straightforward language is frequently preferred in commentary due to its immediacy and real-time nature.

Periphrasis naturally occurs in captions, hashtags, and headlines in digital media, where impact and brevity must be balanced. Media posts and digital journalism frequently use phrases like “*The titans meet again*” or “*The beautiful game on display tonight*”. These short yet evocative phrases make use of the multimodal nature of digital platforms to increase their impact by combining captivating images with vivid text.

To sum up, periphrasis acts as a stylistic link between creativity and description, enabling sports discourse to go beyond simple reporting.

Epithets

According to Grischechko (2011a), epithets are adjectives or descriptive phrases that emphasise attributes of a noun. They are a crucial stylistic tool for expressing metaphorical, emotive, or evaluative meaning. Crystal (2017) argues that epithets add subjectivity to descriptions, allowing the writer or speaker to express judgments or convey feelings. Sports discourse has been observed to use epithets to add a dramatic tone and convey the emotional intensity of competition, as evidenced by examples from the corpus.

The adjective “phenomenal”, for instance, encourages the audience to appreciate the moment’s importance as it draws the attention to both the skill and its emotional impact, as in “*A phenomenal save*”. In a similar fashion, “*The relentless attack*” conveys the ferocity and perseverance of a team’s offensive strategy. The epithet “thrilling” in “*A thrilling finale*” describes the event as emotionally charged and unforgettable, evoking a common sense of drama and suspense. On the other hand, “*A reckless challenge*” criticises a player’s choice as “reckless” and signals the possibility of harm or disciplinary action. The evaluative application of epithets can be viewed as a clear example of how they frame player and game action perceptions.

Sports reporting often relies on emotionally charged language to refer to achievements or failures. Positive descriptors like “spectacular”, “heroic”, and “elegant” serve to elevate the significance of athletic feats. For instance, phrases such as “an elegant strike” focus on the skill and artistry of a play, while “a spectacular performance” can be said to reference both technical excellence and visual appeal. Conversely, negative terms like “disastrous” or “underwhelming” are used to point

out mistakes or shortcomings, reflecting the competitive nature and high expectations of the field. Similarly, expressions like “a sensational comeback” shift the focus towards perseverance and victory, as the word “sensational” is associated with the emotional and dramatic impact of overcoming challenges.

The use of epithets varies significantly across different media. Epithets in print media are typically more complex and introspective, which fits with the format’s focus on in-depth analysis and narrative. Phrases like “*the enduring brilliance of Federer’s performance*” or “*the extraordinary tactical acumen displayed by the coach*” are commonly used in feature articles, match reports, and profiles to offer assessments. In print media, epithets frequently contribute to the story’s richness and depth of interpretation, making it more layered.

Epithets used in broadcast commentary are brief and frequently impromptu in order to convey the urgency of the situation. Phrases like “*That was a reckless foul!*” and “*What a phenomenal goal!*” contribute to emotional involvement and real-time assessment. These epithets’ impact and conciseness appeal to the fast-paced, descriptive economy-focused nature of live commentary. These phrases frequently turn into catchy soundbites, adding to the sports industry’s timeless lexicon.

Epithets in digital media adjust to the multimodality and brevity of the platform. Impactful and visually supported phrases like “*A thrilling match!*” or “*A disastrous defeat for the home team*” are frequently used in media posts, captions, and headlines. Incorporating hashtags (e.g., #SensationalVictory) heighten the emotional resonance of epithets in this situation by combining textual and visual elements in a synergistic way.

Epithets in sports discourse therefore fulfil a number of vital purposes. They are the main way that people express their opinions, which helps authors and presenters influence how people view athletes, groups, and events. Epithets influence the focus of the story by steering the focus towards specific attributes, such as drama, failure, or moments of exceptional performance. For example, digital and broadcast media frequently employ epithets with positive connotations, which reflects the genre’s propensity to maintain audience enthusiasm and celebrate accomplishment. Although they are less frequent, epithets with negative connotations, on the other hand, provide contrast and criticism while preserving a fair depiction of events.

Gradation

Glazko (2021) defined gradation as the placement of concepts or components in a decreasing or increasing order of importance. Gradation is used to establish a story's progression and intensity. In order to influence the audience's emotional reaction and increase or decrease the perceived impact of events, it is frequently used as a rhetorical device. Gradation in sports discourse secures anticipation and excitement or points out contrasts to support the dramatic arc of a game or player's performance to keep the audience interested. Gradation works by using an ascending sequence of evaluative adjectives, as in "*The team's performance went from good to great to exceptional*". This progression mimics the dynamics of a typical sports narrative, where performances build toward a peak, and it reflects the team's evolving quality of play. Here, the use of gradation inspires readers or viewers to concentrate on the event's upward trajectory while also generating a sense of optimism and momentum.

Another illustration of gradation using action verbs that depict a temporal and qualitative progression is "*They started hesitantly, grew into the game, and finished in complete control*". This phrasing aligns the language with the sense of steady advancement by tracing the stages of improvement and producing a rhythmic cadence. Because it references the team's growing dominance, the gradation effectively tells the match's story and makes it vivid and relatable for the audience.

Gradation appears in "*From a stumble to a sprint to an electrifying victory*" in both structural and metaphorical contexts. With the imagery of movement (stumbling, sprinting) giving way to the competitive and emotional climax of "electrifying victory", the sequence conveys an increasing sense of effort and success. This development captures the drama that is inherent in a sporting event while preserving narrative coherence, reflecting its highs and lows.

The way that different media use gradation in sports discourse varies. Because it keeps viewers interested and involved in real time, gradation is especially common in broadcast commentary. The use of gradation in commentary phrases such as "*He's getting closer, closer, and now he's passed the leader!*" demonstrates how gradation fits in with the urgency of live reporting, creating tension and mirroring the action's development. Gradation frequently happens on its own during crucial

plays or intense competitions, when commentators try to time their speech to the drama of the situation.

In print media, gradation is employed more purposefully, frequently in narratives that are analytical or contemplative. The longer-term perspective provided by this format is reflected in match reports and feature articles with statements such as “*The player progressed from a promising rookie to a reliable team leader and ultimately to an iconic figure in the sport*”. When narrating a player’s career path or a team’s season-long journey, print media use gradation to give stories depth and structure.

Gradation in digital media is modified for impact and conciseness. Concise gradations are frequently used in media posts and captions to produce shareable content. For example, a message might say: “*From underdogs to contenders to champions – what a journey!*” This format’s condensed nature fulfils the platform’s requirements while maintaining the fundamental purpose of gradation, which is to point out progress. Furthermore, digital media frequently combines textual gradation with visual components, like pictures or videos, to heighten its emotional impact.

Gradation works well as a rhetorical device to engage audiences because it mimics the pacing and organisation of sports narratives. The action is defined by climactic moments and momentum changes, which is reflected in its ascending or descending sequences. Overall, the use of gradation in sports discourse exposes the genre’s dependence on linguistic intensity to reflect the competitive and emotional stakes of events, and its distribution across media formats demonstrates how versatile it is as a stylistic device that can improve both in-the-moment reporting and retrospective narratives.

Euphemisation

In sports discourse, euphemisation – defined by Allan and Burridge (1991) as the substitution of indirect or softer expressions for those that might be harsh, disagreeable, or offensive – plays a significant role. Euphemisms preserve a neutral or constructive tone, lessen the impact of unfavourable assessments, and soften criticism. In sports discourse, euphemisms generally ensure that the language remains appropriate and appealing to diverse audiences, while also safeguarding the reputations of players, teams, and officials.

For instance, the term “physical” is often used to describe aggressive or borderline unsportsmanlike behaviour, as in the phrase, “It was a physical game”. This way, the focus is diverted from actions that viewers may find upsetting. This kind of evasive description is especially productive in live commentary, where it is required to maintain a neutral stance when describing events.

Euphemisms can be helpful when the task at hand is to avoid being critical – for example, when talking about underperformance. Thus, the phrase “*The team did not play up to their usual standard*” manages to convey disappointment but does so without resorting to harsh language or direct accusations. This is particularly common in print media, where analysis of sporting events should be calculated in terms to language used so as to not undermine athletes’ achievements.

In live broadcasts, presenters are often faced with the task of commenting on fouls or penalties. In this case, a commenter might say, “*There was a bit of contact in the box*”, which does a good job avoiding direct references to infractions. “Contact” is a rather obscure term to be used in this context, which is why it efficiently helps to move away from any kind of precise detailing of the incident and, hence, avoid premature judgments and leave room for interpretation.

Based on study results, there is a difference in the way euphemisation occurs in different media. In live commentary, it has been registered as a productive device to diffuse conceivable tension. Thus, when a commentator is required to report on an aggressive foul, he might describe it as “*a bit of a reckless challenge*” rather than “perilous” or “unsportsmanlike” to keep to a neutral tone and avoid coming across as biased.

As to print media, it commonly incorporates euphemisms that are more purposeful in nature and designed to sustain interest. For example, rather than stating outwardly that someone “played poorly”, match reports and opinion pieces would instead settle on “*struggled to find their rhythm*”. The journalistic objective of preserving credibility while honouring the athletes’ and teams’ professional efforts is in line with this softer tone. Additionally, euphemisms in print enable analysis without sensationalism, appealing to a more sophisticated and perceptive readership.

Even though euphemisms are less common in digital media, they still shape public opinion, especially in headlines, captions, and media posts.

Digital media does use softer terms to lessen negativity in high-visibility posts, but brevity frequently restricts the use of complex euphemistic phrasing. For example, to explain a defeat without offending supporters, a media post might read, “*A challenging game for the home side*”. Because digital platforms are interactive, euphemisms can also be purposefully employed to avoid contentious comments or debates.

In sports discourse, euphemism reflects its function as a tool that strikes a balance between inclusivity, celebration, and critique. Euphemisms help preserve the upbeat and captivating tone that characterises sports narratives by softening potentially harsh assessments, guaranteeing that the conversation is still interesting to a wide range of listeners. Euphemisation in sports discourse is a prime example of how language can be modified to suit the communicative demands of particular situations

Similes

In sports discourse, similes – which are defined as explicit comparisons between two different things using connecting words like “like” or “as” (Grishechko, 2011b) – are a potent tool for producing relatable descriptions and vivid imagery. Malyuga (2019) asserts that similes relate abstract or difficult concepts to well-known experiences, which makes them more approachable and interesting for the reader. Similes in sports writing help readers and viewers picture the action by using familiar images. They connect the intensity and skill of athletes to everyday concepts or cultural references that are easy to understand.

For instance, saying “*The match was as intense as a chess game*” compares the calculated strategies of chess to the planning and high stakes of the game. This comparison draws attention to the mental effort behind the physical competition and makes it accessible to a broad audience.

“*The goalkeeper dived like a cat to save that shot*”, in its turn, may serve as a good example of simile that is intended to build associations with agility and quick delivery. The association is with a cat’s swift movements in this case, which works well in live commentary specifically, as in this medium the imagery needs to be simple and easy to grasp.

Another example is “*He runs like a machine*”, whereby “machine” is put in place to stimulate associations with productivity and break-free

performance. The athlete is hence described as almost unbreakable and highly competitive.

Another context in which similes can be used in sports discourse is the context of failures. For example, the phrase “*The team collapsed like a house of cards*” brings the message home to describe how quickly and irreversibly things went downhill. A comparison to a house of cards does a great job invoking the image of instability, as well as imminence. This type of phrasing can often be found in print media specifically, because it is here that the writers have the opportunity – and obligation – to explore the details of what went wrong.

Rhetorical questions

A potent stylistic tool, rhetorical questions are those that are asked to highlight a point, stimulate discussion, or engage the audience rather than to elicit an answer (Malyuga, 2010). Rhetorical questions, as posited by Malyuga (2007), serve as an interactional technique to frame important elements of the story and elicit emotional and cognitive engagement from the audience. Rhetorical questions in sports discourse intensify drama, stimulate conjecture, and encourage involvement, bringing the audience closer to the action.

Thus, the question “*Can they pull off a miracle?*” illustrates the elevated stakes of a pivotal moment. Suspense is introduced by the rhetorical question, which also asks the audience to speculate and join in the excitement. The question raises the event’s significance and presents the situation as extraordinary, bringing the audience’s feelings into line with the story’s dramatic arc.

The rhetorical question in “*Is this the greatest comeback of all time?*” functions as a hyperbolic device, placing the incident in a larger historical framework. It encourages audience participation and raises the event’s perceived significance by asking them to assess and contrast the current situation with previous occurrences. This tactic works especially well in digital media and live commentary, where encouraging quick responses is essential.

“*How much more can this team endure?*” is another example that adds dramatic tension and an empathetic note. The question invites the audience to empathise with the athletes’ struggle by focusing on the mental and physical toll they endure. In addition to improving the story, this rhetorical device brings a focus on the tenacity and resolve that are essential to sports narratives.

A sense of rivalry and expectation is generated by the rhetorical question in *“Who will rise to the challenge?”*. In order to stimulate conjecture and emotional involvement and bring the audience into line with the developing drama, it presents the event as an open-ended challenge.

Rhetorical questions found in live broadcasts typically occur spontaneously, as they are a result of the commentator’s on-the-spot reactions, as in *“Can they hold onto the lead?”* or *“What were they thinking there?”*. This may be very helpful when the task at hand is to support the suspense of the outcome of the game and instil excitement.

At the same time, rhetorical questions registered in print media appear to be more calculated, as in *“Is this the end of an era?”*, which sets the stage for a more comprehensive discussion.

Digital media, on the other hand, need to stimulate comments and shares, which is why they typically tend to use short rhetorical questions, like *“What’s next?”*.

Table 1
Key stylistic devices in English-language sports discourse

Device	Description	Examples	Prevalence
Alliteration	Repetition of initial sounds for rhythm and emphasis	“Robson and Rush Raise Rackets”	High in print headlines, moderate in digital captions, rare in live commentary
Metaphorisation	Conceptual representation of sports through figurative language	“Battle for supremacy”, “crushing defeat”	High across all formats; extended in print, vivid in broadcast and digital
Periphrasis	Descriptive paraphrasing to avoid repetition	“The orange ball game”	Common in print and digital media, less frequent

			in commentary
Epithets	Evaluative adjectives conveying emotion	“Phenomenal save”, “thrilling match”	High across all formats
Gradation	Progressive intensification of meaning	“Good to great to extraordinary”	Frequent in commentary, occasional in print and digital
Euphemisation	Substitution of softer terms for harsher realities	“Physical game”, “below their usual standard”	Common across all formats
Similes	Relating sports actions to familiar references	“Runs like a machine”, “as intense as chess”	Frequent in print and digital, moderate in commentary
Rhetorical questions	Questions posed for engagement without expecting an answer	“Can they make history?”	High in headlines and commentary

Discussion

The results of this study demonstrate how English-language sports discourse uses a wide range of stylistic devices, showcasing the genre’s adaptive function in modern language use. This study has exposed how stylistic techniques are used in various media formats to captivate audiences, elicit strong feelings, and organise stories. The frequent use of stylistic devices such as alliteration and metaphorisation demonstrates how performative sports discourse is by nature. Sports language uses these resources to accomplish a variety of communication objectives because it is a genre that sits at the nexus of entertainment, information, and culture. For instance, according to Lakoff and Johnson’s (1980)

conceptual metaphor theory, metaphors that depict sports as conflicts or journeys appeal to viewers because they evoke well-known cognitive frameworks.

Similarly, the need for immediacy and memorability in media communication is in line with the frequent use of alliteration, especially in headlines. Alliteration's phonetic and rhythmic appeal frames important narratives and increases the marketability of sports stories. These results extend the conversation by showing how stylistic devices adjust to the stylistic requirements of various media formats, while also confirming previous findings by Billings (2016) regarding the influence of stylistic devices on how the general public views sporting events.

The interactive and immersive nature of sports discourse is emphasised through the use of gradation, similes, and rhetorical questions. The audience becomes an active participant in the story thanks to these techniques, which create a dialogic connection with them. For instance, rhetorical questions in headlines and commentary serve to both pique readers' interest and frame the discussion in ways that influence how the audience interprets it. These tactics demonstrate the dialogic character of sports communication, which is consistent with the view on institutional interaction as a dialogic continuum (Malyuga, 2008).

The study's conclusions have important ramifications for our comprehension of how stylistic devices influence discourse genres. They first show how stylistic decisions are adjusted to meet the requirements of sports discourse, including the need to communicate action, emotion, and narrative coherence. The adaptability of linguistic strategies in reacting to various communicative contexts is attested to by this adaptive quality.

Second, the comparison of various media formats demonstrates how cultural and technological changes have impacted stylistic practices. As an illustration of broader trends in digital communication, the brevity and multimodality of digital media have resulted in a greater reliance on succinct metaphors, hashtags, and emoticons. These results imply that the changing character of media platforms and their influence on language use must be taken into consideration in stylistic analysis.

Third, by exposing the stylistic diversity of sports discourse, the study advances the larger field of genre analysis. This study reveals notable stylistic differences among subgenres, including print journalism, broadcast commentary, and digital media, despite the fact that sports

discourse is frequently treated as a single genre. This observation calls for more thorough approaches to genre studies and challenges oversimplified classifications.

Lastly, the results have educational ramifications for discourse and language instruction. In educational contexts, the imaginative and expressive use of stylistic devices in sports discourse offers a wealth of material for investigating rhetorical techniques, figurative language, and audience engagement. Examining these tools, students might be able to better understand how language works in everyday situations, especially in communication and the media.

This study has limitations even though it offers a thorough examination of stylistic devices in sports discourse. The findings may not be as applicable to other linguistic and cultural contexts due to the emphasis on English-language texts. Comparative analyses of the stylistic elements of sports discourse in various languages and cultures may provide intriguing observations regarding the adaptability and universality of these tactics. Additionally, the study's primary focus was on written and transcribed texts might not adequately represent the multimodal character of sports discourse, especially in digital media. To provide a more comprehensive laying out of stylistic practices, future research could examine the relationship between linguistic and visual elements, such as infographics, videos, and memes.

This study establishes sports discourse as a productive platform for investigating the relationship among language, culture, and media, and how language changes to accommodate various audiences and situations. Sports serve as a unifying force and a platform for cultural expression in society, and these stylistic techniques ultimately support this function by framing sporting events as dramatic, emotive, and culturally significant narratives. The results of this study, in summary, reveal the nature of linguistic creativity ingrained in sports communication and add to the expanding corpus of research on stylistics and discourse analysis.

Conclusion

In order to determine the distinctive identity and efficacy of the genre, this study sought to identify the stylistic devices that define English-language sports discourse. The study analysed a corpus of roughly 300,000 words gathered from various sources, such as digital platforms, print media, and broadcast commentary. While comparative analyses across media formats produced information about the variability of their

use in various contexts, qualitative and quantitative methods offered a thorough analysis of stylistic elements.

The research outcomes indicate that stylistic devices are fundamental to the expressive and emotive dimensions of sports discourse. Alliteration is a notable feature in print headlines. It creates a rhythmic structure and makes phrases easier to remember. Metaphors are present in all forms of sports media. They often describe sports as battles, journeys, or competitions, and reference familiar concepts to communicate the emotional weight of the events. In print, extended metaphors are common and allow for a more comprehensive exploration of the narrative. Broadcast and digital media, however, prefer shorter metaphors suited to the immediacy of their formats.

Periphrasis adds creative variation to descriptions. This device often introduces a poetic tone in journalistic writing. Epithets remain central to sports discourse across media formats and add emotional depth to reporting. Gradation is a frequent method in live commentary. It intensifies the drama and builds suspense by escalating descriptions in steps. Euphemisms reduce the harshness of controversial or negative moments. They align the tone of the discourse with audience expectations. Similes compare athletic achievements to relatable experiences and make descriptions more accessible. Rhetorical questions add dynamism and encourage the audience to think about events as they unfold.

Each medium adapts these stylistic tools to its specific demands. Print media often relies on detailed and thoughtful techniques to hold a reader's attention and analyse events. Broadcast commentary focuses on delivering dramatic and immediate descriptions that match the fast pace of the game. Digital platforms prioritise brevity and interaction in the form of concise expressions that stimulate audience participation.

The analysis shows how these stylistic devices contribute to the cultural and communicative power of sports reporting. Each format uses them differently to meet the needs of its audience. The research exposes the importance of stylistic devices as essential instruments that define the efficacy and attraction of sports discourse, rather than only as ornamental components, by placing these findings within larger linguistic and media trends. These findings lay the groundwork for future research into the stylistic and cultural aspects of sports discourse.

Литература

1. Акопова А. С. Обучение английскому языку для профессиональных целей. Ростов-на-Дону: индивидуальный предприниматель Беспаятнов Сергей Владимирович, 2016. 103 с. EDN: XDWIJJ
2. Гришечко Е. Г. Средства реализации коммуникативной стратегии вежливости в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. н. Ростов-на-Дону, 2011а. 186 с. EDN: QFPKET
3. Гришечко Е. Г. Средства реализации коммуникативной стратегии вежливости в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. н. Ростов-на-Дону, 2011б. 24 с. EDN: QHQRUN
4. Гришечко Е. Г. Коммуникативная стратегия вежливости в современном английском языке: разноуровневые средства реализации. М.: Российский университет дружбы народов, 2021. 189 с. EDN: EHERPQ
5. Гришечко О. С., Акопова А. С. Этнометрические параметры коммуникативного анализа речевого поведения // Альманах современной науки и образования. 2015. № 11(101). С. 32-34. EDN: UZHLYR
6. Гришечко О. С., Акопова А. С., Бабиян Т. В. Предпосылки и формулы этнометрического анализа культурных измерений // Альманах современной науки и образования. 2015. № 12(101). С. 64-67. EDN: VHXZBR
7. Малюга Е. Н. Функционально-прагматические особенности речевого поведения британских и американских участников межкультурной деловой коммуникации. М.: Российский университет дружбы народов, 2007. 194 с. EDN: QTHFBV
8. Малюга Е. Н. К вопросу о жанрово-стилевой парадигме газетного текста // Вестник Университета российской академии образования. 2008. № 2. С. 68-71. EDN: NRABFN
9. Малюга Е. Н. Профессионально ориентированное обучение иностранным языкам на современном этапе // Вопросы прикладной лингвистики. 2010. № 3. С. 83-97. EDN: RXNSRV
10. Малюга Е. Н. Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестник Томского государственного

- университета. Филология. 2019. № 58. С. 52-70.
<https://doi.org/10.17223/19986645/58/4>
11. Adams A., Anderson E., McCormack M. Establishing and challenging masculinity: the influence of gendered discourses in organized sport // *Journal of Language and Social Psychology*. 2010. № 29(3). P. 278-300.
<https://doi.org/10.1177/0261927X10368833>
 12. Alkhamash R. The social media framing of gender pay gap debate in American women's sport: a linguistic analysis of emotive language // *Training, Language and Culture*. 2021. № 5(4). P. 22-35. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-22-35>
 13. Alzawaydeh R., Alghazo S. Analysing media discourse: the case of conceptual metaphors in football news headlines in English and Arabic // *International Journal of Linguistics*. 2018. № 10(6). P. 116-133. <https://doi.org/10.5296/IJL.V10I6.13502>
 14. Aull L. L., Brown D. W. Fighting words: a corpus analysis of gender representations in sports reportage // *Corpora*. 2013. № 8(1). P. 27-52. <https://doi.org/10.3366/COR.2013.0033>
 15. Billings A. C. *Defining sport communication*. New York: Taylor & Francis, 2016. 370 p. <https://doi.org/10.4324/9781315693910>
 16. Caldwell D. Sounds of the game: an interpersonal discourse analysis of "on field" language in sports media // *Discourse, Context & Media*. 2020. № 33. P. 100363. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2019.100363>
 17. Crystal D. My priority for the next 50 years: an online cultural dictionary // *Training, Language and Culture*. 2017. № 1(1). P. 14-27. <https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.1.1>
 18. Ferguson C. A. Sports announcer talk: syntactic aspects of register variation // *Language in Society*. 1983. № 12(2). P. 153-172. <https://doi.org/10.1017/S0047404500009787>
 19. Glazko P. P. Expressive language means in professional discourse of journalists (as used in personal genres in English and Russian) // *Issues of Applied Linguistics*. 2021. № 41. P. 86-103. <https://doi.org/10.25076/vpl.41.05>
 20. Harris K., Adams A. Power and discourse in the politics of evidence in sport for development // *Sport Management Review*. 2016. № 19(2). P. 97-106. <https://doi.org/10.1016/J.SMR.2015.05.001>

21. Kuiper K., Haggio D. Livestock auctions, oral poetry and ordinary language // *Language in Society*. 1985. № 13. P. 205-234. <https://doi.org/10.1017/S0047404500010381>
22. Lakoff G., Johnson M. The metaphorical structure of the human conceptual system // *Cognitive Science*. 1980. № 4(2). P. 195-208. https://doi.org/10.1207/S15516709COG0402_4
23. Malyuga E. N., Akopova A. S. Precedence-setting tokens: issues of classification and functional attribution // *Training, Language and Culture*. 2021. № 5(4). P. 65-76. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76>
24. Mauro M. Media discourse, sport and the nation: narratives and counter-narratives in the digital age // *Media, Culture & Society*. 2020. № 42(6). P. 932-951. <https://doi.org/10.1177/0163443720902910>
25. McGannon K. R. Critical discourse analysis in sport and exercise: what, why and how // *Routledge handbook of qualitative research in sport and exercise*. London: Routledge, 2016. P. 252-264. <https://doi.org/10.4324/9781315762012-29>
26. Moustakas L. Sport and social cohesion within European policy: a critical discourse analysis // *European Journal for Sport and Society*. 2023. № 20(1). P. 1-18. <https://doi.org/10.1080/16138171.2021.2001173>
27. Oates T. P., Pauly J. Sports journalism as moral and ethical discourse // *Journal of Mass Media Ethics*. 2007. № 22(4). P. 332-347. <https://doi.org/10.1080/08900520701583628>
28. Olimat S. N., Mahadin D. K., Olimat K. S. A socio-onomastic study of the 2022 FIFA World Cup football teams' nicknames // *Training, Language and Culture*. 2023. № 7(2). P. 9-20. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-9-20>
29. Wagner U., Sveinson K. Analyzing discourses and the communication of sport: a scoping review and suggestions for future endeavors // *Communication & Sport*. 2024. № 12(6). P. 1075-1094. <https://doi.org/10.1177/21674795231206309>
30. Wenner L. A. Sport and media // *Routledge handbook of the sociology of sport*. London: Routledge, 2015. P. 377-387. <https://doi.org/10.4324/9780203404065>

References

- Adams, A., Anderson, E., & McCormack, M. (2010). Establishing and challenging masculinity: The influence of gendered discourses in organized sport. *Journal of Language and Social Psychology, 29*(3), 278-300. <https://doi.org/10.1177/0261927X10368833>
- Akopova, A. S. (2016). Teaching English for specific purposes. IP Bespamyatnov S. V. EDN: XDWIJJ
- Alkhamash, R. (2021). The social media framing of gender pay gap debate in American women's sport: A linguistic analysis of emotive language. *Training, Language and Culture, 5*(4), 22-35. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-22-35>
- Alzawaydeh, R., & Alghazo, S. (2018). Analysing media discourse: The case of conceptual metaphors in football news headlines in English and Arabic. *International Journal of Linguistics, 10*(6), 116-133. <https://doi.org/10.5296/IJL.V10I6.13502>
- Aull, L. L., & Brown, D. W. (2013). Fighting words: A corpus analysis of gender representations in sports reportage. *Corpora, 8*(1), 27-52. <https://doi.org/10.3366/COR.2013.0033>
- Billings, A. C. (2016). *Defining sport communication*. Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9781315693910>
- Caldwell, D. (2020). Sounds of the game: An interpersonal discourse analysis of "on field" language in sports media. *Discourse, Context & Media, 33*, 100363. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2019.100363>
- Crystal, D. (2017). My priority for the next 50 years: An online cultural dictionary. *Training, Language and Culture, 1*(1), 14-27. <https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.1.1>
- Ferguson, C. A. (1983). Sports announcer talk: Syntactic aspects of register variation. *Language in Society, 12*(2), 153-172. <https://doi.org/10.1017/S0047404500009787>
- Glazko, P. P. (2021). Expressive language means in professional discourse of journalists (as used in personal genres in English and Russian). *Issues of Applied Linguistics, 41*, 86-103. <https://doi.org/10.25076/vpl.41.05>
- Grishechko, E. G. (2011a). Means of implementing the communicative strategy of politeness in modern English [Candidate dissertation, Southern Federal University]. EDN: QFPKET

- Grishechko, E. G. (2011b). Means of implementing the communicative strategy of politeness in modern English [Dissertation abstract, Southern Federal University]. EDN: QHQRUN
- Grishechko, E. G. (2021). Communicative strategy of politeness in modern English: Multi-level means of implementation. RUDN University. EDN: EHERPQ
- Grishechko, O. S., & Akopova, A. S. (2015). Ethno-metric parameters of communicative analysis of verbal behavior. *Almanac of Modern Science and Education*, 11(101), 32-34. EDN: UZHLYR
- Grishechko, O. S., & Akopova, A. S., & Babiyan, T. V. (2015). Prerequisites and formulae of ethno-metrical analysis of cultural dimensions. *Almanac of Modern Science and Education*, 12(102), 64-67. EDN: VHXZBR
- Harris, K., & Adams, A. (2016). Power and discourse in the politics of evidence in sport for development. *Sport Management Review*, 19(2), 97-106. <https://doi.org/10.1016/J.SMR.2015.05.001>
- Kuiper, K., & Haggo, D. (1985). Livestock auctions, oral poetry and ordinary language. *Language in Society*, 13, 205-234. <https://doi.org/10.1017/S0047404500010381>
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). The metaphorical structure of the human conceptual system. *Cognitive Science*, 4(2), 195-208. https://doi.org/10.1207/S15516709COG0402_4
- Malyuga, E. N. (2007). *Functional-pragmatic features of speech behavior of British and American participants in intercultural business communication*. RUDN University. EDN: QTHFBV
- Malyuga, E. N. (2008). A newspaper text: Genre and style paradigm in English interrogative sentences. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 2, 68-71. EDN: NRABFN
- Malyuga, E. N. (2010). Profession-oriented teaching of foreign languages at the modern stage. *Issues of Applied Linguistics*, 3, 83-97. EDN: RXNSRV
- Malyuga, E. N. (2019). Emergent trends in English scientific discourse: Issues of research relevance and linguistic identity. *Tomsk State University Journal of Philology*, 58, 52-70. <https://doi.org/10.17223/19986645/58/4>
- Malyuga, E. N., & Akopova, A. S. (2021). Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution. *Training*,

- Language and Culture*, 5(4), 65-76. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76>
- Mauro, M. (2020). Media discourse, sport and the nation: Narratives and counter-narratives in the digital age. *Media, Culture & Society*, 42(6), 932-951. <https://doi.org/10.1177/0163443720902910>
- McGannon, K. R. (2016). Critical discourse analysis in sport and exercise: What, why and how. In B. M. Smith & A. C. Sparkes (Eds.), *Routledge handbook of qualitative research in sport and exercise* (pp. 252-264). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315762012-29>
- Moustakas, L. (2023). Sport and social cohesion within European policy: A critical discourse analysis. *European Journal for Sport and Society*, 20(1), 1-18. <https://doi.org/10.1080/16138171.2021.2001173>
- Oates, T. P., & Pauly, J. (2007). Sports journalism as moral and ethical discourse. *Journal of Mass Media Ethics*, 22(4), 332-347. <https://doi.org/10.1080/08900520701583628>
- Olimat, S. N., Mahadin, D. K., & Olimat, K. S. (2023). A socio-onomastic study of the 2022 FIFA World Cup football teams' nicknames. *Training, Language and Culture*, 7(2), 9-20. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-9-20>
- Wagner, U., & Sveinson, K. (2024). Analyzing discourses and the communication of sport: A scoping review and suggestions for future endeavors. *Communication & Sport*, 12(6), 1075-1094. <https://doi.org/10.1177/21674795231206309>
- Wenner, L. A. (2015). Sport and media. In R. Giulianotti (Ed.), *Routledge handbook of the sociology of sport* (pp. 377-387). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203404065>

УДК 811.111

<https://doi.org/10.25076/vpl.56.03>

Е.А. Коробова³

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ
ЗАЩИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ (НА
МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАЩИТЕЛЬНЫХ
РЕЧЕЙ)**

Статья посвящена не только оценочным суждениям, но и вопросу формирования оценки у адресата в судебном защитительном дискурсе. Под судебным защитительным дискурсом в настоящем исследовании понимается совокупность коммуникативных практик адвоката, направленных во время судебных заседаний на решение правовых споров, которые регулируются законом и нормами взаимодействия в контекстуальных границах времени и места. Актуальность работы обусловлена необходимостью более полного изучения аксиологических особенностей и закономерностей языковых механизмов, составляющих основу судебного дискурса вообще и защитительных речей в частности. Целью исследования является выявление и описание особенностей формирования оценки в защитительных речах англоязычных адвокатов в английском судебном дискурсе. Материалом исследования послужили судебно-защитительные речи англоязычных адвокатов начала 20-х годов XXI века. Помимо общенаучных методов исследования и приемов отбора и систематизации эмпирического материала в работе применялись некоторые типы анализа языковых явлений: дискурсивный, коммуникативно-прагматический и контекстуальный. Помимо стремления к понятности,

³ © Коробова Е.А. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

определенности и однозначности для представления суду соображений исключительно в пользу подсудимого, с целью смягчить его вину, изменить или полностью опровергнуть предъявленное обвинение, адвокату часто требуются большие усилия, ему необходимо искать в том числе новые средства речевого воздействия, чтобы вызвать положительное отношение к личности подсудимого. В результате анализа языкового материала в тактиках, применяемых англоязычными адвокатами (тактике целенаправленного воздействия, тактике косвенного риторического воздействия и тактика отвлеченного воздействия) выделены и описаны аксиологические компоненты, расширяющие предмет обсуждения преимущественно с помощью эмоционально-выразительных лексических единиц (метафоры, эпитета, фразеологизма и так далее), визуализируя при этом у адресата необходимую ассоциацию.

Ключевые слова: аксиологический компонент, юридический дискурс, судебный дискурс, защитительная речь, формирование оценки, персуазивное воздействие, лингвопрагматические особенности

UDC 811.111

<https://doi.org/10.25076/vpl.56.03>

E.A. Korobova

The Military University of the Ministry of Defense

**AXIOLOGICAL COMPONENT OF DEFENSE SPEECH IN
JUDICIAL DISCOURSE (BASED ON ENGLISH DEFENSE
SPEECHES)**

The article is devoted not only to value judgments, but also to the issue of forming an assessment of the addressee in legal defense discourse. Legal defense discourse is understood in this study as a set of communicative practices of a lawyer aimed at resolving legal disputes during court sessions, which are regulated by law and norms of interaction within the contextual boundaries of time and place. The topicality of the present paper is determined by the need to expand the knowledge of the axiological features and patterns of linguistic mechanisms that form the basis of legal discourse in general and

defensive speeches in particular. The aim of the article is to reveal and describe the ways of features of assessment formation in the defense speeches of English-speaking lawyers in the English legal discourse. The material of the study is the English-speaking lawyers' legal defense speeches of the early 20s of the XXI century. The research was conducted with general scientific methods and techniques of material selection and systematization as well as types of analyzing language phenomena (communicative-pragmatic, contextual analysis, discourse analysis). Besides being clear and trying to avoid ambiguity in his speech a lawyer presents considerations to the court in favor of the defendant only; he often makes great efforts to look, for new means of speech influence in order to provoke a positive attitude towards the defendant. Having analyzed the linguistic material, the author finds and describes axiological components that expand the subject of discussion in the tactics used by English-speaking lawyers (tactics of targeted influence, tactics of indirect rhetorical influence and tactics of abstract influence), mainly with the help of expressive means (metaphors, epithets, phraseology and so on) while visualizing the necessary association in the addressee.

Keywords: axiological component, legal discourse, judicial discourse, defence speech, formation of evaluation, persuasive influence, linguopragmatic features

Введение

Юридический дискурс сегодня является одним из социально востребованных и потому неизбежно находится под пристальным анализом лингвистов. Ввиду статусно-ориентированного характера его коммуникантов и принимая во внимание функциональную дифференциацию в юридической сфере выделяют следующие типы: письменный дискурс, реализуемый на страницах официального документооборота, сопровождающего судебный процесс, характерен для речевой деятельности судей, научных работников в области юриспруденции и устный дискурс, охватывающий речевую деятельность преимущественно адвоката и обвинителя (Литвишко, 2020, с. 123–125). Особый интерес для нашего исследования представляет устный тип дискурса, так как к рассмотрению прежде всего принимаются ораторские выступления, представленные судебно-защитительными речами

адвоката, во многом регламентированные нормами права, но в тоже время эмоционально-экспрессивно оформленные. Перед каждым из участников судебного процесса в отдельно взятом речевом акте стоят свои прагматические задачи, которые в ходе информационного обмена в интерактивной деятельности собеседников взаимно воздействуют друг на друга при помощи не только вербальных, но и невербальных маркеров при строгом соблюдении очередности речевых актов (Арутюнова, 1988, Сусов, 2006). Так вербально опосредованная деятельность каждого из ораторов в суде интегрирована в судебный дискурс, являющийся частью юридического дискурса. При этом юридический дискурс редко предстает в «чистом» виде: будучи явлением полидискурсивным, он пересекается с некоторыми другими видами дискурсов, коммуникативная практика которых призвана оказать содействие в решении правовых споров судом (Миньяр-Белоручева, 2016, с. 316; Малюга, 2001). В нашем случае это медиадискурс, интернет-дискурс, представленный социальными сетями, мессенджерами, чатами, сайтами, относящимися к масс-медиа. В ходе глубинного анализа которого необходимо учитывать такие факторы среды и особенности медиа-дискурса как маркеры вербальные и невербальные агрессии, которые напрямую зависят от гендерных характеристики коммуникантов, описанных в статьях Д.П. Тихомирова, Н.А. Ахреновой и А.Д. Бобр (Тихомиров, Ахренова, 2024), (Ахренова, Бобр, 2024).

Тем не менее ввиду статусно-ориентированного взаимодействия в правовых рамках, диктующих ролевое вербальное поведение в конкретных ситуациях общения его участников, юридический дискурс представляется ведущим институциональным дискурсом в нашем исследовании (Палашевская, 2010, с. 535). Создается среда, внутри которой происходит взаимодействие коммуникантов, вовлеченных в ситуацию институционального общения, имеющих разные или даже противопоставленные статусно-ролевые обязанности, реализуемые с учетом имеющихся в их арсенале речевых стратегий и тактик, обусловленных не только обстоятельствами дела, но и ситуативно соответствующим сложившейся юридической коммуникации (Назаров, 2017, с. 27; Grishechko, Sharma, Zheleznova, 2021).

В своей работе Г.З. Апресян (Апресян, 1978, с. 81–83) выделил несколько видов устного судебного дискурса, опираясь на противопоставление статусно-ролевых обязанностей участников судебного процесса:

1. Защитительная речь (защитная) или речь адвоката;
2. Обвинительная речь или речь прокурора;
3. Общественно-защитительная речь;
4. Общественно-обвинительная речь;
5. Самозащитительная речь обвиняемого.

Благодаря наличию общего предмета, общности ближайших целей к рассмотрению привлекались не только защитительные речи адвоката, но и некоторые самозащитительные речи обвиняемого, контрастирующие с любой обвинительной речью по форме, содержанию и сути.

Несмотря на активно проводимые исследования юридического дискурса феномен защитительной речи не получил должного всестороннего внимания со стороны лингвистов, в частности на материале английского дискурса. Однако, констатируя актуальность исследования, отметим, что понимание основ речевого поведения защиты с фокусом на формировании оценки, выделении аксиологического компонента и персуазивных стратегий и тактик в нарративе англоязычных адвокатов позволит глубже понять феномен защитительной речи и, следовательно, представляется необходимым более широкое исследование этих вопросов в лингвистике.

Потому целью данной работы является изучение вербальных маркеров оценки, а также речевых средств воздействия защитительной речи, которые помогают раскрыть риторическую цель и задачи адвоката в судебном состязании, которая способствует стремлению склонить судью и жюри присяжных на свою сторону, что предполагает обращение к аксиологическому компоненту, как к одному из основных средств убеждения.

В ходе лингвопрагматического исследования судебного дискурса необходимо обратиться к пониманию не только оценочных суждений, но и к вопросу формирования оценки у адресата, без осознания сути которого как процесса представляется невозможным всесторонне осмыслить специфику защитительной речи адвоката в суде, а также феномена судебного дискурса в

целом. Персуазивное воздействие путем формирования нужной оценки у адресата связано во многом с его ментальным речемыслительными действиями, базирующимися на его когнитивном потенциале, ценностями и знаниями, общепринятыми традиционными или субъективными представлениями о действительности (Котлова, 2023, с. 79; Аكوпова, 2016).

Основным замыслом адвоката в рамках судебного выступления является формирование и подведение всех доводов под общую юридическую оценку (Мухина, 2024), подчиняющуюся всем нормам с точки зрения дихотомии «виновен – невинен», «правомерно – неправомерно», ее внедрение в картину мира судьи и жюри присяжных. При этом закон как высшая ценность судебного дискурса является отправной точкой для формирования оценки в нормативно-правовом поле. Помимо стремления к понятности и определенности во время представления суду доводов и фактической стороны исключительно в пользу подсудимого для обеспечения максимального смягчения его вины, изменения или опровержения обвинения, адвокату приходится выстраивать свой нарратив, прикладывая усилия в поиске новых решений, в том числе формулируя новые средства речевого воздействия в тактиках и стратегиях своего речевого поведения, чтобы вызвать у адресата положительное отношение к личности подсудимого, расширяя предметное обсуждение в своем выступлении, чтобы характеристики личных качеств обвиняемого заиграли в правильном свете (Коробова, 2023).

Из этого следует, что предметный нарратив защитника в условиях состязательности судебного процесса чаще всего стремится расширить основание невинности обвиняемого, привлекая как можно больше выгодных детальных, не всегда решающих фактических данных об обстоятельствах преступления, личности обвиняемого или всего дела, привлекая всевозможные ситуации, дающие положительные характеристики обвиняемого, подчеркивающие старые заслуги, фокусирующие внимание на благих, хоть и единичных поступках. Оценочные суждения или риторика, направленная на формирование оценки, как неотъемлемый элемент судебного дискурса, всегда является ключевым элементом защитительной речи адвоката.

Осуществляя речевое воздействие на оценочную область сознания адресата, защитнику необходимо понимать его картину мира (Миньяр-Белоручева, 2017) и мировоззрение, и уже отталкиваясь от этой мировоззренческой позиции, ему приходится осмысливать действительность относительно личности обвиняемого или обстоятельств дела, формируя и вербализуя некоторое отношение к ним. Особое внимание при передаче отношения уделяется эмоциональному компоненту, реализуемому с помощью эмоционально-экспрессивных маркеров, к ним относятся различные тропы и стилистические фигуры. Действительно, в рамках персуазивно-суггестивного воздействия они вызывают в сознании судьи и жюри присяжных выгодные для стороны защиты эмоции. Таким образом, происходит перенос эмоционального восприятия целенаправленно создаваемого образа на предмет и у адресата возникает ассоциативная связь.

Материалы и методы

Целью исследования является выявление и описание особенностей аксиологического компонента в защитительных речах англоязычных адвокатов. Для проведения данного исследования привлекались судебные защитительные речи английского дискурса начала XXI века, а именно – прежде всего выступления Тода Бланша (Todd Blanche), адвоката бывшего президента Дональда Трампа в деле о фальсификации документов, связанных с взяткой за молчание (“hush money trial”, 2024); а также речи Эрика Нельсона (Eric Nelson), адвоката в деле офицера полиции города Миннеаполиса Дерек Шовина (State of Minnesota vs. Derek Chauvin, 2020) и заявления и доводы Барри Ру (Barry Roux), адвоката южноафриканского чемпиона Паралимпийских игр в беге, обладателя шести золотых медалей, Оскара Писториуса, совершившего убийство своей девушки. Каждое из этих судебных дел стало резонансным и получило широкую огласку. В работе необходимо было решить ряд вытекающих из поставленной цели задач, к которым относятся стилистический и лексический анализ защитительной речи, а также выявление средств формирования оценки в различных тактиках англоязычных адвокатов, способствующих персуазивному потенциалу, и установление путей оптимизации использованных в них языковых средств. Методы исследования определены вышеуказанными целями и задачами и

включают общенаучные методы такие как анализ / синтез, контекстуальный анализ, метод описания, традиционный метод дискурсивного анализа, метод филологического анализа, метод лингвопрагматической интерпретации.

Обсуждение и результаты

Опираясь на схему анализа текста, предложенную Н.А. Ахреновой и соавторами в учебном пособии «Искусство анализа текста», проанализируем структурные и стилистические особенности построения защитительной речи (Ахренова, 2024). Необходимо отметить, что важную персуазивную роль играет композиция защитительной речи как ключевой структурный элемент, влияющий на успешность и эффективность ораторского выступления в суде (Коробова, 2023, с. 87). Структурный компонент неразрывно связан с убедительностью выступления, следовательно его рассмотрение целесообразно при анализе каждого судебно-защитительного выступления и расположения материала в нем.

В каждой судебно-защитительной речи можно выделять основные композиционно-структурные части:

- 1) вступительная часть;
- 2) главная часть, которая раскрывает фактическую сторону обстоятельств дела, представляет обзор личностных характеристик обвиняемого;
- 3) заключительная часть.

Особая роль в любом ораторском выступлении отводится вступлению, помимо таких его структурных компонентов как обращение и приветствие, в судебно-защитительной речи интерес для анализа представляет вводное обзорное описание специфических характеристик дела, приводящих к конфликту, поэтому всегда можно проследить логические связи и стилистические параллели вступления с основной частью, найти в нем отправную точку для исследования обстоятельств дела (Ивакина, 2002, с. 128-129). В начальной части своей речи оратор всегда готовит почву для наиболее эффективного речевого воздействия на аудиторию, часто приводя свое личное отношение к обстоятельствам дела или личности обвиняемого и имплицитно подводя к нужной оценке основных доводов защиты, действий обвиняемого и всего текста защитительной речи.

Характеризуя заключение, нужно сказать о некоторой связи его, тесной или лишь отголоске вступления. Именитый отечественный правовед Анатолий Федорович Кони заметил следующее: «конец речи должен закруглить ее, то есть связать с началом» (Кони, 2014, с. 19), что достигается путем использования отвлеченной тактики, распространяющей нарратив, дублируя ключевые моменты вступления, формулировки и положительно-коннотативные характеристики обвиняемого, подводя предварительные итоги речи и так далее. Однако, заключительная часть может выходить за рамки классического представления о финале речи и привлекать нестандартные решения и приемы.

Подобная структура ораторского выступления адвоката позволяет настроить аудиторию на нужный защитнику лад, завладеть вниманием и сформировать нужное суждение. Однако успешность воздействия зависит непосредственно от владения коммуникативными тактиками и стратегиями и лингвистических способностей адвоката.

Рассматривая особенности формирования коннотативных оттенков, экспрессивного компонента в судебно-защитительной речи, представляется, что оценка является одним из самых гибких компонентов речи адвоката. Она одновременно и соотносится с представленными доказательствами и имеет фактическое обоснование, которое максимально стремится к расширению (Федулова, 2019, с. 31) и в то же время видоизменяется вместе с Конституцией, со всеми нормами и правилами, а также морально-нравственными трансформациями в обществе. Так можно заключить, что для подвижности оценки, адвокат прибегает к вариативности стратегий и тактик своего речевого поведения, намеренно наращивая их персуазивный потенциал языковыми единицами всех уровней языка.

Во время судебного процесса по делу бывшего президента Д. Трампа о фальсификации документов, связанных с взяткой за молчание (“hush money trial”, 2024) обвиняемый сам подогрел интерес к заседанию и прибегал к различным формам риторического воздействия, выводя судебный дискурс в пространство медиадискурса (Ахренова, 2023, с. 667-669). Неоднократно утверждал, что невиновен и заявлял об отсутствии оснований для возбуждения дела против него, ссылаясь на

политический подтекст и намерение помешать ему бороться за пост президента, за страну и за конституцию. Так судебный дискурс и медиадискурс взаимодействуют и пересекаются в некоторых аспектах, создавая сложные отношения между правом, обществом и медийной сферой. К ключевым моментам, интерференции судебного дискурса и пространства медиа-дискурса можно отнести **освещение судебных процессов в СМИ, так как в настоящее время** большинство резонансных судебных разбирательств представляет исключительный интерес для всех форм СМИ, что делает их доступными для широкой аудитории. Учитывая, что это обстоятельство в значительной степени может повлиять на общественное мнение и восприятие правосудия. **К давлению таким образом на судебную систему прибегает иногда и сторона защиты** (Сидорова, 2021).

Приведем пример отрицательной оценки, которая в рамках тактики косвенного риторического воздействия служит в конечном счете для формирования общей положительной оценки в глазах адресата. Упоминание фразеологизма для сравнения действий прокурора с “*witch hunting*” – «охота на ведьм» по сути является переносом понятия из одного контекста в другой – реконтекстуализацией (Linell, 1998, с. 143–157). Происходит некоторое преобразование известного значения с целью представить известное событие в настоящем контексте как повторяющееся ужасное событие исторического средневекового прошлого. Погружение в судебный дискурс, в новый контекст защитительных выступлений адвоката бывшего президента США коннотативно достраивает ассоциацию о том, что правящая партия во главе с Дж. Байденом «охотится» за Д. Трампом, который предстает жертвой в данной ситуации, как идеологически негодный политический противник.

Выбранная стратегия усиливается метафорой, он говорит: “*This is an assault on America... Nothing like this has ever happened before, there's never been anything like it*” (Supreme Court showdown URL: <https://www.lbc.co.uk/news/donald-trump-trial-jury-selection-stormy-daniels-manhattan-us-election/> (дата обращения: 15 октября 2024)). Дональд Трамп называет весь процесс “*assault on America*” – «нападение на саму Америку» и два раза подряд подчеркивает, что «ничего подобного в истории еще не случилось». Далее в качестве

эпитета для характеристики судьи он выбирает сложносоставную лексему “*a Trump-hating judge*” – «Трампоненавистник» (Donald Trump (“Hush Money”) Trial, 2024). Восприятие Дональда Трампа строится на ассоциации, на основе выстроенных логических и метафорических связей между соотнесенными областями при учете, что они отражают объективные отношения между объектами и событиями (Болдырев, 2017, с. 36-37). Использование такого сложного языкового знака как метафора способствует направленному осмыслению действительности, апеллируя к аксиологической парадигме общества (Арутюнова, 1998, с. 8). В данном случае переносное значение приводит к созданию эмоциональной ассоциации, более глубокому осознанию угрозы, нависшей не только над бывшим президентом, но и над каждым представителем американского общества.

Защита во много строится на отрицательной оценке основного свидетеля обвинения Майкла Коэна (Michael Cohen), защитник всякий раз пытался показать и подчеркнуть его предвзятость к обвиняемому, задав том числе прямой вопрос во время перекрестного допроса: “*Yes or no: Do you want to see President Trump get convicted in this case?*”, приведя в суде оценочные высказывания свидетеля в адрес обвиняемого, высмеивающие бывшего президента “*boorish cartoon misogynist*” и “*a Cheeto-dusted cartoon villain.*” Отметим, что аксиологический компонент судебного дискурса не существует в вакууме, а ввиду активного взаимодействия судебного дискурса с медиадискурсом, помогает Д. Трампу представить себя жертвой, нуждающейся в защите и поддержке не только в глазах общества, но и в глазах судьи и присяжных в зале суда, прямо утверждая, что ощущает “*political persecution*” – «*политические гонения*». Кроме того, манипуляции Д. Трампа и его политтехнологов мнением целевой аудитории, в частности, и коллективного адресата, всех представителей американского общества, в целом, в социальных сетях, на новостных сайтах, в печатной прессе и на телевидении, не могут не оказывать дополнительного экстралингвистического, можно сказать, психологического воздействия на судью и представителей суда, а также на сторону обвинения. Которая в данном конкретном случае, теряя своих сторонников, благодаря грамотному сочетанию прагматических воздействующих коммуникативных тактик,

особенностей построения защитительных речей, использования тех или иных вербальных и невербальных средств воздействия, стилистических приемов, интертекстуальных средств, чувствуют определенную неуверенность в правильности своих суждений и обоснованности обвинений.

Защита указывает на *“political hatred”* – «политическая неприязнь» как ключевой фактор в предметном обосновании обвинения, что лишь подчеркивает противостояние двух сторон и имплицитно указывает на необходимость сопереживать бывшему президенту. При этом в указанном деле в защитительных речах бинарная оппозиция представлена, с одной стороны, обвинителем и Демократической партией и, с другой стороны, Республиканской партией с ее лидером Д. Трампом. Американский народ *“We the people”*, которому по конституции принадлежит абсолютная власть в США находится с Д. Трампом. Что само по себе актуализирует категоричность и уверенность в собственной правоте, ведь народ в стране не может ошибаться. В своем выступлении адвокат бывшего президента Тод Бланш (Todd Blanche) продолжал развивать идею обвиняемого-жертвы *“personally and politically prejudicial to President Trump and his family, and harmful to the institution of the presidency”* (там же). Он выбрал тактику целенаправленного воздействия в рамках стратегии защиты, заявив *“President Trump is innocent. He did not commit any crimes and the district attorney has not met their burden of proof. Period”* (там же). – «Президент Трамп невиновен. А окружной прокурор не выполнил свой, не доказав обратного. Трамп не совершал никаких преступлений. И точка» (перевод автора статьи. – Е.К.) Прямая положительная оценка в данном случае соотносится с истиной не напрямую, а через оценку степени субъективности. Главного свидетеля обвинения Т. Бланш называет *“a MVP of liars”* – «лучший из лжецов» (прим. MVP – abbreviation for most valuable player, лучший игрок), а доказательства обвинения *“prosecution’s flimsy evidence”* – «надуманными», подводя аудиторию под недоверие к показаниям и запрашивая возможность пренебречь ими. Яркий эпитет привлекает внимание передает оценочное отношение адресанта к представленной прокурором фактической стороне. Дональд Трамп тем временем в одном из интервью вторит словам своего адвоката *“Michael Cohen is a convicted liar, and he’s got no credibility*

whatsoever.” (They’re back: Cohen and Avenatti return to spotlight at Trump trial, 2024) – «Майкл Коэн - признанный лжец, и ему вообще нельзя доверять» (перевод автора статьи. – Е.К.). В то время как себя он сравнивает со святым человеком, с матерью Терезой: “*Mother Teresa could not beat these charges. The charges are rigged. The whole thing is rigged*” (Trump likens himself to Mother Teresa, 2024)). В целом, в текстах всех речей Тода Бланша по данному делу при описании противоположной стороны превалирует лексема “*lie*”, навязчиво транслируя идею предвзятости и необоснованности выдвинутых обвинений.

Помимо тактики дискредитации оппонента в арсенале адвокатов во время их судебных выступлений в попытке защитить своего клиента всегда присутствует тактика положительной самопрезентации. Нарратив Тода Бланша в каждой речевой ситуации имеет целью отстоять любым способом интересы своего клиента Дональда Трампа. Исходя из этих соображений оратор прибегает к всему спектру речевых средств воздействия в своих выступлениях, в том числе для оказания психологического воздействия. В попытке вызвать одобрение действий своего клиента с точки зрения морали Тод Бланш при описании своей позиции приводит в динамику вектор оценки, выбирая лексемы с подчеркнuto положительным оценочным оттенком: “*You cannot convict President Trump of any crime beyond a reasonable doubt on the word of Michael Cohen*” (Donald Trump (“Hush Money”) Trial, 2024). Именно благодаря формированию подобных положительно коннотативных словосочетаний (“*beyond a reasonable doubt*”) в речи адвоката Д. Трампа можно проследить попытку оратора запечатлеть в разуме адресата факт невиновности подсудимого. Ведь, по его мнению, нельзя обвинить президента Трампа в преступлении без разумных сомнений в словах свидетеля Майкла Козна. «Каждое манипулятивное воздействие базируется на оценке и стремлении перенаправить ее подвижный вектор» (Коробова, 2023, с. 120). В этой речи тактика целенаправленного воздействия усиливает экспрессию с умыслом подменить предмет судебного рассмотрения иными вопросами, выражая сомнения к доверию свидетеля обвинения, предвзятости к личности обвиняемого и т.д.

Продолжая лейтмотив выбранной тактики, на пресс-конференции Д.Трампа в свою защиту заявил: “*Just so you*

understand, this is all done by Biden and his people” (Donald Trump (“Hush Money”) Trial, 2024) – “Просто чтобы вы понимали, все это сделано Байденом и его сторонниками” (перевод автора статьи. – Е.К.). Адвокат Тод Бланш актуализирует категоричность и уверенность в своей позиции не только в тактиках и стратегиях в судебном, но и в медийном дискурсах, он выражает решимость в своем речевом поведении в том числе и посредством вышеописанных образно-эмоциональных выразительных средств (метафора, эпитет, сравнение). Помимо аргументативного выстраивания речи он значительное внимание уделяет эмоционально-психологическому компоненту, подкрепленному комментариями и выступлениями самого обвиняемого, бывшего президента США Дональда Трампа, имплицитно подводя под оценку «честный Трамп – жертва» и «лживый свидетель – лживое обвинение». В своем речевом поведении, реализовавшем вербальную репрезентацию дела, основываясь на перефокусировке «свой-чужой», адвокат Тод Бланш пытался сформировать положительную оценку действий бывшего президента в зале суда и развернуть события в пользу своего клиента.

В непростом для адвоката Эрика Нельсона (Eric Nelson) деле офицера полиции города Миннеаполиса Дерека Шовина (State of Minnesota vs. Derek Chauvin, 2020), в заключительной защитительной речи оратор прибег к тактике отвлеченного воздействия, основанной на непосредственной апелляции к общечеловеческим ценностям, уважении к представителям правопорядка:

“The state has focused your attention on 9 minutes and 29 seconds. The proper analysis is to take those 9 minutes and 29 seconds and put it into the context of the totality of the circumstances that a reasonable police officer would do... Human behavior is unpredictable, and no one knows it better than a police officer.” (Opening Arguments in the George Floyd Murder (Chauvin) Trial, 2021). В некоторых случаях юридический язык, в данном случае защитительная речь адвоката, не всегда строится на однозначности: иногда адвокаты используют приемы, неясность или обобщение, не констатируя очевидные факты или не называя имена, используя так называемую «открытую текстуру» (Харт, 2007, с. 131). Добавив градуальности своим оценочным суждениям, адвокат усилил позицию “*There is*

absolutely no evidence that officer Chauvin intentionally, purposefully applied unlawful force” (там же) – “Нет абсолютно никаких доказательств того, что офицер Шовин применил силу, осознавая, что действует вне закона” (перевод автора статьи. – Е.К.). В рамках данной тактики прослеживается попытка воззвать к чувствам адресата призывом к милосердию, объясняя, что Шовин – ответственный офицер полиции (“*reasonable police officer*”), который, наоборот, отдавал себе отчет в том, что действует в рамках закона, он не виноват в той совокупности обстоятельств, которые произошли с Джорджем Флойдом (George Floyd).

С точки зрения формирования оценки представляет интерес стратегия психологического воздействия, использованная Барри Ру (Barry Roux), адвокатом южноафриканского чемпиона Паралимпийских игр в беге, обладателя шести золотых медалей, Оскара Писториуса, убившего свою девушку. Основу тактики отвлеченного воздействия составляет призыв к состраданию к калекке, общепризнанному уважаемому всеми человеку. Признавая вину подзащитного и описывая обстоятельства дела, адвокат включает в свою защитительную речь минимальный предметно-семантический компонент, ритмично подчеркивая параллельную конструкцию, начинается с восклицания: “*There he is without legs, facing the door, hearing the sound and he fired the shots... If that's reasonable, then you must acquit*” (Oscar Pistorius Trial, 2024). – «*Вот он сидит без ног, лицом к двери, слышит звук и стреляет... Если это разумно, вы должны оправдать его*» (перевод автора статьи. – Е.К.) Апелляция к милосердию, как риторический прием, используемый адвокатом, для побуждения к состраданию и снисхождению к обвиняемому, является ключевой идеей и красной нитью проходит во всей речи Ру.

Даже за пределами здания суда защита продолжает выбранную тактику отвлеченного воздействия, прибегая к нужному функционированию оценки через визуализацию, реализуя таким образом невербальную сторону манипуляции (Бурняшева, 2023, с. 30). В попытке развернуть вектор мышления адресата появляются фотографии из зала заседания, на которых Писториус стоит на окровавленных протезах. Соответствуя определенным нормам, оценка через визуальный компонент имеет значительно большее воздействие, чем любые дескриптивные риторические средства. Он

легче и внушительнее, чем языковая категория вызывает к милосердию и справедливости. Защита настаивала на невинности и была настолько убедительной в стратегиях и тактиках своего речевого поведения, реализованных в том числе при помощи расставленных акцентов языковых и риторических маркеров, что Оскар Писториус выглядел какое-то время невинным в убийстве своей девушки.

Выводы

В подобных случаях в защитительных речах явно возникает закономерное и допустимое «интерпретационное домысливание», т.е. у реципиента визуализируется ассоциация, предполагающая вовлечение не только эмоциональной сферы, но и когнитивных способностей человека. Согласимся с современным исследователем Исенбаевой Г.И. в том, что понимание судебной речи адвоката (текста) неразрывно связано с феноменом мысленного образа обстоятельств, с домысливанием (Исенбаева, 2014, с. 47). Адвокат в своем нарративе применяет определенный набор тактик, преимущественно с помощью эмоционально-выразительных лексических единиц (метафоры, эпитета, фразеологизма и так далее), а у адресата визуализируется необходимая оратору ассоциация. Но эта ассоциация работает и в обратную сторону, и здесь возникает оппозиция между оценкой и предметом. Защитник расширяет предмет обсуждения. Получается, человек совершил убийство, но он не плохой человек, он хороший полицейский или он безногий калека. Это не имеет отношение к делу, это утверждение призвано отвлечь адресата. Лингвистическое наполнение речи адвоката отображает не только фактическую сторону обстоятельств дела, но и особенности его восприятия действительности и отношения к личности клиента. Как результат, он затрагивает интерпретирующую функцию с ее психологическими особенностями восприятия информации адресатом (Unal & Parafraçou, 2020, Maluyuga & Akopova, 2021) и зарождает инсинуацию, ведь пытается вызвать положительные эмоции и ассоциации.

Таким образом, оценочные суждения и пути формирования оценки в нормативно-правовом поле лежат в основе тактик, применяемых англоязычными адвокатами: тактике целенаправленного воздействия, тактике косвенного

риторического воздействия и тактике отвлеченного воздействия. Данные воздействующие тактики речевого поведения англоязычного адвоката, аккумулирующие значительный потенциал смысловой и выразительной вариативности, вербально подталкивают адресата к тому или иному поведению и могут таким образом повлиять на результат выносимых судом решений. При этом применение тактик не фиксировано, их использование обусловлено замыслом адресанта и варьируется в зависимости от коммуникативной ситуации для представления судебного дела в интересах обвиняемого. Если сравнивать с отрицательной оценкой, вербальная реализация положительной оценки на примере защитительных речей преимущественно имеет более высокий концептуальный статус. В то время как отрицательно коннотативные оценочные оттенки в руках умелого оратора являются лишь вспомогательным орудием, формирующим желаемую положительную оценку (Коробова, 2023, с. 8). Заходя через предмет, адвокат расширяет область ситуационных рамок предметного обоснования с помощью аксиологического компонента и персуазии через речевой знак. Потому оценка – это самый неустойчивый компонент в судебном защитительном дискурсе, в коммуникации, и в тоже время это центральный компонент, на который все направлено.

Литература

1. Акопова А. С. Обучение английскому языку для профессиональных целей. – Ростов-на-Дону: ИП Беспамятнов С.В., 2016. 103 с. EDN: XDWIJ
2. Апресян Г.З. Ораторское искусство. – Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1978. – 280 с.
3. Арутюнова Н.Д., Журиная М.А., Кронгауз М.А. Метафора и дискурс. – М.: Издательская группа Прогресс, 1990. – С. 5-32.
4. Ахренова Н.А., Лунькова Л.Н., Чернякова Ю.С. Искусство анализа текста. – Москва: Флинта, 2024. – 81 с.
5. Ахренова Н.А. Иллюзия - основа медиадискурса // Военно-гуманитарный альманах: материалы XVII Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации, Москва, 30 июня 2023 года / Военный

- университет. – Москва: Военный университет, 2023. – С. 667-669.
6. Бобр А.Д., Ахренова Н. А. Гендерные особенности проявления вербальной агрессии в киберпространстве // Военно-филологический журнал. – 2024. – № 1. – С. 89-101.
 7. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция когнитивного контекста // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС Пресс, 2017. – Вып. 57. – С. 32-42.
 8. Бурняшева Е.В., Кузнецова В.Ю. Средства речевой манипуляции в политическом дискурсе (на материале выступлений американских и российских политических деятелей) // Военно-филологический журнал. – 2023. – № 4. – С. 26-35.
 9. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учебное пособие. – Москва: Юристъ, 2002.
 10. Исенбаева Г.И. Варьирование ментальных репрезентаций оязыковленных синтаксической единицей художественного текста с соотношением неравенства $S \neq P$ / Когнитивные исследования языка. – Вып. XVI: Языковое сознание и когнитивное моделирование. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Державина, 2014. – С. 247.
 11. Кони А.Ф. Советы лекторам. Совецание о составлении устава о печати. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – С. 42.
 12. Коробова Е.А. Судебная риторика: речевые средства воздействия (на материале англоязычных защитительных речей середины XIX–XXI веков): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2023. – 202с.
 13. Котлова А.С. Лингвопрагматические факторы персуазивности информационного сообщения: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, 2023. – 191 с.
 14. Литвишко О.М. Синтаксические закономерности англоязычного юридического дискурса как средство реализации нормативно-регулятивной функции права // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2020. – № 13. – С. 124–132.
 15. Малюга Е. Н. Функционально-прагматические аспекты английских вопросительных предложений: на основе

- сопоставления британского и американского деловых и художественных текстов. М.: Макс-Пресс, 2001. 296 с. EDN: ТЮФКХ
16. Миньяр-Белоручева, А.П. Языковая картина исторического прошлого. – Санкт-Петербург: Полторак, 2017. – № 11. – С. 20–30.
 17. Мухина М.В. Оценка как вид риторического аргумента // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2024. – № 08 (112). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/otsenka-kak-vid-ritoricheskogo-argumenta.html> (дата обращения: 15 сентября 2024)
 18. Назаров И.Д. К вопросу о содержании юридического дискурса и юридического языка: философско-правовой анализ // Дискурс. – 2017. – № 2. – С.20–28.
 19. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – № 5 (2). – Том 12. – С. 535–540.
 20. Сидорова Н.А., Котлова А.С. Стратегия персуазивности в новостном сообщении // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2021. – № 3. – С. 81-89. – DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.03.P.081
 21. Тихомиров Д.П., Ахренова Н.А. Маркеры агрессии при коммуникации в киберспортивном пространстве // Вопросы прикладной лингвистики. – 2024. – № 54. – С. 89-115. – DOI 10.25076/vpl.54.04.
 22. Федулова М.Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерениях (на материале английских и русских текстов судебной риторики): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Москва, 2020. – 54 с.
 23. Харт Г.Л.Ф. Понятие права. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2007. – 302 с.
 24. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/mvp> (дата обращения: 14 сентября 2024.)

25. Donald Trump ("Hush Money") Trial, 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://famous-trials.com/trump2024/2736-donald-trump-hush-money-trial-2024-an-account> (дата обращения: 14 сентября 2024).
26. Grishechko, E. G., Sharma, G., Zheleznova, K. Y. Peculiarities of Indian English as a separate language // *Propositos Y Representaciones*. 2021. Vol. 9. No. SPE1. P. e913. <https://doi.org/10.20511/pyr2021.v9nspe1.913>
27. Linell P. Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in professional discourse // *Text & Talk*. – 1998. – Vol. 18. – №2. – Pp. 143–157.
28. Malyuga E. N., Akopova A. S. Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution // *Training, Language and Culture*. – 2021. – Vol. 5. – No 4. – P. 65-76. – DOI 10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76.
29. Opening Arguments in the George Floyd Murder (Chauvin) Trial (2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://famous-trials.com/george-floyd/2718-opening-arguments-in-the-george-floyd-murder-chauvin-trial> (дата обращения: 14 сентября 2024).
30. Oscar Pistorius Trial [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2014/oct/21/oscar-pistorius-trial-full-story-reeva-steenkamp> (дата обращения: 15 сентября 2024)
31. Stowe K., Chakrabarty T., Peng N., Muresan S., Gurevych I. Metaphor Generation with Conceptual Mappings // *Proceedings of the 59th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 11th International Joint Conference on Natural Language Processing (Volume 1: Long Papers)*. – 2021. – Pp. 6724–6736. – Online. Association for Computational Linguistics. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/352081319_Metaphor_Generation_with_Conceptual_Mappings (дата обращения 30 сентября 2024г.).
32. Supreme Court showdown [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lbc.co.uk/news/donald-trump-trial-jury-selection-stormy-daniels-manhattan-us-election/> (дата обращения: 15 октября 2024).

33. The US Constitution. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.archives.gov/founding-docs/amendments-11-27> (дата обращения: 30 сентября 2024).
34. They're back: Cohen and Avenatti return to spotlight at Trump trial [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/apr/28/cohen-avenatti-testify-trump-hush-money-trial> (дата обращения: 14 октября 2024)
35. Unal E., Parafraçou A. Relations between Language and Cognition: Evidentiality and Sources of Knowledge // Topics in Cognitive Science. // Topics in cognitive science. – 2020. – 12(1). – Pp. 115–135. <https://doi.org/10.1111/tops.12355>

References

- Akopova, A. S. (2016). *Obucheniye angliyskomu yazyku dlya professional'nykh tseley [Teaching English for professional purposes]*. IP Bespamyantnov S.V. EDN: XDWIJJ
- Apresyan, G.Z. (1978). *Oratorskoe iskusstvo [Oratory]*. Moscow: Moskovskij gosudarstvenny`j universitet im. M.V. Lomonosova. (In Russian).
- Arutyunova, N.D., Zhurinskaya, M.A., & Krongauz, M.A. (1990). *Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]*. Moscow.: Izdatel'skaya gruppa Progress, 5-32. (In Russian).
- Ahrenova, N.A., Lun'kova, L.N., & Chernjakova, Ju.S. (2024). *Iskusstvo analiza teksta [The Art of Text Analysis]*. Moscow: Flinta. (In Russian).
- Ahrenova, N.A. (2023). Ilyuziya – osnova mediadiskursa [Illusion - the Basis of Media Discourse]. *Voенno-gumanitarnyj al'manah: materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po aktual'nykh problemam yazyka i kommunikacii [Military-humanitarian almanac: materials of the XVII International scientific conference on actual problems of language and communication]*, Moscow, 30.06.2023 (pp. 667-669). Moscow: Voennyj universitet. (In Russian).
- Bobr, A.D., & Ahrenova, N.A. (2024). Gendernye osobennosti projavlenija verbal'noj agressii v kiberprostranstve [Gender Features of Verbal Aggression in Cyberspace]. *Voенno-*

- filologicheskij zhurnal [Military-philological journal]*, 1, 89-101. (In Russian).
- Boldyrev, N.N. (2017). Interpretiruyushchaya funkciya kognitivnogo konteksta [Interpretive Function of Cognitive Context]. *Yazyk, soznanie, kommunikaciya [Language, consciousness, communication]*, 57, 32-42. (In Russian).
- Burnyasheva, E.V., & Kuznecova, V.Yu. (2023). Sredstva rechevoj manipuljatsii v politicheskom diskurse (na materiale vystuplenij amerikanskih i rossijskih politicheskikh deyatelej) [Means of Speech Manipulation in Political Discourse (Based on American and Russian Political Figures Speeches)]. *Voенно-filologicheskij zhurnal [Military-philological journal]*, 4, 26-35. (In Russian).
- Cambridge Dictionary. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english>
- Donald Trump ("Hush Money") Trial, 2024. Retrieved from: <https://famous-trials.com/trump2024/2736-donald-trump-hush-money-trial-2024-an-account>
- Ivakina, N.N. (2002). *Osnovy` sudebnogo krasnorechiya (ritorika dlya yuristov): uchebnoe posobie [Fundamentals of judicial eloquence (rhetoric for lawyers): a textbook]*. Moscow: Yurist. (In Russian).
- Isenbaeva, G.I. (2014). Var'irovanie mental'nyh reprezentacij o yazykovlennyh sintaksicheskoy edinicej hudozhestvennogo teksta s sootnosheniem neravenstva $S \neq R$ [Variation of mental representations of linguistic syntactic units of fiction texts with the inequality relation $S \neq P$]. *Cognitive studies of language. Vyp. XVI: Yazykovoje soznanie i kognitivnoje modelirovanie [Issue XVI: Language consciousness and cognitive modeling]*, 247. (In Russian).
- Fedulova, M.N. (2020). *Interpretacionnaya priroda diskursa v sociokul'turnom i kommunikativnom izmereniyah (na materiale anglijskih i russkih tekstov sudebnoj ritoriki) [Interpretive nature of discourse in the socio-cultural and communicative dimensions (based on English and Russian texts of judicial rhetoric)]* (Abstract of Candidate's thesis, Russia, Moscow: The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky). (In Russian).
- Grishechko, E.G., Sharma, G., & Zheleznova, K.Y. (2021). Peculiarities of Indian English as a separate language. *Propositos Y*

Representaciones, 9(SPE1), e913.
<https://doi.org/10.20511/pyr2021.v9nspe1.913>

- Koni, A.F. (2014). *Sovety` lektoram. Soveshhanie o sostavlenii ustava o pechati [Advice to lecturers. Meeting on drafting a seal charter]*. Moscow: Direkt-Media. (In Russian).
- Korobova, E.A. (2023). *Sudebnaya ritorika: rechevye sredstva vozdeystviya (na materiale angloyazychnyh zashchitel'nyh rechej serediny XIX–XXI vekov) [Forensic rhetoric: speech means of influence (based on English-language defense speeches of the mid-19th–21st centuries)]*. (Candidate's thesis, Russia, Moscow: The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky). (In Russian).
- Kotlova, A.S. (2023). *Lingvopragmaticheskie faktory persuazivnosti informacionnogo soobshcheniya [Lingvopragmatic factors of the persuasiveness of information message]*. (Candidate's thesis, Russia, Moscow: The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky). (In Russian).
- Linell P. (1998). Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in professional discourse. *Text & Talk*, 18 (2), 143–157.
- Litvishko, O.M. (2020). Sintaksicheskie zakonomernosti angloyazy`ch`nogo yuridicheskogo diskursa kak sredstvo realizacii normativno-regulyativnoj funkicii prava [Syntactic patterns of English-language legal discourse as a means of implementing the normative and regulatory function of law]. *Professional'naya kommunikaciya: aktual'ny`e voprosy` lingvistiki i metodiki [Professional communication: current issues of linguistics and methodology]*, 13, 124–132. (In Russian).
- Malyuga, E. N. (2001). *Funksional'no-pragmaticheskiye aspekty angliyskikh voprositel'nykh predlozheniy: na osnove sopostavleniya britanskogo i amerikanskogo delovykh i khudozhestvennykh tekstov [Functional and pragmatic aspects of English interrogative sentences: based on a comparison of British and American business and literary texts]*. Maks Press. EDN: TIOFKX
- Malyuga, E. N., & Akopova, A. S. (2021). Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution. *Training*,

- Language and Culture*, 5 (4), 65-76. DOI 10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76.
- Min'yar-Beloručeva, A.P. (2017). Yazykovaya kartina istoričeskogo proshlogo [The linguistic worldview of the historical past]. *Klio*, 11, 20–30. (In Russian).
- Muhina, M.V. (2024). Ocenka kak vid ritoričeskogo argumenta [Evaluation as a type of rhetorical argument]. *Filologičeskij aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-praktičeskij zhurnal [Philological aspect: international scientific and practical journal]*, 08 (112). Retrieved from: <https://scipress.ru/philology/articles/otsenka-kak-vid-ritoriceskogo-argumenta.html> (In Russian).
- Nazarov, I.D. (2017). K voprosu o sodržanii yuridičeskogo diskursa i yuridičeskogo yazyka: filosofsko-pravovoj analiz [On the Content of Legal Discourse and Legal Language: A Philosophical and Legal Analysis]. *Diskurs [Discourse]*, 2, 20–28. (In Russian).
- Opening Arguments in the George Floyd Murder (Chauvin) Trial. (2021). Retrieved from: <https://famous-trials.com/george-floyd/2718-opening-arguments-in-the-george-floyd-murder-chauvin-trial>
- Oscar Pistorius Trial. Retrieved from: <http://www.theguardian.com/world/2014/oct/21/oscar-pistorius-trial-full-story-reeva-steenkamp>
- Palashevskaya, I.V. (2010). Funkcii yuridičeskogo diskursa i dejstviya ego uchastnikov [Functions of legal discourse and actions of its participants]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*, 5 (2), 535–540. (In Russian).
- Sidorova, N.A., & Kotlova, A.S. (2021). Strategiya persuazivnosti v novostnom soobshchenii [Persuasiveness Strategy in a News Message]. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire [Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World]*, 3, 81-89. DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.03.P.081 (In Russian).
- Stowe, K., Chakrabarty, T., Peng, N., Muresan, S., & Gurevych, I. (2021). Metaphor Generation with Conceptual Mappings. *Proceedings of the 59th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 11th International Joint*

Conference on Natural Language Processing (Volume 1: Long Papers) (Pp. 6724–6736). Online. Association for Computational Linguistics.

- Supreme Court showdown. (2024). Retrieved from:<https://www.lbc.co.uk/news/donald-trump-trial-jury-selection-stormy-daniels-manhattan-us-election/>
- Tihomirov, D.P., & Ahrenova, N.A. (2024). Markery agressii pri kommunikacii v kibersportivnom prostranstve [Markers of aggression in communication in the eSports space]. *Voprosy prikladnoj lingvistiki. [Issues of Applied Linguistics]*, 54, 89-115. DOI 10.25076/vpl.54.04. (In Russian).
- The US Constitution. (2024). Retrieved from:<https://www.archives.gov/founding-docs/amendments-11-27>
- They're back: Cohen and Avenatti return to spotlight at Trump trial. Retrieved from:<https://www.theguardian.com/us-news/2024/apr/28/cohen-avenatti-testify-trump-hush-money-trial>
- Unal, E., & Parafraçou, A. (2020). Relations between Language and Cognition: Evidentiality and Sources of Knowledge. *Topics in cognitive science*, 12(1), 115–135. <https://doi.org/10.1111/tops.12355>
- Xart, G.L.F. (2007). Ponyatie prava [The concept of law]. St. Petersburg: SPbGU. (In Russian).

УДК: 81-115
<https://doi.org/10.25076/vpl.56.04>

М. Ш. Храм
Н.С. Ерохова⁴

Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ОБРАЗОВ, ИСПОЛЗУЮЩИХСЯ В ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ПАРЕМИЯХ АРАБСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Паремии как средство передачи культурных особенностей и своеобразия жизни того или иного народа представляют большой интерес для исследователей. Целью данной статьи было рассмотреть проблемы толкования понятия «паремия». В результате анализа различных подходов к толкованию данного понятия была выведена обобщенная формулировка. В связи с тем, что контакт и коммуникация разных культур становятся неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека, а изучение паремий иностранного языка помогает понять национальный характер и особенности менталитета носителей другой лингвокультуры. Паремии часто используются в речи, а их краткость и лаконичность позволяет упростить сам коммуникативный процесс, а также сделать коммуникацию, в частности, межкультурную коммуникацию, более эффективной. В процессе межкультурной коммуникации паремии могут быть употреблены в качестве довода к приведенному аргументу, могут использоваться для выражения несогласия с собеседником и употребляться в качестве вывода. Актуальность исследования обуславливается избранным для анализа материалом для исследования. Для анализа были выбраны английский, русский и арабский языки, поскольку они относятся к группе самых

⁴ © Храм М.Ш., Ерохова Н.С. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution
4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

распространенных в мире языков, занимая в ней первое, шестое и девятое места, соответственно. Степень распространенности данных языков приводит к необходимости осуществлять коммуникацию между носителями данных языков. Многие темы, затрагиваемые паремиями, имеют интернациональный характер, поскольку данные языковые единицы вырабатываются представителями разных культур на протяжении всего исторического развития, в таком случае в эквивалентных паремиях в разных языках видоизменяются лишь отдельные образные компоненты и грамматическая оформленность. Однако в паремиях часто скрыт внутренний, переносный смысл, вызывающий определенные ассоциативные образы у носителей языка посредством использования строго определенного круга понятий и словесного обозначения этих понятий. В связи с этим был проведен сравнительно-сопоставительный анализ паремий английского, арабского и русского языков, а также были проанализированы сходства и различия используемых в них для передачи смысла образов.

Ключевые слова: паремии, межкультурная коммуникация, эквивалентность языковых единиц, сопоставительный анализ паремий, сходства и различия образов

UDC: 81-115

<https://doi.org/10.25076/vpl.56.04>

M. Sh. Khram

N.S. Erokhova

RUDN University

SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF IMAGES USED IN EQUIVALENT PAROEMIAS OF ARABIC, ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Paroemias as a means of conveying cultural peculiarities and peculiarities of life of a nation are of great interest to researchers. The purpose of this article was to consider the problems of interpretation of the concept 'paremia'. As a result of analysing different approaches to the interpretation of this concept, a generalised formulation was derived. Due to the fact that contact and communication of different cultures are

becoming an integral part of everyday life of a modern person, and the study of paremi of a foreign language helps to understand the national character and mentality of speakers of another language. Paroemias are often used in speech, and their brevity allows to simplify the communicative process, as well as to make it easier. In the process of intercultural communication, paroemias can be used as a point to the given argument, can be used to express disagreement with the interlocutor and as a conclusion. The relevance of the research is determined by the chosen material for the study. English, Russian and Arabic languages were chosen for the analysis because they belong to the group of the most widespread languages in the world, occupying the first, sixth and ninth places, respectively. The degree of prevalence of these languages leads to the need to communicate between speakers of these languages. Many of the themes addressed by paroemias are of an international character, as these language units are produced by different cultures throughout the world. In such a case, only certain figurative components and grammar structures change in equivalent paroemias in different languages. However, paroemias often conceal an internal, figurative meaning, evoking certain associative images in native speakers of the language through the use of a strictly defined range of concepts. In this connection, a comparative and comparative analysis has been carried out on paroemias of English, Arabic and Russian languages, as well as the similarities and differences of the images used to convey the meaning were analysed.

Keywords: paroemias, intercultural communication, equivalence of linguistic units, comparative analysis of paroemias, similarities and differences of images

Введение

Паремиологические единицы являются неотъемлемой частью общения между людьми, поскольку они помогают передать специфическую культурную информацию, обозначить типичные мысленные или жизненные ситуации, а также передать отношения между определенными объектами (Иргашева, 2021, с. 180). А в межкультурном общении паремии играют особенную роль в связи с тем, что они передают типовые ситуации, в том или ином виде знакомые каждому народу, и обладают сходным логическим содержанием, различаются в культурах различных народов лишь

образы, детали и культурные реалии, используемые в языке для описания нужных типовых ситуаций и передачи логического содержания.

Именно в этих единицах языка находит свое воплощение культурно-национальное мировоззрение, поскольку в основе их семантической составляющей лежит процесс исторического развития культуры, фиксируются определенные установки и эталоны. Культурная стереотипичность паремиологических единиц позволяет считать их языком обыденной культуры, сформировавшимся в течение всего времени существования определенной культурной общности.

Паремиологи выделяют проблему противопоставленности пословиц и поговорок и фразеологических выражений, поскольку данные термины описывают трудные для разграничения явления. Такие исследователи и ученые, как П. В. Ткаченко, В. П. Фелицина, В. Н. Телия, Г. Д. Сидоркова, Н. В. Курбатова, С. В. Сидорков считают, что пословицы и поговорки являются важными типами народной фразеологии, а в связи с тем, что они воплощают народную мудрость и ценностные представления народа, их следует ставить среди прочих фразеологических оборотов на первое место.

Ряд исследователей, среди которых, к примеру, А. В. Кунин, А. Г. Назарян, Т. М. Грушевская, Н. В. Луговая, И. В. Сиглюк уже в самом толковании термина объединяют термины «пословица» и «фразеологизм», в связи с чем пословицы называют особым видом фразеологизмов или коммуникативными фразеологическими единицами, которые являются цельнопредикативными сочетаниями.

В работах И. В. Горбань фразеологические и паремиологические выражения объединяются образностью, наличием переносного значения, экспрессивно-эмоциональной окрашенностью, воспроизводимостью в готовом виде, семантической целостностью, возможностью преобразования структуры и семантики, кодифицируемостью в словарях (Горбань, 2010, с. 172).

Некоторые словари придерживаются такого же принципа трактования фразеологии, поэтому, к примеру, в словаре «Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия»

можно встретить не только пословицы и поговорки, но и фразеологические обороты (Модестов, 2009).

В свою очередь, зарубежные лингвисты не сталкиваются с проблемой разграничения пословиц, поговорок и фразеологизмов, поскольку принято использовать термин «фразеология» по отношению ко всем устойчивым выражениям, в том числе к паремиям (Натхо, 2009, с. 435).

Паремии относятся к узуально поведенческим текстам, а значит, передают поведенческие аксиомы, среди которых аксиомы взаимодействия, общения, жизнеобеспечения, управления, безопасности, благоразумия, ответственности и реализма (Карасик, 1994, с. 3; Аكوпова, 2016).

В своих научных трудах А. Н. Веселовский приходит к выводу, что человеку свойственно передавать из поколения в поколение определенные знания и ценностные установки с помощью разнообразных форм фольклорных произведений (Веселовский, 1989, с. 189). Выбор форм этих произведений зависит от многих факторов, в частности, возрастных, общественно-исторических и социальных.

При сопоставительном изучении паремиологических выражений разных языков становится очевидным, что значительный пласт данных языковых единиц отражает национальную специфику культуры изучаемого языка (Малюга, 2004). Однако правомерно говорить и о наличии некоторой схожести культурных ценностей, близости мироощущения представителей разных культур, поскольку некоторые темы паремиологических выражений разных лингвокультурных общностей могут быть достаточно близки, а в самих языковых единицах может отмечаться содержательное и образно-выразительное сходство (Гришечко, 2021).

Контакт и коммуникация разных культур становятся неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека. Международные связи получают распространение во всех сферах общественной деятельности человека, в частности, в сферах науки, политики, спорта, искусства, туризма, производственной деятельности, спорт, что влечет за собой необходимость владеть несколькими языками, что дает возможность осуществлять межкультурную коммуникацию. В частности, в сфере

профессионального общения кросскультурность связана с обменом студентами и специалистами между разными странами, с возможностью получить образование в зарубежном вузе, с отсутствием необходимой информации на родном языке, но при этом ее доступностью на иностранном языке.

Интерес исследователей к межкультурной коммуникации обусловлен еще и тем, что, как утверждает С. Г. Тер-Минасова в своей работе «Язык и межкультурная коммуникация», вся глубина межкультурного общения раскрывается при сравнении иностранного языка с родным и чужой культуры с родной (Тер-Минасова, 2008, с. 67). Как уже было сказано ранее, язык и культура тесно взаимосвязаны друг с другом, поэтому при исследовании вопроса общения представителей разных народов важно уделять внимание обоим аспектам.

Такое комплексное сочетание лингвистических и внелингвистических особенностей речевого поведения человека, как билингвизм, широко распространившийся в настоящее время, появился вследствие возникновения необходимости осуществлять межкультурную коммуникацию во всех сферах общественной деятельности людей. Исследования показывают, что в настоящее время количество билингвов в мире преобладает над количеством монолингвов (Михайлов, 1989, с. 15).

Роль пословиц в межкультурной коммуникации

Согласно различным исследованиям, посвященным языкам мира, английский, русский и арабский языки относятся считаются самыми распространенными в мире языков. Так, по данным справочника по языкам мира Ethnologue на 2023 год, указанные ранее языки занимают первое, шестое и девятое места среди десятка языков, на которых разговаривает большинство людей мира (Ethnologue: электронный источник). Степень распространенности данных языков приводит к необходимости осуществлять коммуникацию между носителями данных языков.

В современном мире неотъемлемой частью изучения языка является знакомство с культурой страны изучаемого языка и менталитетом ее народа. Как отмечает Е. В. Кухарева в своем исследовании «Лингвокультурная специфика арабских пословиц, поговорок и фразеологических оборотов сквозь призму лексического значения», в связи с тем, что этнические картины

мира носителей разных языковых культур чаще всего различаются, эффективная коммуникация носителей разных языков предполагает не только знание иностранного языка, но и определенные фоновые знания, включающие в себя знакомство с историей, художественной литературой, мифологией и разнообразными другими культурными особенностями страны изучаемого языка (Кухарева, 2009, с. 184). В паремиологических единицах необходимые фоновые знания обычно выражены имплицитно в лексических компонентах, входящих в состав данного языкового выражения.

Изучение паремиологических выражений иностранного языка помогает понять национальный характер и особенности менталитета носителей другой лингвокультуры. Как отмечает исследователь в области языкознания Ч. Э. Касимова в работе «Паремиа как объект лингвокультурологического исследования на примерах русского и арабского языков», благодаря изучению фонда паремиологических выражений удастся достичь понимания психологических особенностей народа, принадлежащего к другой культуре, познакомиться с образом жизни носителей иностранного языка, их картиной мира, осознать логику мироощущения представителей другой культуры (Касимова, 2021, с. 2).

Многие исследователи, в частности, Т. А. Шайхуллин в своей работе «Отражение арабского мировоззрения в пословицах и поговорках» (Шайхуллин, 2011, с. 82) отмечают, что своевременно и уместно употребленное паремиологическое выражение помогает украсить речь говорящего, сделать ее более выразительной.

Более того, за счет идеи, содержащейся в паремиологической единице, последняя может стать так называемым «прагматическим орудием» (Крикманн, 1984, с. 165). Пословицы и поговорки могут быть употреблены в процессе дискуссии в качестве довода к приведенному аргументу, могут использоваться для выражения несогласия с собеседником и употребляться в качестве вывода.

Данные языковые единицы достаточно активно используются в повседневной речи и не теряют актуальность в связи с тем, что они представляют собой краткие и емкие выражения, а эта их отличительная особенность, в свою очередь, отвечает требованиям закона экономии языковых средств в процессе коммуникативного взаимодействия.

Паремиологические единицы также нуждаются в исследовании в различных контекстах их употребления, поскольку, отражая языковую картину мира и культурный код народа, паремии обладают мотивировочным потенциалом внутренней формы, а значит, могут создаваться условия для генерации новых смыслов (Евграфова, 2018, с. 151).

Многие темы, затрагиваемые паремиологическими единицами, имеют интернациональный характер и вырабатываются разными народами на протяжении всего исторического развития, видоизменяются лишь вещественный смысл отдельных образных компонентов пословиц и грамматическая оформленность (Касерта, 2019, с. 61).

Однако стоит отметить, что в значительном количестве паремиологических единиц в простом словесном выражении заключены практический жизненный опыт определенного народа, его мировоззрение, отношение к окружающему миру, выражены ценностные ориентации и понимание своего места на земле. Благодаря данным отличительным особенностям паремий особый интерес представляет изучение пословиц разных народов в сравнительном аспекте.

Сравнительный анализ паремических языковых единиц

В связи с тем, что в паремиях часто скрыт внутренний, переносный смысл, вызывающий определенные ассоциативные образы у носителей языка посредством использования строго определенного круга понятий и словесного обозначения этих понятий, сравнительное изучение пословиц разных народов требует тщательной подготовки и использования всех накопленных знаний и практического опыта.

Рассмотрим несколько эквивалентных паремических единиц английского, арабского и русского языков, а также проанализируем сходства и различия используемых в них для передачи смысла образов.

1. A bird in a hand is worth two in the bush.

Данная пословица используется в разговоре для того, чтобы посоветовать человеку не гнаться за тем, что у него есть лишь шанс получить, а ценить то, что у него уже есть, поскольку в погоне за чем-то желаемым можно потерять что-то уже имеющееся.

В английском варианте пословицы смысл данного выражения передается метафорически, используются образы одной птицы в руках и двух птиц в кустах, а значит, количественная характеристика важнее качественной.

Арабский эквивалент данной пословицы: *عصفور باليد خير من عشرة على الشجرة*. В нем также делается акцент на количественную характеристику, используется сравнение одной птицы и десяти.

Русский эквивалент данной паремиологической единицы: *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*. В русском варианте пословицы акцент, наоборот, делается не на количественную характеристику, а на качественную, потому что сравниваются лишь две птицы, но они достаточно сильно отличаются друг от друга.

2. *A work man is known by his chips.*

Данная пословица используется в разговоре для того, чтобы посоветовать оценивать человека, в первую очередь, по качеству его работы и тому, какую пользу он несет обществу.

В английском варианте пословицы используемые метафорические образы отсылают к работе плотника, которая является достаточно сложным ремеслом, требует особой аккуратности, поэтому и оценивать человека предлагается по «стружкам» - “chips”, которые остаются после завершённых плотнических работ.

Русский эквивалент данной паремиологической единицы: *Каков мастер – такова и работа*. В русском варианте пословицы, в свою очередь, не уточняется конкретное ремесло, а используется обобщенный образ мастера, выполняющего свои профессиональные обязанности.

В арабском же эквиваленте данной пословицы – *عند الامتحان، يكرم المرء او يهان* – используется образ ученика, сдающего экзамен, и в зависимости от его способностей он будет либо оценен по достоинству, либо будет унижен

3. *All that glitters is not gold.*

Данная пословица используется в разговоре для того, чтобы посоветовать не судить о людях и вещах лишь по внешнему виду, потому что зачастую внешний вид оказывается обманчивым, а привлекательность – только внешней.

В английском варианте пословицы используются интересные метафорические образы золота и его блеска, повествуется о том, что

необязательно все то, что блестит, окажется золотом, этот блеск может быть обманчивым.

Русский эквивалент данной паремиологической единицы – *Не все то золото, что блестит* – представляет собой антонимичный перевод английской пословицы.

В арабском же эквиваленте, в отличие от синонимичных по используемым образам пословиц английского и русского языков, используются другие образы и соответствующие им цвета.

Согласно пословице *وما كل سوداء فحمة، وما كل حمراء لحمه*, не все, что черного цвета, является углем, и не все, что красного цвета, является мясом.

4. *Shoemaker's son always goes barefoot.*

Данная пословица используется для описания людей, у которых достаточно знаний или умений, чтобы делать что-либо для других, но при этом они забывают о собственных нуждах или нуждах их близких.

В английском языке смысловой образ данной паремии концентрируется именно вокруг нужд близких, в данном случае, детей сапожника, которым не хватает сапог.

В русском эквиваленте пословицы – *Сапожник без сапог* – образ, напротив, говорит об игнорировании собственных нужд мастера-сапожника.

Арабский эквивалент пословицы, – *باب النجار مخلع* – в свою очередь, строится на описании другого мастерства, и говорит о том, что у плотника собственные двери разрушаются, поскольку им не уделяется должного внимания.

5. *Practice makes perfect.*

Данное паремическое выражение используется в разговоре для того, чтобы поделиться мудростью о том, что только многократное повторение действий позволит добиться мастерства в том или ином деле.

В английском языке для передачи данной мудрости используется одушевление образа практики, которая позволяет добиться совершенства.

В русском языке в эквивалентной пословице – *Повторение – мать учения* – также используется одушевление, однако, в данном случае одушевляется образ повторения, которое наделяется своеобразной семьей. Кроме того, смысловой акцент делается на

том, чтобы с помощью многократного повторения научиться хорошо выполнять какое-либо действие.

В арабском же эквиваленте – التكرار يعلم الحمار – для передачи этого смысла использован образ животного – осла, которого тяжело чему-либо научить, однако, согласно данной арабской пословице с помощью повторения научить определенным действиям можно даже осла.

6. *Like father, like son.*

Данное выражение используется в речи, чтобы напомнить, что дети зачастую имеют схожий с их родителями характер, а также склонны повторять некоторые их поступки.

В английском языке используются образы непосредственно отца и сына, чтобы описать данную ситуацию, и отсутствует упоминание какого-либо действия, просто отмечается схожесть родителей и детей.

В русском языке эквивалентной пословицей является следующая языковая единица: *Яблоко от яблони недалеко падает.* Здесь вместо непосредственных образов родителей и детей используется упоминание дерева и его плода, а также присутствует действие, происходящее при созревании плода.

В арабском же эквиваленте данной пословицы – ابن الوز عوام – смысл передается с помощью использования образов животных и конкретных действий, совершаемых упомянутым животным. Так, в пословице говорится, что сын гуся непременно является пловцом.

7. *Once bitten, twice shy.*

Данная паремическая единица используется в разговоре для описания ситуации, когда человек, получив единичный негативный опыт, при возникновении в будущем похожих ситуаций начинает излишне перестраховываться.

В английском языке в данной пословице негативный опыт передается через укус и количественные показатели – тот, кто однажды был укушен, будет вдвойне нерешительнее.

В русском же эквиваленте данной пословицы – *Обжегшись на молоке, дуют на воду* – отсутствуют количественные показатели, и смысл передается через ожог. Кроме того, присутствует коннотация излишней осторожности, поскольку вскипевшее молоко горячее, нежели вскипевшая вода.

В арабской пословице – اللي يتلسع من الشورية ينفخ في الزبادي – также используется образ ожога, и присутствует коннотация излишней предусмотрительности, поскольку данная языковая единица гласит, что тот, кто обжегся о суп, будет дуть и на йогурт, чтобы остудить его.

8. *Fool me once, shame on you; fool me twice, shame on me.*

Данное языковое выражение используется в речи, чтобы напомнить о том, что не стоит верить человеку, который однажды уже обманул, поскольку есть вероятность, что обман повторится.

В английском варианте данной пословицы присутствует коннотация стыда, а именно, если человека обманули один раз, то стыдиться должен тот человек, который обманул, если же человек был обманут дважды, то стыдиться стоит уже обманутому человеку, поскольку тот не был научен своей ошибкой и снова поверил лжецу.

В русском языке эквивалент данной пословицы – *Единожды солгавши, кто тебе поверит* – построен как обращение к человеку, который склонен к лжи. Хотя ярко выраженный коннотат стыда отсутствует в данном языковом выражении, сама форма обращения к лжецу как бы призывает его стыдиться своих поступков.

Арабский же эквивалент данного языкового выражения – نيترم – ربح نم نمؤملا غدلي لا – наполнен другими смысловыми образами. Так, данная пословица в арабском языке прямо не называет, однако подразумевает некоторое животное, которое несет опасность для человека и может укусить, а человек, в свою очередь, должен учиться на своих ошибках, поэтому не будет укушен животным, вылезшим из одной и той же норы.

9. *Easier said than done.*

Данная паремиологическая единица используется в процессе коммуникации для того, чтобы описать такую жизненную ситуацию, когда на словах решение сложившейся проблемы или поставленной задачи гораздо проще, чем выполнение необходимых для этого действий.

В английском языке в данной пословице не называется, а лишь подразумевается человек, которому проще сказать, нежели выполнить необходимое действие.

Эквивалентной пословицей в русском языке является следующее выражение: *Легко сказка складывается, да не легко*

дело делается. Здесь используется прием олицетворения слов и дела, а кроме того, слова заменены лексическим образом сказки.

В арабском же языке в эквивалентной пословице – رانلا يف ديلا يز – вместо подразумеваемого говорящего или выполняющего некоторые действия человека используется образ руки, а также используется сравнение нахождения этой руки в воде – эквивалент словам в пословицах о такой же ситуации в других языках – и в огне – эквивалент действиям, которые нужно выполнить в данной ситуации.

10. *Clothes make the man.*

Данная языковая единица служит для передачи жизненной мудрости о том, что первое впечатление о человеке всегда складывается в зависимости от его внешнего вида.

В паремиологическом выражении в английском языке данная ситуация описывается с помощью олицетворения внешнего вида человека, в данном случае, одежды.

В русском языке в эквивалентной пословице – *Встречают по одежке, провожают по уму* – не используется олицетворение, поскольку прямо не называются, однако, подразумеваются люди, которые будут оценивать человека, прежде всего, по его одежде. Отличительной особенностью паремиологического выражения в русском языке является то, что в ней упоминается, что, несмотря на первое впечатление о человеке, сложившееся по его внешнему виду, в конечном итоге судить о человеке будут в зависимости от его способностей и поступков, раскрывшихся в дальнейшем в процессе общения.

В эквивалентном паремиологическом выражении в арабском языке – فسورع بقبت، قصبولا سبل – также акцент делается исключительно на первом впечатлении, производимом внешним видом человека. В данной пословице используются необычные образы – палки и невесты, и подразумевается, что каким бы ни был человек, одеть его можно таким образом, что первое впечатление он будет производить исключительно положительное.

11. *You can't teach an old dog new tricks.*

Данная паремиологическая единица используется говорящим в речи для передачи жизненной мудрости о том, что сложившиеся у человека привычки и черты характера невозможно изменить.

В английском языке для передачи указанной житейской мудрости используется образ старой собаки, которую уже невозможно научить выполнять какие-либо новые для нее команды.

В русском языке эквивалентным паремиологическим выражением является следующее: *Горбатого могила исправит*. В данной пословице смысл передается образом человека, имеющего выделяющиеся физические недостатки, которые невозможно исправить с помощью врача или каких-либо средств.

В арабской же эквивалентной языковой единице – باتكلا هودو باش – также используется образ человека, однако, не с физическими недостатками, а пожилого мужчины, который лишь в преклонном возрасте решил пойти учиться в школу, несмотря на то, что уже поздно что-либо менять.

12. *What goes around comes around.*

Данная паремиологическая единица может использоваться говорящими в речи для передачи житейской мудрости о том, что любой совершенный человеком поступок повлечет к определенным последствиям в дальнейшем, а также то отношение, которое человек транслирует по отношению к окружающим его людям, вызовет аналогичное к нему отношение со стороны окружающих.

В паремиологическом выражении английского языка для передачи данного смысла используется безличное предложение, повествующее о том, что все обязательно возвращается.

В русском языке эквивалентной пословицей является следующая: Как аукнется, так и откликнется. Здесь аналогичный смысл передается с помощью лексического образа эха – все, что было сказано человеком, вернется к нему в таком же виде.

В арабском же языке в эквивалентном языковом выражении – هفوديب مسلا خابط – используется необычный образ человека, который готовит яд, а затем сам же его и пробует. С помощью такого образа передается идея о том, что любое зло, сделанное человеком по отношению к другому, непременно к нему вернется в том же виде.

13. *If wishes were horses, beggars would ride.*

Данная паремиологическая единица используется в речи для того, чтобы выразить недовольство по отношению к ситуации в настоящем, которая не соответствует ожиданиям насчет нее. Смысл данного языкового выражения заключается в том, что не имеет смысла переживать насчет несбывшихся ожиданий относительно

текущей ситуации, поскольку если бы что-то, что маловероятно или вовсе невозможно, даже и случилось, это никак не изменило бы ситуацию.

В английском языке для передачи описанного выше смысла в соответствующем языковом выражении используются образы лошадей, которых нищие могли бы себе позволить только в том случае, если бы их желания или мечты могли стать этими лошадьми, поскольку о настоящих лошадях нищие могут только мечтать.

В русском языке в эквивалентной паремиологической единице, которой является следующая: Кабы сивому коню черную гриву, был бы буланный; для передачи данной ситуации используются образы лошадей. Сивыми называли старых лошадей, для которых не характерна грива черного цвета, однако, даже если бы грива у старого коня была бы черной, это никак не изменило бы ситуацию.

В арабском же языке эквивалентной языковой единицей является следующая пословица: *وجلا يف تطبعش فر*. В отличие от паремиологических выражений в английском и русском языках здесь не используется изобразительно-выразительный образ в качестве действующего лица, а само слово «если» сравнивается с попыткой человека держаться за воздух, что также передает коннотативное значение невозможности ситуации, а вследствие этого и ее бессмысленности.

14. A new broom sweeps clean.

Данное паремиологическое выражение зачастую используется говорящими в речи для того, чтобы передать житейское наблюдение о том, что недавно принятый на работу сотрудник старается проявить себя лучше на недавно приобретенном рабочем месте, для чего нередко стремится изменить старые, существовавшие здесь ранее порядки и установки, которые, однако, на его взгляд, потеряли актуальность и требуют модернизации.

В соответствующей языковой единице английского языка для передачи данного смысла используется образ новой метлы, которая начисто все выметает.

В эквивалентной паремиологической единице русского языка, которая звучит следующим образом: Новая метла по-новому метёт; для передачи аналогичного смысла также используется образ новой метлы, однако, этому образу сопутствует не чистота, а новизна.

В арабском же языке в эквивалентной пословице – هلامعاً رش يف عقو – в отличие от образа метлы, как в языковых выражениях русского и английского языков, используется образ сита, которое является тугим, пока новое.

15. *God helps those who help themselves.*

Данное паремиологическое выражение используется в речи для того, чтобы поделиться житейской мудростью о том, что для получения некоторого результата недостаточно лишь надеяться на успех или помощь высших сил, а необходимо самому прилагать усилия по достижению поставленной цели.

В английском языке в соответствующей паремиологической единице используется коннотат помощи, а необходимый смысл передается напутствием, что если человек помогает себе сам в достижении поставленных перед ним целей, то и Бог ему поможет получить необходимый результат.

В эквивалентной языковой единице русского языка, которая звучит следующим образом: На Бога надейся, а сам не плошай; в отличие от коннотата помощи в соответствующей пословице английского языка, присутствует коннотат надежды, а также упоминается необходимость не совершать ошибку, то есть, не бездельничать, а совершать необходимые для достижения поставленной цели действия. Соответственно, в данной пословице говорится о том, что для достижения результата недостаточно одной лишь надежды на то, что результат получится сам собой или с чьей-то помощью, без непосредственного участия человека, которому и необходим этот результат.

В арабском же языке эквивалентной паремиологической единицей является следующее выражение: كاعم بعساً اناؤ دبع اي بعسا . Арабская пословица, в отличие от эквивалентных выражений английского и русского языков, не содержит образа Бога. Кроме того, в данной пословице содержится коннотат прилагаемого усилия, которое человеку необходимо приложить для достижения некоторого результата, и в таком случае другой человек также приложит определенные усилия, чтобы помочь ему.

16. *The proof of the pudding is in the eating.*

Данное паремиологическое выражение может использоваться в речи для того, чтобы поделиться житейской мудростью о том, что истинно и в полной мере оценить что-либо возможно только после

непосредственного взаимодействия с объектом оценивания или же по результатам этого взаимодействия.

В английском языке для передачи данного смысла в соответствующей языковой единице используется образ пудинга, который можно в полной мере оценить только тогда, когда его попробуют, а не исключительно по его внешнему виду.

В эквивалентной паремиологической единице русского языка – Обед узнают по кушанью, а ум по слушанью – также использован образ, связанный с едой, а именно, название одного из приемов пищи, а также образ человека, представление о котором стоит складывать лишь в процессе общения с ним.

В арабском же языке в эквивалентной пословице, которая звучит следующим образом: ساطعلا بدكت ؤيملا ; используются образ человека, который занимается погружениями в воду, и самой воды, глядя на которую до погружения можно составить ложное представление о том, что находится под ее поверхностью.

17. Many hands make light work.

Данное паремиологическое выражение используется для передачи житейской мудрости о том, что зачастую справиться с поставленной задачей проще и быстрее, если выполнять ее в команде, а не в одиночку.

В английском языке в соответствующей пословице используется олицетворенный образ рук, большое количество которых облегчает выполнение поставленной задачи.

В эквивалентной языковой единице русского языка используется безличное предложение – Дружно - не грузно, а врозь - хоть брось, а также используется коннотат тяжести выполняемого действия.

В арабском же языке в соответствующем паремиологическом выражении – نينتا اهلشني نيندو ما ؤفقلا – используется образ корзины, которую при наличии у нее двух ручек обязаны нести два человека, поскольку это значительно облегчит тяжелую для одного человека работу.

18. You can't make an omelet without breaking a few eggs.

Смысл данного паремиологического выражения заключается в передаче житейской мудрости, гласящей, что поставленная цель оправдывает необходимые для ее достижения средства. Так, например, при выполнении какой-либо большой и важной задачи

необходимо смириться с тем фактом, что при этом неизбежны небольшие ошибки или даже небольшой причиненный ущерб.

В английском языке данный смысл передается в соответствующей языковой единице с помощью образа омлета, который не получится сделать, если не разбить, то есть, не нанести ущерб некоторому количеству яиц.

В эквивалентном выражении в русском языке, в свою очередь, используется образ рубки леса, при которой неизбежно останутся щепки, разлетевшиеся во время упомянутого процесса. Русская эквивалентная поговорка звучит следующим образом: Лес рубят, щепки летят.

В арабском же языке в эквивалентной языковой единице – ران ريغ نم قولا ح شيفام – используется описание процесса приготовления десерта, который не будет возможен, если не разжечь для этого огонь в печи.

19. He that never climbed, never fell.

Данное паремиологическое выражение используется в речи для того, чтобы передать житейскую мудрость о том, что на пути к достижению своей цели возможны ошибки, и это совершенно нормально.

В английском языке в соответствующей поговорке путь к достижению цели изображается с помощью образа подъема на гору, а ошибки – с помощью образа падений.

В эквивалентном языковом выражении в русском языке – Не ошибается тот, кто ничего не делает – не используются слова в переносном значении для выражения необходимого смысла.

В арабском же языке эквивалентной паремиологической единицей является следующее выражение: لا يقذف بالحجارة إلا الشجر المثمر. В данной поговорке, как и в эквивалентной поговорке английского языка используются образы в переносном значении. Здесь для обозначения пути к достижению цели используется образ дерева, дающего плоды, а для обозначения возникающих ошибок используется образ камней, которые бросают в это дерево.

20. Brevity is the soul of wit.

Смысл данного паремиологического выражения в том, что поистине мудрым фразам присущи краткая формулировка и содержательность.

В соответствующей пословице в английском языке используется одушевление понятия мудрость, душой которой как раз и является краткость сформулированной мысли.

В эквивалентной языковой единице русского языка – *Краткость – сестра таланта* – также присутствует одушевление, подкрепляемое упоминанием родственных отношений, однако, вместо понятия «мудрость» используется понятие «талант».

В арабском же эквиваленте данной паремиологической единицы – خير الكلام ما قل ودل – не используется одушевление.

21. *The pitcher goes so often to the well that it is broken at last.*

Данное паремиологическое выражение может использоваться в речи как предупреждение о том, что все хорошее имеет свойство заканчиваться, поэтому не стоит долго испытывать свое везение.

В английском языке в соответствующем языковом выражении используется олицетворение образа кувшина, который ходил за водой до тех пор, пока не разбился.

В русском языке в эквивалентной пословице – *Сколько верёвочке не виться, а конец будет* – также используется олицетворение, однако, в отличие от эквивалентной пословицы английского языка олицетворяется образ веревки, которая может виться, пока не закончится.

В эквивалентной же языковой единице арабского языка – ما كل مرة تسلم الجرة – используется образ вазы, похожий на отраженный в пословице английского языка образ кувшина, которая рано или поздно может разбиться.

22. *Better to lose a jest than a friend.*

Смысл данной паремиологической единицы в поучении о том, что не каждая шутка может быть приятна другому человеку, и неуместный юмор может обидеть даже близкого человека.

В соответствующем языковом выражении в английском языке используется сравнение потери возможности пошутить и потери близкого человека, в данном случае, друга.

В эквивалентной языковой единице русского языка – *Не шути над тем, что дорого другому* – отсутствует сравнение, однако, используется повелительное наклонение, указывающее на необходимость прислушаться к данному поучению. Кроме того, концепт близкого человека или друга заменен на обобщенный образ другого человека.

В арабском же языке в эквивалентной паремиологической единице – خير الاصدقاء من ترك المزاح – المزاح لقاح الضفائن – так же, как и в пословице английского языка, присутствует концепт дружбы, и отсутствует повелительное наклонение. Арабская пословица воспринимается скорее как житейская мудрость, повествующая о том, что лучшими друзьями остаются те, кто умеет вовремя перестать шутить, если их шутки могут задеть близкого им человека.

23. *Make hay while the sun shines.*

Смысл данной паремиологической единицы в том, что любые действия и поступки следует совершать своевременно, когда есть в этом необходимость.

В соответствующем языковом выражении английского языка используется концепт заготовки сена, которую необходимо выполнить до того, как сядет солнце.

В русском языке эквивалентным паремиологическим выражением является следующее: *Куй железо, пока горячо*. Здесь также идет речь о ремесле, однако, в отличие от английской пословицы, в русском эквиваленте используется концептковки железа, которую необходимо закончить до того, как раскаленное железо успеет остыть.

В арабском же языке в эквивалентной пословице – اذا هبت رياحك – فاغتمها – отсутствует концепт некоего ремесла, поскольку необходимый смысл передается с помощью ветра, который следует использовать в полной мере для своих целей, пока он не закончился.

Выводы

Таким образом, на основе анализа приведенных выше эквивалентных пословиц арабского, английского и русского языков, можно прийти к выводу, что некоторые образы передаются схожими смысловыми единицами, а значит, не вызовут трудностей при осуществлении межкультурного общения, однако есть и пословицы, используемые образы которых обусловлены национальной спецификой страны соответствующего языка, и интерпретация подобных образов может вызвать трудности в ходе коммуникации, если коммуниканты не будут иметь представление об эквивалентах пословиц на иностранных языках.

Литература

1. Акопова А. С. Развитие навыков экстенсивного чтения текстов профессиональной направленности. Ростов-на-Дону: ИП Беспамятных С.В., 2016. 175 с. EDN: XDWHQD
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Москва: Высшая школа, 1989. – 590 с.
3. Горбань И.В. Роль паремий в речевых актах (на материале языка русской художественной литературы): дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.02.19; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. – 201 с.
4. Гришечко Е.Г. Коммуникативная стратегия вежливости в современном английском языке: разноуровневые средства реализации: монография. – М.: Российский университет дружбы народов, 2021. EDN: EHERPQ
5. Евграфова Ю.А. Структурно-семантические особенности паремий: вербализация константы «внешность человека» в русском и английском языках // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – №1. – С. 145-151.
6. Иргашева Н.К. Лингвокогнитивные и лингвокультурологические особенности паремиологических единиц (пословиц и поговорок) в языках разных систем // Academic research in educational sciences. – 2021. – №10. – С. 179-184.
7. Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология-Philologica. – 1994. – №3. – С. 2-7.
8. Касерта Л.Ф. Паремии как трансляторы константного языкового сознания // Вестник ТГПУ. – 2019. – №3 (57). – С. 58-64.
9. Касимова Ч.Э. Паремия как объект лингвокультурологического исследования на примерах русского и арабского языков // Научное обозрение. – 2021. – №4. – С.1-7.
10. Крикманн А.А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремиологические исследования. Москва: Наука, 1984. С.149-177.
11. Кухарева Е.В. Лингвокультурная специфика арабских пословиц, поговорок и фразеологических оборотов сквозь призму лексического значения // Профессионально

- ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: Материалы международной конференции. Москва, 10-11 апреля 2009. – Москва: РУДН, 2009. – 355с. – С.184-187.
12. Малюга Е. Н. Особенности языка и культуры в деловой коммуникации (на материале английского языка). М.: Макс-Пресс, 2004. 173 с. EDN: QREWHHD
 13. Михайлов М.М. Двоязычие: проблемы, поиски. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1989. – 159 с.
 14. Модестов В. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. – Москва: Просвещение, 2009. – 471 с.
 15. Натхо О. И. Английские паремии в языковой картине мира // Язык. Текст. Дискурс: науч. альм. Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – Вып. 7. – С. 433-439.
 16. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова: монография. – Москва: Директ-Медиа, 2015. – 212 с.
 17. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова. Сер. Классический университетский учебник, 2022. – 368 с.
 18. Шайхуллин Т.А. Отражение арабского мировоззрения в пословицах и поговорках // Вестник ВятГУ. – 2011. – №1. – С. 79-83.
 19. Ethnologue. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ethnologue.com/insights/ethnologue200/>

References

- Akopova, A. S. (2016). Razvitiye navykov ekstensivnogo chteniya tekstov professional'noy napravlenosti [Developing skills for extensive reading of professionally oriented texts]. IP Bespamyatnov S.V. EDN: XDWHQD
- Veselovskij, A.N. (1989). *Istoricheskaya poetika. [Historical poetics]*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).
- Gorban', I. V. (2010). *Rol' paremij v rechevyh aktah (na materiale yazyka russkoj hudozhestvennoj literatury) [The role of paremias in speech acts (based on the language of Russian fiction)]*. (Candidate's thesis, Russia, Saratov: Saratov Chernyshevsky State University). (In Russian).

- Evgrafova, YU.A. (2018). Strukturno-semanticheskie osobennosti paremij: verbalizaciya konstanty «vneshnost' cheloveka» v russkom i anglijskom yazykah [Structural and semantic features of paremias: verbalization of the constant “person's appearance” in Russian and English]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik [Upper Volga Philological Bulletin]*, 1, 145-151. (In Russian).
- Grishechko, E. G. (2021). Kommunikativnaya strategiya vzhlivosti v sovremennom anglijskom yazyke: raznourovnevyye sredstva realizatsii [Communicative strategy of politeness in modern English: multi-level means of implementation]. RUDN University. EDN: EHERPQ
- Irgasheva, N.K. (2021). Lingvokognitivnye i lingvokul'turologicheskie osobennosti paremiologicheskikh edinic (poslovic i pogovorok) v yazykah raznyh sistem [Lingvocognitive and linguacultural features of paremiological units (proverbs and sayings) in languages of different systems]. *Academic research in educational sciences*, 10, 179-184. (In Russian).
- Karasik, V. I. (1994). Ochenochnaya motivirovka, status lica i slovarnaya lichnost' [Evaluative motivation, status of a person and dictionary personality]. *Filologiya-Philologica [Philology-Philologica]*, 3, 2-7. (In Russian).
- Kaserta, L.F. (2019). Paremiy kak translyatory konstantnogo yazykovogo soznaniya [Paremias as translators of constant linguistic consciousness]. *Vestnik TGGPU [Bulletin of Tatar State University of Humanities and Education]*, №3 (57), 58-64. (In Russian).
- Kasimova, CH.E. (2021). Paremiya kak ob"ekt lingvokul'turologicheskogo issledovaniya na primerah russkogo i arabskogo yazykov [Paremia as an object of linguocultural research on the examples of Russian and Arabic languages]. *Nauchnoe obozrenie [Scientific review.]*, 4, 1-7. (In Russian).
- Krikmann, A.A. (1984). Opyt ob"yasneniya nekotorykh semanticheskikh mekhanizmov posloviy [An attempt to explain some semantic mechanisms of a proverb]. *Paremiologicheskie issledovaniya [Paremiological studies]*, 149-177. (In Russian).
- Kuhareva, E.V. (2009). Lingvokul'turnaya specifika arabskikh poslovic, pogovorok i frazeologicheskikh oborotov skvoz' prizmu leksicheskogo znacheniya. [Linguocultural specificity of Arabic proverbs, sayings and phraseological units through the prism of

- lexical meaning]. *Professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannomu yazyku i perevodu v vuze: Materialy mezhdunarodnoj konferencii [Professionally oriented teaching of foreign language and translation at the university: Proceedings of the international conference]*. Moscow, April 10-11, 2009. (pp. 184-187). Moscow: RUDN. (In Russian).
- Malyuga, E. N. (2004). *Osobennosti yazyka i kultury v delovoy kommunikatsii (na materiale angliyskogo yazyka) [Features of language and culture in business communication (based on the English language)]*. Maks-Press. EDN: QREWHD
- Mihajlov, M.M. (1989). *Dvuyazychie: problemy, poiski [Bilingualism: Problems, Searches]*. Cheboksary: Chuvashskoe kn. izd-vo. (In Russian).
- Modestov, V. (2009). *Anglijskie posloviy i pogovorki i ih russkie sootvetstviya [English proverbs and sayings and their Russian equivalents]*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).
- Natho, O. I. (2009). Anglijskie paremii v yazykovej kartine mira [English proverbs in the language picture of the world]. *Yazyk. Tekst. Diskurs: nauch. al'm. Stavropol'skogo otdeleniya RALK [Language. Text. Discourse: scientific almanac of the Stavropol Russian Cognitive Linguists Association]*, 7, 433-439. (In Russian).
- Sternin, I.A. (2015). *Problemy analiza struktury znacheniya slova: monografiya [Problems of analyzing the structure of word meaning: monograph]*. Moscow: Direkt-Media. (In Russian).
- Ter-Minasova, S.G. (2022). *Yazyk i mezhkul'turnaya [Language and intercultural communication]*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
- Shajhullin, T.A. (2011). Otrazhenie arabskogo mirovozzreniya v poslovicah i pogovorkah [Reflection of the Arab worldview in proverbs and sayings]. *Herald of Vyatka State University*, 1, 79-83. (In Russian).
- Ethnologue. Retrieved from:
<https://www.ethnologue.com/insights/ethnologue200/>

УДК: 37.01; 37.013.75+81

<https://doi.org/10.25076/vpl.56.05>

И.А. Улиткин

Государственный университет просвещения

Н.А. Иванова⁵

МГИМО МИД России

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ПИСЬМЕННОГО И УСТНОГО ПЕРЕВОДА

Письменный и устный перевод традиционно изучались лингвистами и переводоведами, а технологии, имитирующие и/или поддерживающие эту человеческую деятельность, разрабатывались учеными и специалистами разных областей знаний. В данной работе рассматриваются различные современные технологии, не только позволяющие облегчить работу письменного и устного переводчика, но и используемые в подготовке специалистов в области устного и письменного перевода. Проанализированы уже широко применяемые технологии машинного перевода с постредактированием и появляющиеся на рынке инструменты и ресурсы для устного перевода при помощи компьютера. Обсуждаются существующие проблемы и новые возможности, которые открывают информационно-коммуникационные технологии для подготовки устных и письменных переводчиков. Анализируются существующие проблемы при переводе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий. Также рассмотрены переводческие технологии, основанные на искусственном интеллекте (ИИ). Показано, что традиционные методы обучения переводу имеют множество ограничений, таких как ограничения по времени и пространству, повышенные

⁵ © Улиткин И.А., Иванова Н.А. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

трудозатраты и т. д. В этом контексте в статье рассматривается применение переводческих технологий, основанных на ИКТ и ИИ, в обучении переводу. Отмечено, что информационные технологии позволяют учитывать индивидуальные особенности обучающегося, его психологические характеристики и уровень подготовки в максимальном объеме, таким образом, способствуя процессу индивидуализации обучения. Статья может быть интересна не только для преподавателей дисциплины «Практический курс перевода» и начинающих специалистов, но и для работников, предлагающих профессиональные услуги в сфере перевода.

Ключевые слова: устный перевод, письменный перевод, информационно-коммуникационные технологии, перевод при помощи компьютера, постредактирование машинного перевода, устный перевод при помощи компьютера, подготовка специалистов в области устного и письменного перевода

UDC: 37.01; 37.013.75+81

<https://doi.org/10.25076/vpl.56.05>

I.A. Ulitkin

State University of Education

N.A. Ivanova

MGIMO University

NEW TECHNOLOGIES FOR TRAINING SPECIALISTS IN THE FIELD OF TRANSLATION AND INTERPRETING

Translation and interpreting are traditionally studied by linguists and translators, and technologies that simulate and/or support these human activities are developed by scientists and specialists of different fields of knowledge. The paper discusses various modern technologies that not only make it possible to facilitate the work of a translator and an interpreter, but also to use them in the training of specialists in the field of written translation and interpreting. Widely used machine translation technologies with post-editing and computer-assisted interpreting tools and resources appearing on the market are analyzed. The existing problems and new opportunities that information and communication technologies open up for training interpreters and translators are

discussed. The problems in translation and interpreting with the use of modern information and communication technologies are analyzed. Translation technologies based on artificial intelligence (AI) are also considered. It is shown that traditional methods of teaching translation have many limitations, such as time and space restrictions, increased labor costs, etc. In this context, the paper examines the use of translation technologies based on information and communication technologies and AI in teaching translation. It is noted that information and communication technologies make it possible to take into account individual characteristics of students, their psychological characteristics and level of training to the maximum extent, thus contributing to the process of individualization of training. The paper may be of interest not only for teachers of "Practical translation course" and beginners, but also for workers offering professional services in the field of translation.

Keywords: interpreting, translation, information and communication technologies, computer-assisted translation, post-editing of machine translation, computer-assisted interpreting, training of specialists in written and oral translation

Введение

Существует огромное количество систем машинного перевода, основанных на различных подходах к переводу и компьютерных алгоритмах. Все эти системы имеют как преимущества, так и недостатки, но по своей сути все они являются полностью автоматическими программами, которые переводят текст с одного языка на другой без помощи человека. В отличие от них, перевод, выполненный человеком, или для краткости просто перевод, является исключительно продуктом человеческой деятельности, несмотря на то, что в процессе перевода переводчик использует различные текстовые процессоры, и, возможно, электронные словари, и терминологические базы данных.

Между тем для осуществления письменного перевода текста с одного языка (исходный язык) на другой (целевой язык) современные переводчики используют доступный на сегодня инструментарий, заметно облегчающий их работу. При этом необходимо различать степень использования компьютера и программных средств, предназначенных для облегчения работы переводчика. Традиционно перевод на компьютере с помощью

компьютерных технологий [computer-aided translation или computer-assisted translation (CAT)] позволяет значительно сократить время работы с текстом при сохранении качества перевода. CAT-программы подразумевают использование глоссариев, электронных терминологических банков, инструментов выравнивания текстов и, как правило, памяти переводов, а также позволяют сохранять в памяти переводов ранее переведённые сегменты для их последующей подстановки в однотипные тексты. Как правило, простое использование компьютера в качестве печатной машинки (набор текста перевода и его форматирование) не рассматривается в рамках применения CAT-инструментов. Машинный перевод с участием человека [human-aided machine translation (НАМТ)] подразумевает перевод, выполненный при помощи автоматической системы машинного перевода, но при этом переводчик принимает участие в предредактировании исходного текста и последующем постредактировании полученного текста перевода. Необходимо отметить, что современные вычислительные устройства способствуют внедрению в практику перевода новых форм взаимодействия между человеком и компьютером. Уже сейчас становятся реальностью распознавание рукописного ввода, преобразование письменного текста в речь, распознавание жестов, интерактивная помощь при переводе, оптическое распознавание символов (OCR) и многое другое. Некоторые из этих технологий уже стали частью профессиональных переводческих сред, но самое главное – переводчик может комбинировать эти инструменты практически в любой конфигурации.

Системы памяти переводов (ТМ) часто используются в качестве синонима CAT-инструментов. Такие системы не переводят текст сами по себе. Скорее, они извлекают близкие совпадения из двуязычной базы данных (так называемой памяти переводов) и отображают их переводчику для последующего исправления (Малюга, 2008). Чтобы такой перевод стал возможным, создаются банки памяти переводов при помощи выравнивания строк (программы могут осуществлять выравнивание в интерактивном или полностью автоматическом режиме). Системы ТМ также вычисляют процент совпадения между переводимым предложением и аналогичными предложениями на исходном языке в памяти переводов. При этом переводчику приходится вносить

изменения только в неточные соответствия (fuzzy match), а точные (exact match) автоматически подставляются в перевод.

Учитывая возросшее качество систем машинного перевода, использование полностью автоматического перевода постоянно растет (Гришечко, 2023). В отличие от ТМ-систем, современные системы машинного перевода, особенно системы нейронного машинного перевода, могут генерировать вполне «достойные» переводы исходных текстов (Улиткин, 2022, с. 47). Тем не менее, даже в этом случае часто требуется постредактирование машинного перевода [post editing of machine translation (PEMT)], чтобы исправить основные ошибки и недостатки, которые могут препятствовать пониманию переведенного текста. В последнее время для облегчения этого процесса появилось несколько платформ постредактирования машинного перевода. Подобно ТМ-системам, они показывают каждый сегмент исходного текста вместе с переводом сегмента, выполненного при помощи систем машинного перевода, для последующего редактирования этого сегмента (O'Brien et al., 2014; Гришечко, 2024; Малюга, 2010). Прогресс, достигнутый в области создания профессиональных переводческих программ [системы нейронного машинного перевода (neural machine translation), двуязычные словари и глоссарии (translation dictionaries, glossaries), терминологические базы данных (termbases), выравнивание предложений (text alignment) и т. д.], позволяет разрабатывать интегрированные платформы, позволяющие осуществлять постредактирование машинного перевода. Подобные платформы могут не только отслеживать непереуведенные фрагменты сегментов, но и визуализировать альтернативные варианты перевода и т. д., облегчая тем самым интерактивное вмешательство человека.

Технологические разработки в сфере устного перевода, к сожалению, все еще находятся в зачаточном состоянии. На данный момент можно выделить системы автоматического распознавания разговорной речи [automatic speech recognition (ASR)], которые интегрируют в рамках одной платформы модули автоматического распознавания устной речи, машинного перевода и синтеза речи. Основной проблемой при разработке подобных систем является тот факт, что устная (особенно неподготовленная) речь и письменный текст имеют довольно серьезные отличия (Малюга, 2019).

Разговорная речь характеризуется такими типичными для устного языка чертами, как дискурсивные маркеры («ну», «знаешь»), самоисправления («был», «было»), повторы, междометия (хм, эм, ах и т. д.) и неполные предложения, что делает ее иногда трудной для понимания даже слушателями. Кроме того, поскольку системы ASR генерируют достоверную расшифровку произнесенных слов, распознанный текст часто получается несегментированным и не имеет знаков препинания. Все это требует дополнительных усилий по исправлению распознанного текста и приведения его к той «форме», которая будет соответствовать требованиям систем машинного перевода или CAT-программ, поскольку для корректной работы данных платформ необходимы правильно сформированные и сегментированные отрезки текста (предложения).

Большинство доступных в настоящее время систем перевода устной речи осуществляют на данный момент только последовательный перевод, при котором речь говорящего обрабатывается, транскрибируется, преобразуется в письменный формат и переводится системами машинного перевода, а затем результат выводится либо в письменной форме, либо в устной форме. На данный момент существует всего несколько систем синхронного перевода устной речи, такие как Google Translate, Blabber Messenger и др. (Cho et al., 2014; Петросян, Гришечко, 2020).

Прогресс в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) позволяет пользователям не только осуществлять общение в режиме реального времени, но и переводить с помощью ИКТ. Так с развитием мобильной связи, интернет-телефонии и видеоконференций с участием докладчиков, находящихся в разных уголках земного шара, альтернативой личному участию в устном переводе на месте [in-person interpreting (IPI)] стал устный перевод по телефону [on-demand phone interpreting (OPI)] и видеоудаленный устный перевод [video remote interpreting (VRI)].

Таким образом, на сегодняшний день двумя признанными методами устного перевода с применением ИКТ являются телефонный перевод и устный перевод на видеоконференциях. В ходе удаленного, или дистанционного перевода [remote interpreting (RI)] переводчик, который может находиться где угодно,

подключается к видеоконференции через телефонную линию или канал видеоконференции. В области устного перевода утвердился термин удаленный видеоперевод, который может быть синхронным или последовательным.

Дистанционный перевод и удаленный видеоперевод находятся на подъеме из-за увеличения количества вебинаров и других мероприятий с участниками, находящимися в разных городах и странах, и стали широко известны как перевод веб-трансляций. В устном переводе веб-трансляций переводчики работают в команде для удаленной аудитории, находясь удаленно друг от друга, а не в одной кабине.

Таким образом, цель данного исследования – во-первых, рассмотреть будущие направления применения современных технологий в переводе и выявить основные проблемы, связанные с их использованием, и, во-вторых, рассмотреть доступные и эффективные САТ- и ИКТ-инструменты в подготовке будущих специалистов в области письменного и устного перевода.

Методология исследования

Овладение необходимыми компетенциями в сфере устного и письменного перевода в современных условиях становится крайне актуальным. Новые технологии, используемые в обучении переводу, отражают современные тенденции и требования к профессии переводчика. Исследования российских и иностранных ученых демонстрируют непрекращающийся рост интереса к применению ИКТ-технологий в обучении иностранным языкам в целом и устному и письменному переводу в частности.

С ускорением глобализации и тенденцией интернационализации переводческое образование постепенно стало важным компонентом университетского образования в области иностранных языков. В процессе преподавания перевода применение технологии ИКТ и искусственного интеллекта (ИИ) постепенно становится крайне актуальным, поскольку все больше исследователей пытаются объединить технологию ИИ с преподаванием перевода, чтобы повысить эффективность преподавания.

Теоретическая значимость данной работы заключается в необходимости овладения умениями и навыками в области письменного и устного перевода на основе современной

методологии преподавания перевода. Анализ работ отечественных и зарубежных ученых и специалистов в области перевода и методики обучения переводу позволяет описать основные платформы, существующие в области инновационных технологий в сфере устного и письменного перевода, а также предложить новые инструменты для обучения будущих специалистов. Качественный анализ современной научной литературы по данному вопросу помогает выявить проблемные моменты и предложить пути их решения.

Технологии ИИ и ИКТ-технологии позволяют усвоить и улучшить знания в области иностранных языков быстрее и эффективнее. Тем не менее, в преподавании перевода использование современных технологий чаще всего сводится к применению лингафонных кабинетов. Анализ современной научной литературы по данной теме позволяет сделать вывод, что лишь недавно занятия по обучению переводу стали постепенно дополняться различными технологиями на основе ИИ. Так, Би (Bi, 2020) предложил систему перевода на английский язык с использованием технологии ИИ, основанную на интеллектуальной базе знаний и нейронной сети. Сяо и Йи (Xiao and Yi, 2021) использовали ИИ для персонализированного обучения и предложили метод построения персонализированной модели обучения переводу на основе ИИ. Джойс (Joyce, 2018) использовал технологию ИИ для изучения влияния использования перевода на родной язык. Сан и др. (Sun et al., 2021) разработали онлайн-систему обучения английскому языку с использованием ИКТ и ИИ.

Тем не менее все еще существует множество ограничений и проблем, связанных с использованием ИИ в процессе обучения переводу, поскольку чаще всего на занятиях используется только машинный перевод для анализа и разбора точности перевода, особенно при работе со сложными текстами и специализированной терминологией в определенных областях. Поэтому возникает необходимость использования интеллектуальных систем обучения переводу, основанных на технологиях с использованием искусственного интеллекта, для устранения недостатков текущей модели обучения.

Интеллектуальное обучение переводу должно стать новым типом парадигмы переводческого образования, формируемым

путем органической интеграции переводческого образования с интеллектуальными технологиями и концепциями научного образования. Создавая интеллектуальную среду обучения переводу, основанную на ситуации и тенденции развития взаимодействия человека и компьютера, сотрудничества человека и компьютера и симбиоза человека и компьютера, а также применяя методы оценки и анализа на основе полученных данных, обучение переводу на основе ИИ и ИКТ-технологий может помочь преподавателям и учащимся гибко и эффективно осуществлять деятельность по преподаванию и обучению (Wang and Liu, 2023).

В преподавании и практике устного перевода интеграция распознавания голоса, машинного перевода и других интеллектуальных технологий и ИКТ-инструментов поможет повысить роль практического освоения устного перевода.

Важно отметить, современный рынок в области перевода требует новых подходов к обучению устному и письменному переводу, которые должны легко адаптироваться к постоянным изменениям. Современные методы обучения переводу должны ориентироваться на предлагаемые переводческой отраслью современные технологии, такие как Интернет ресурсы, ИИ, ИКТ-технологии и т. д. Только такой подход может гарантировать, что будущие переводчики будут иметь необходимые знания, умения и навыки для осуществления эффективного устного и письменного перевода и соответствовать требованиям современного бизнеса.

Будущие направления применения современных технологий в переводе

Письменный перевод с использованием ИКТ

Для некоторых языковых пар (особенно одной языковой группы) и типов текста машинный перевод достиг такой степени качества, что делает постредактирование (РЕМТ) эффективным. Чтобы облегчить процесс постредактирования, разрабатывается и апробируется ряд платформ (Abby SmartCAT, CASMACAT), позволяющих существенно упростить и автоматизировать работу постредактора.

Во время онлайн-обучения система машинного перевода постепенно обновляет свои модели, участвующие в процессе перевода. Это позволяет системе динамически учиться на исправлениях в процессе постредактирования и потенциально

приводит к более высоким показателям качества машинного перевода, поскольку одни и те же ошибки перевода, которые появляются в одном тексте, не нужно исправлять снова и снова.

Во время активного обучения система машинного перевода переупорядочивает предложения исходного текста таким образом, чтобы обеспечить наилучшие результаты обучения за счет изменений, произведенных постредактором. Система машинного перевода выборочно просит постредактора исправить небольшую часть перевода, чтобы оптимизировать результаты системы машинного перевода для оставшихся предложений.

В этой связи широко применяется интерактивный машинный перевод, который помогает переводчику предсказать следующий фрагмент текста, который он/она, скорее всего, введет. При этом система учитывает всю имеющуюся у нее информацию как в исходном тексте, так и в уже выполненном переводе.

Ряд браузерных и автономных рабочих мест для систем постредактирования уже внедряются и тестируются. Так, одним из нововведений стал переводческий краудсорсинг, преимущества и недостатки которого являются предметом постоянных дискуссий. Термин «краудсорсинг» был придуман Джеффом Хоу в журнале *Wired* в 2006 году для обозначения «процесса получения необходимых услуг, идей или контента путем получения предложений от большой группы людей, особенно от онлайн-сообщества, а не от традиционных сотрудников или поставщиков» (Howe, 2006).

Таким образом, краудсорсинг в переводе, т. е. привлечение к переводу непрофессиональных переводчиков, позволяет осуществлять перевод огромного массива данных за очень короткий промежуток времени. Одним из возможных применений краудсорсинга является редактирование текстов, переведенных при помощи машинного перевода. Многие известные сервисы перевода, например, Google, Bing, Яндекс-переводчик и т. п., позволяют вносить исправления в перевод, предложенный машиной, что способствует повышению качества перевода.

К настоящему времени краудсорсинг переводов хорошо зарекомендовал себя, и появилось несколько компаний, использующих Интернет и веб-порталы, для реализации переводческих проектов. Преимущества краудсорсинга перевода

включают быстрое исполнение заказов и низкие цены по сравнению с традиционным переводом. Некоторые компании также предлагают РЕМТ для краудсорсинга, что делает перевод еще более рентабельным. Тем не менее, основными проблемами краудсорсинга переводов являются контроль качества переводческого продукта и управление проектами.

Устный перевод с использованием ИКТ

В современном мире постоянно предпринимаются попытки удовлетворить потребности устных переводчиков путем разработки различных типов языковых инструментов, в основном инструментов устного перевода с помощью компьютера [computer-assisted interpreting (CAI)]. CAI-инструменты позволяют устному переводчику использовать различные программы для создания терминологических баз данных, а также создавать заметки (последовательный перевод) и преобразовывать голосовые сообщения в текст для последующего их перевода на целевой язык, т. е., используя в данном случае планшет с предустановленными программами, переводчик получает в письменном виде текст, озвученный выступающим, и осуществляет фактически его перевод с листа. При этом распознавание осуществляется практически в реальном времени. Все это делает ненужным использование переводческой скорописи переводчиком.

Для управления терминологией разработчики программного обеспечения создают специальные программы, которые позволяют не только составлять, хранить и управлять терминологическими базами данных, но и осуществлять в них мгновенный поиск нужного термина. Чаще всего подобные терминологические глоссарии создаются пользователем заранее и используются для подготовки к устному переводу, как последовательному, так и к синхронному.

Многие из существующих инструментов просты в использовании и имеют удобный интерфейс, однако их можно использовать только на определенной платформе: Mac OS (например, Intragloss (<http://intragloss.com/index.php/>)), Windows (например, LookUp (<http://www.lookup-web.de/>)), Terminus (<http://www.wintringham.ch/cgi/ayawp.pl?T=terminus>), Glossary Assistant (<http://swiss32.com/>) и InterpretBank (<http://www.interpretbank.com/>)). Такие кроссплатформенные

инструменты, как Interpreters' Help (<https://interpretershelp.com/>) и Flashterm (<https://www.flashterm.net/>), работают на Windows, Mac, iOS и в веб-сервисах и позволяют получить доступ к терминологическим базам данных и глоссариям с любого устройства (компьютера, планшета или телефона).

Большинство этих инструментов не поддерживают интеграцию метаинформации, т. е. глоссарии и управление терминологией осуществляется вручную. Единственным на данный момент приложением, позволяющим автоматически извлекать термины из документов, является программа EU-Bridge. Interpreter Support Tool (<https://www.interpreter-support.eu/>). Большинство из существующих программ помогают только на этапе подготовки, и позволяют распечатать/экспортировать глоссарии для устного перевода, созданные во время подготовки. Тем не менее, необходимо отметить тот факт, что в последнее время были созданы такие приложения, как BoothMate (<https://interpretershelp.com/boothmate>), InterpretBank и автономное приложение-компаньон Interpreters'Help, которые позволяют переводчику получить доступ к глоссариям и осуществлять быстрый поиск эквивалентов даже в кабине устного переводчика. Так, приложение InterpretBank дает возможность переводчику создать доступные и удобные глоссарии. В основе этого САИ-инструмента лежит автоматическое распознавание речи (ASR) и извлечение терминов.

Вторая группа, касающаяся приложений для ведения заметок, адресована непосредственно последовательным переводчикам и их потребностям во время устного перевода. Разработчики предлагают сейчас в помощь устным переводчикам цифровые смарт-ручки, которые способны не только делать и сохранять заметки, текст или рисунки для загрузки на компьютер (например, Inkeness, LectureNotes, PenSupremacy, My BIC Notes, Smarssen Bluetooth, Neo N2, планшеты Wacom), но и впоследствии редактировать их (например, умные цифровые ручки Sky Wifi, Echo, Livescribe, Smartpen и Equil Note). Смарт-ручки такого типа действительно универсальны, поскольку позволяют транскрибировать, записывать и синхронизировать записи, исходя из ситуации устного перевода.

О необходимости создания систем автоматического распознавания речи (ASR) стали говорить еще в начале 1950-х

годов, но теоретическая база, которая до сих пор используется в ASR-системах (так называемая скрытая марковская модель), была представлена в 1970-х годах в рамках пятилетнего исследовательского проекта по системам распознавания речи (Waibel & Kai-Fu, 1990).

Непосредственно автоматический перевод разговорной речи является более поздней разработкой. Исследования в области автоматического перевода разговорной речи широко финансировались с 1990-х годов, включая немецкий проект VERBMOBIL (1993–2000), в который было инвестировано около 90 миллионов евро (Wahlster, 2000; <http://verbmobil.dfki.de/overview-us.html>), а также американский проект C-Star и европейские проекты PF-Star и TC-Star.

После приобретения Skype компанией Microsoft в 2011 году была выпущена программа Skype Translator, которая обеспечивает письменный перевод разговорной речи почти в реальном времени (для 6 языков на момент написания) и может преобразовывать переведенный текст в речь. Данная программа учитывает даже некоторые особенности разговорной речи, такие как неполные предложения. Тем не менее, несмотря на успехи в этой области, существующие на данный момент системы автоматического перевода устной речи не могут заменить высокоточный профессиональный перевод. Двуязычное и многоязычное общение в профессиональной среде часто предполагает сложное многостороннее взаимодействие и необходимость решить ряд проблем, возникающих в ходе устного взаимодействия (например, двусмысленность, неясность и различия между тем, что сказано и имелось в виду и т. д.).

Одной из основных проблем автоматического перевода устной речи является необходимость достижения баланса между акустической и языковой моделями языка. Более тщательно описанная модель требует большего объема обработки данных, что не всегда может быть реализовано в режиме реального времени. Все это приводит к необходимости соблюдения баланса, не допуская при этом ухудшения качества перевода.

Еще одной важной проблемой в области разработки систем автоматического перевода устной речи является устранение нарушений беглости речи (колебаний, самоисправлений,

повторений и т. д.), а также правильный перевод грамматически неправильных или неполных предложений.

Помимо этого, существует необходимость обучения систем вставке знаков препинания в преобразованный текст распознанной речи, поскольку только семантически согласованные сегменты могут обеспечить соответствующую основу для создания оптимального текста, который впоследствии будет переводиться системой машинного перевода.

В устном переводе с использованием ИКТ одним из спорных вопросов является качество устного перевода. Учитывая скорость, с которой развиваются и распространяются коммуникационные технологии, основными в будущем станет увеличение количества телеконференций и их диверсификация. Последние разработки, которые могут иметь отношение к удаленному устному переводу, можно разделить на две категории: (i) высокотехнологичные решения, такие как системы видеоконференцсвязи (HD и 3D системы «телеприсутствия» или «иммерсивные» системы) и слияние видеоконференцсвязи с 3D технологией виртуальной реальности для создания коммуникационных решений «дополненной реальности» и (ii) недорогих решений, таких как веб-службы видеоконференций, которые изначально были разработаны для домашнего рынка (например, Skype), и видеозвонки с использованием мобильных устройств и приложений.

Практически ориентированное обучение переводу: включение САТ-инструментов и ИКТ-технологий в обучение письменному и устному переводу

Наш профессиональный опыт в индустрии и в обучении переводу позволяет утверждать о необходимости развития широкого спектра навыков у будущих переводчиков, таких как языковые навыки, навыки перевода, инструментальные навыки, когнитивные и психологические навыки, тематическую экспертизу и межкультурные навыки. Необходимо отметить, что в контексте обучения переводу первостепенное значение приобретают инструментальные навыки, а также когнитивные и психологические навыки. Все эти навыки можно развить с использованием современных технологий, и, что более важно, они необходимы для полного использования ИКТ-технологий и САТ-инструментов, доступных в настоящее время переводчикам.

Основная цель проведения практических занятий по переводу заключается в развитии необходимых для будущей работы выпускников компетенций. Для этих целей используется комплексный подход к обучению переводу: занятия и упражнения по переводу строятся таким образом, чтобы объединить все области компетенций в одну задачу и, следовательно, обеспечить всестороннее развитие переводческих навыков. Поэтому в типичном задании по переводу будущие специалисты должны подготовить документ перевода в соответствии с требованиями клиента (практиковать свои навыки редактирования), провести мероприятия по поиску терминологии, подготовить базу терминов, перевести текст с использованием CAT-инструментов, создать память переводов и, наконец, предоставить окончательную исправленную версию своего перевода.

Очевидно, что не все задания можно выполнять с применением всех ИИ и ИКТ-технологий. Тем не менее, в настоящее время одним из ярких примеров интеллектуального обучения переводу является использование технологии ChatGPT, которая может помочь не только при самостоятельном обучении переводу, но также служить помощником при обучении, круглосуточно предоставляя обучающимся ответы для решения общих проблем, возникающих в процессе освоения практики перевода.

В частности, на занятиях по письменному переводу студенты практикуют навыки редактирования слов, используя такие программы как MS Office и Google Docs, учатся использовать программное обеспечение для проверки и исправления ошибок (программы проверки орфографии и грамматики MS Office). Поскольку подготовка конечного продукта перевода требует от переводчика выполнения ряда других действий помимо перевода текста, студенты также знакомятся с конвертерами файлов (онлайн-конвертерами файлов, конвертерами PDF), программным обеспечением для статистики документов (MS Office, AnyCount), а также программным обеспечением для облачных вычислений (Dropbox, Google Drive, Google Docs). Использование на занятиях электронных и интернет-словарей (например, Oxford, Cambridge, Oxford, Longman или поисковые системы перевода таких как Linguee) позволяет научить студентов эффективно использовать и

критически анализировать различные источники терминологической информации.

Помимо общих компьютерных и ИКТ-технологий, инструментальная компетентность современного переводчика также включает в себя умение использовать различные технологии, связанные с переводом, включая память переводов (ПМ), терминологические базы и системы управления терминологией. Поэтому еще одной основной целью практических занятий по переводу является включение ряда CAT-инструментов на различных этапах процесса перевода.

Конкретные упражнения включают использование систем машинного перевода (Google Translate, Яндекс Translate, Bing, Microsoft Translator, Translatica). Например, одним из таких упражнений является перевод газетной статьи (инструкции, научно-популярного текста и т.д.) на русский или английский языки с использованием онлайн-переводчиков, а затем редактирование полученного текста, где основной целью является демонстрация как недостатков, так и преимуществ различных онлайн-инструментов. Особое внимание в таких упражнениях уделяется неотъемлемым этапам процесса перевода, а именно, корректуре и постредактированию.

Особое внимание уделяется упражнениям по переводу, в которых студенты изучают, как использовать облачные CAT-инструменты с модулем памяти переводов (SmartCAT). Цель заданий – формирование необходимых компетенций для работы с современным инструментарием переводчика, а именно, ознакомление с принципами работы функции памяти переводов, составлением глоссариев с использованием онлайн-приложений Google Docs и различных терминологических ресурсов (онлайн-словари, поисковые системы перевода, форумы переводчиков). В ходе обучения работы с CAT-системами, будущие специалисты получают навык поиска терминологии и информации практически в каждом задании по переводу. Кроме того, помимо методов поиска, студенты знакомятся с надежными терминологическими и информационными ресурсами (общие и специализированные словари, форумы переводчиков и экспертов – например, Linguee, Proz.com). Особое внимание также уделяется заданиям по составлению глоссариев (Excel, Google Docs Spreadsheet) и

разработке и управлению терминологической базой (SmartCAT). Наконец, студенты осваивают более «продвинутые» функции CAT-инструментов и учатся облегчать и ускорять процесс перевода, используя функции выравнивания и извлечения терминов (SmartCAT). Например, одним из заданий является перевод аутентичного контракта на основе ранее переведенных документов. Студенты получают три документа: первый документ (исходный текст), его перевод (целевой текст – переведенный без использования CAT-инструмента) и новую версию контракта для перевода (которая немного отличается от первой версии). Студенты согласовывают исходный документ с его переводом с помощью функций выравнивания строк, а затем загружают согласованные документы в память переводов и на этой основе переводят новую версию контракта.

Ввиду своей особой природы обучение устному переводу не так сильно зависит от использования CAT-инструментов. Тем не менее, обучение устному переводу требует современного подхода и использования Интернета и ИКТ в качестве инструментов, поддерживающих развитие студентов в выбранных аспектах навыков устного перевода, включая когнитивные и психологические аспекты.

Прежде всего, неотъемлемой частью занятий во время курса устного перевода является использование лингафонных классов Sapako, которые позволяют преподавателю прослушивать перевод каждого студента, озвучиваемый им в свой собственный микрофон. Более того, это программное обеспечение помогает организовать студентов в пары, благодаря чему они могут контролировать друг друга, обращать внимание на ошибки и комментировать выполнение заданий по устному переводу. Система также облегчает общение между преподавателем и обучающимися, поскольку преподаватель может индивидуально комментировать работу студента, не прерывая других студентов.

При подготовке студентов к последовательному и синхронному переводу, хорошо себя зарекомендовали ресурсы, доступные на различных веб-сайтах (YouTube, TED, BBC, CNN). Благодаря аутентичности материалов студенты имеют возможность практиковать перевод реальных речей и новостей, делая заметки, а затем предоставляя результат на целевом языке.

Навыки публичных выступлений также важны в профессии устного переводчика, и согласно учебной программе курса их также необходимо практиковать. Это делается на основе различных упражнений, доступных, в частности, на сайте ORCIT (онлайн-ресурс для обучения устному переводу на конференциях (<http://www.orcit.eu/>)). Контроль за качеством выполнения устного перевода также может осуществляться при помощи лингафонного класса Sanako, который позволяет преподавателю контролировать подачу речи студентами, слушая через гарнитуру их перевод. Большую помощь в подготовке будущих переводчиков оказывают различные веб-сайты, предлагающие аутентичные речи, среди которых необходимо выделить следующие. Первый – Speechpool, который представляет собой онлайн-базу речей для практики различных режимов устного перевода (в создании Speechpool участвовал Эндрю Джиллис, автор нескольких книг по устному переводу с использованием записей). Еще одной полезной коллекцией речей является Репозиторий речей (Speech Repository), разработанный и поддерживаемый переводческим отделом Европейской комиссии по устному переводу (speech-repository.webcloud.ec.europa.eu). В этом репозитории представлено множество реальных речей, озвученных в различных учреждениях Европейского союза или национальных организациях. Важно то, что речи адаптированы к потребностям студентов. В частности, коллекция содержит речи для разных режимов устного перевода на 24 официальных языках Европейского союза и нескольких других языках и разных уровнях владения языком. Таким образом, их можно использовать в качестве текстов на исходных языках на разных этапах обучения устному переводу (т. е. от самых простых речей к более сложным).

Компьютерные программы и ИКТ также полезны для развития когнитивных навыков. Например, в ходе курса обучающиеся знакомятся с практикой памяти, играя в онлайн-игры на развитие памяти (например, Lumosity, www.memozor.com). Практика логического рассуждения также осуществляется в форме онлайн-игр (например, www.pomindcake.com), как и практика концентрации внимания (например, www.pomindcake.com, www.brainspade.com). Эти игры могут помочь студентам практиковать определенные когнитивные и психологические

навыки (например, управление стрессом во время ограниченной по времени игры). Некоторые студенты после ознакомления с этими играми на занятиях продолжают играть и дома, и в личном общении подчеркивают, что, например, их концентрация и внимательность значительно улучшились.

ИКТ-технологии и ИИ можно использовать для первоначальной оценки качества переводов обучающихся на основе существующих моделей или показателей оценки качества перевода (таких как DQF, MQM, BLEU и т. д.). Впоследствии преподаватель, используя полученные результаты, проводит ручной анализ и профессиональную оценку, чтобы обобщить общие проблемы и предоставить учащимся целевые рекомендации по восполнению пробелов в практике перевода.

Помимо этого, технология искусственного интеллекта использует алгоритмы обработки естественного языка и машинного обучения для быстрого и точного выполнения задач перевода, сокращая количество ошибок, вызванных человеческим фактором. По сравнению с традиционными методами перевода, перевод с использованием искусственного интеллекта более объективен и точен, и не ограничен собственным уровнем владения языком и профессиональными знаниями переводчика. Это особенно важно при работе со сложными профессиональными текстами для обеспечения точности и последовательности перевода.

Также необходимо отметить, технология искусственного интеллекта также может обеспечивать семантическое понимание и семантическое сопоставление текста оригинала и текста перевода в режиме реального времени, чтобы помочь студентам лучше понять исходный текст и повысить качество перевода. Благодаря глубокому обучению и обработке естественного языка ИИ может понимать контекст, улавливать нюансы языка и даже понимать культурный контекст, чтобы точнее передавать смысл исходного текста. Это не только повышает точность перевода, но и помогает развивать у студентов способность к межкультурному общению.

Так, технология ИИ обеспечивает персонализированную поддержку обучения в ходе практических занятий по переводу благодаря интеллектуальному анализу привычек и уровней обучения студентов.

Кроме того, преподаватели, знакомя студентов с материалами на разных языках и в разных культурах, помогают им лучше понимать языковые выражения в разных культурных контекстах, тем самым повышая их способность к межкультурному общению. Этот метод обучения может не только повысить уровень владения языком студентов, но и развить их способность к межкультурному общению.

Например, использование инструментов перевода на основе ИИ помогает студентам в изучении иностранных языков. Получая практический опыт, студенты могут лучше овладеть языковыми навыками и улучшить способность к использованию языка в различных ситуациях.

Однако, хотя применение ИИ на занятиях по переводу приносит много удобства, есть и некоторые проблемы. Например, как обеспечить точность и беглость перевода, как справиться с культурными различиями и выражениями, характерными для конкретного языка. Поэтому, когда преподаватели используют обучение с помощью ИКТ и ИИ, им необходимо разумно использовать эти инструменты и комбинировать их с традиционными методами обучения для достижения лучших результатов.

Подводя итог можно сказать, что с непрерывным прогрессом технологий и расширением областей применения у нас есть основания полагать, что искусственный интеллект и ИКТ будут играть все более важную роль в сфере образования, принося больше удобства и инноваций в наше обучение и образование.

Заключение

Внедрение различных технологических инноваций, трансформация социальных моделей поведения, возросшая мобильность и спрос на письменные и устные переводы в глобализованном мире требуют изменения подходов в подготовке будущих специалистов в области письменного и устного перевода.

Современные ИКТ-технологии и ИИ предоставляют больший выбор современным письменным и устным переводчикам при рекламировании своих услуг и налаживании связей с заказчиками, коллегами и т. д. Помимо этого, использование высокотехнологических инструментов часто приводит к

уменьшению доходов, поскольку многие заказчики полагают, что активное использование систем машинного перевода в их работе снижает ценность профессии, а развитие и совершенствование САТ-систем устного перевода вообще вызывает вопросы о необходимости профессии устного переводчика.

Учитывая множество проблем, связанных с устным переводом с использованием ИКТ, устные переводчики и пользователи услуг устного перевода должны быть обучены работе в ситуациях удаленного перевода или перевода в режиме телеконференций. Объем необходимого обучения еще не ясен, но недавние исследования в области законодательства показывают, что краткосрочное обучение может не решить всех проблем (Braun, 2016; Braun, 2013; Moser-Mercer, 2003).

Очевидно, что современная индустрия письменного и устного перевода не может нормально функционировать и предлагать высококачественные услуги без использования компьютеров, Интернета и современных технологий. Обычно считается, что Интернет и САТ-инструменты облегчают процесс перевода, делают его более эффективным и управляемым и помогают переводчикам выполнять переводы достойного качества в относительно быстром темпе. Поэтому грамотное использование технологий перевода стало обязательным условием для всех, кто хочет присоединиться к профессии переводчика. Грамотность в САТ-инструментах, по видимому, увеличивает шансы переводчиков найти работу, поскольку все больше и больше бюро переводов передают работу на аутсорсинг переводчикам или менеджерам проектов при условии, что они умеют пользоваться определенными САТ-инструментами.

Как утверждается выше, САТ-инструменты, программное обеспечение и интернет-ресурсы могут использоваться для развития компетенций как письменных, так и устных переводчиков. Степень, в которой САТ-инструменты ускоряют процесс перевода, может зависеть от различных факторов, однако потребуются дальнейшие исследования того, как включение САТ-инструментов в обучение переводчиков влияет на развитие компетенций переводчиков.

Более того, в эпоху жесткой конкуренции практически во всех сферах деловой активности высшие учебные заведения,

предлагающие обучение переводу, имеют конкурентное преимущество, если они предлагают курсы по САТ-инструментам, а их курсы по переводу опираются на использование ИКТ. Они не только привлекательны для будущих студентов, которые в настоящее время, похоже, выбирают свое высшее образование более осознанно, также обращая внимание на возможности, которыми располагает данный университет, но и предлагают возможность приобрести незаменимые практические навыки, которые соответствуют реалиям рынка. Действительно, знакомство с САТ-инструментами в настоящее время является требованием рынка переводов, поскольку эти инструменты могут ускорить процесс перевода и сделать его более эффективным с точки зрения терминологической согласованности и управления терминологией. Скорость перевода важна, поскольку сектор услуг по переводу, как и практически каждый сегмент бизнеса, работает по принципу «время — деньги». Вот почему мы считаем, что внедрение САТ-инструментов и ИКТ в обучение переводу очень желательно и полезно. Это позволяет надеяться, что такой подход к образованию переводчиков поможет им развить многогранные навыки и знания, и благодаря этому они смогут лучше реагировать на потребности сектора перевода.

Использование современных технологий также делает обучение устному переводу более ориентированным на рынок, поскольку весь сектор услуг устного перевода в значительной степени зависит от использования ИКТ. Таким образом, полагаем, что знакомство будущих переводчиков с последними разработками в сфере переводческих услуг и использование на занятиях доступных и эффективных инструментов САТ и ИКТ будет способствовать более развитой профессиональной подготовке студентов и их успешной карьере в этой сфере.

В будущем применение искусственного интеллекта на занятиях по практическому овладению устным и письменным переводом станет более обширным и глубоким. С непрерывным прогрессом технологий функция интеллектуальных инструментов перевода станет более совершенной, а точность и беглость перевода будут значительно улучшены. В то же время, с улучшением информатизации и интернационализации образования интеллектуальные инструменты перевода будут применяться и

продвигаться в большем количестве сценариев. Будущие исследования и разработки должны быть сосредоточены на глубокой интеграции искусственного интеллекта и образования, а также содействовать цифровой трансформации и инновационному развитию образования.

Литература

1. Улиткин И. А. Автоматическая оценка качества машинного перевода научного текста: 5 лет спустя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 1. – С. 47–59.
2. Гришечко Е. Г. Оптимизация обучения иностранным языкам с использованием подкастов: анализ обратной связи и практического применения // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков». – Ростов-на-Дону: Академ-Лит, 2023. – С. 69-72. EDN: DJONAB
3. Гришечко Е. Г. Анализ потенциала нейросети Fusion Brain как инструмента визуализации обучающих материалов // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения. – М.: РУДН, 2024. – С. 345-347. EDN: IFBISV
4. Малюга Е. Н. Взаимовлияние деловой коммуникации и межкультурного делового дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 84. – С. 147-155. EDN: JVVLOH
5. Малюга Е. Н. Лингвопрагматические аспекты делового интервью // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2010. – № 4. – С. 127-131. EDN: NBVRDT
6. Малюга Е. Н. Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестник томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 58. – С. 52-70. <https://doi.org/10.17223/19986645/58/4>
7. Петросян Г.О., Гришечко Е.Г. Интеграция лингвистических и дидактических подходов в процессе овладения иностранным

языком // Успехи гуманитарных наук. – 2020. – №11. – С. 125-131.
EDN: BCITZI

8. Bi S. Intelligent system for English translation using automated knowledge base // J. Intell. Fuzzy Syst. – 2020. 39 (5). – Pp. 1-10. – DOI:10.3233/JIFS-179991

9. Braun S. Keep Your Distance? Remote Interpreting in Legal Proceedings: A Critical Assessment of a Growing Practice // Interpreting. – 2013. – Vol. 15 (2). – Pp. 200-228. – DOI:10.1075/intp.15.2.03bra

10. Braun S. What a Micro-Analytical Investigation of Additions and Expansions in Remote Interpreting Can Tell us About Interpreter's Participation in a Shared Virtual Space // Journal of Pragmatics. – 2016. – Vol. 107. – Pp. 165–177. – DOI:10.1016/j.pragma.2016.09.011

11. Cho E., Fugen Ch., Hermann T., Kilgour K., et al. A Real-World System for Simultaneous Translation of German Lectures // Annual Conference of the International Speech Communication Association (InterSpeech). Lyon, France, 2013. – Pp. 3473– 3477.

12. Howe J. The Rise of Crowdsourcing // WIRED, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wired.com/2006/06/crowds/> (дата обращения: 16.11.2024).

13. Joyce P. L2 vocabulary learning and testing: the use of L1 translation versus L2 definition // Lang. Learn. J. – 2028. – 46 (3). – Pp. 217-227. – DOI:10.1080/09571736.2015.1028088

14. Kelly N. Telephone Interpreting: A Comprehensive Guide to the Profession. Clevedon: Trafford Publishing, 2008. – 302 p.

15. Moser-Mercer B. Remote Interpreting: Assessment of Human Factors and Performance Parameters (2003) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aiic.org/document/516/AIICWebzine_Summer2003_3_MOSER

-
MERCER_Remote_interpreting_Assessment_of_human_factors_and_performance_parameters_Original.pdf (дата обращения: 16.11.2024).

16. O'Brien S., Balling L.W., Carl M., Simard M., Specia L. Post-editing of Machine Translation: Processes and Applications. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. – 335 p.

17. Sun Z., Anbarasan M., Praveen Kumar D. Design of online intelligent English teaching platform based on artificial intelligence

techniques // *Comput. Intell.* – 2021. – 37 (3). – Pp. 1166-1180. – DOI:[10.1111/coin.12351](https://doi.org/10.1111/coin.12351)

18. Wahlster W. *Verbmobil: Foundations of Speech-to-Speech Translation*. Berlin: Springer, 2000. – 677 p.

19. Waibel A., Kai-Fu L. *Readings in Speech Recognition*. San Mateo, CA: Morgan Kaufmann Publishers, 1990. – 680 p.

20. Wang H., Liu S. Smart Translation Education: Concept, Pathways and Prospects // *Shanghai Journal of Translators*. – 2023. – 38 (3). – Pp. 47-51.

21. Xiao M., Yi H. Building an efficient artificial intelligence model for personalized training in colleges and universities // *Comput. Appl. Eng. Educ.* – 2021. – 29 (2). – Pp. 350-358.

References

Bi, S. (2020). Intelligent system for English translation using automated knowledge base. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*, 39 (5), 1-10. DOI:[10.3233/JIFS-179991](https://doi.org/10.3233/JIFS-179991)

Braun, S. (2013). Keep Your Distance? Remote Interpreting in Legal Proceedings: A Critical Assessment of a Growing Practice. *Interpreting*, 15 (2), 200-228. DOI:[10.1075/intp.15.2.03bra](https://doi.org/10.1075/intp.15.2.03bra)

Braun, S. (2016). What a Micro-Analytical Investigation of Additions and Expansions in Remote Interpreting Can Tell us About Interpreter's Participation in a Shared Virtual Space. *Journal of Pragmatics*, 107, 165–177. DOI:[10.1016/j.pragma.2016.09.011](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2016.09.011)

Cho, E., Fugen, Ch., Hermann, T., Kilgour K., et al. (2013). A Real-World System for Simultaneous Translation of German Lectures. *Annual Conference of the International Speech Communication Association (InterSpeech)* (pp. 3473– 3477). Lyon, France.

Grishechko, E. G. (2023, April 7). Enhancing language learning with podcasts: Evidence from feedback and practice. In *Proceedings of the 2nd Pan-Russian Research and Practical Conference Topical Issues of Intercultural Communication and Foreign Language Teaching Methodology* (pp. 69-72). Akadem-Lit. EDN: DJONAB

Grishechko, E. G. (2024). Analysis of the potential of the Fusion Brain neural network as a tool for visualizing training materials. In *Proceedings of the 11th International Research and Practical Conference Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in*

- Business and Professional Communication* (pp. 345-347). RUDN University. EDN: IFBISV
- Howe, J. (2006). The Rise of Crowdsourcing. *WIRED*. Retrieved from: <https://www.wired.com/2006/06/crowds/>
- Joyce, P. (2018). L2 vocabulary learning and testing: the use of L1 translation versus L2 definition. *Lang. Learn. J.*, 46 (3), 217-227. DOI:10.1080/09571736.2015.1028088
- Kelly, N. (2008). *Telephone Interpreting: A Comprehensive Guide to the Profession*. Clevedon: Trafford Publishing.
- Malyuga, E. N. (2008). The interaction of business communication and intercultural business discourse. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 84, 147-155. EDN: JVVLOH
- Malyuga, E. N. (2010). Linguopragmatic aspects of business interview. *Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, 4, 127-131. EDN: NBVRDT
- Malyuga, E. N. (2019). Emergent trends in English scientific discourse: Issues of research relevance and linguistic identity. *Tomsk State University Journal of Philology*, 58, 52-70. <https://doi.org/10.17223/19986645/58/4>
- Moser-Mercer, B. (2003). *Remote Interpreting: Assessment of Human Factors and Performance Parameters*. Retrieved from: https://aiic.org/document/516/AIICWebzine_Summer2003_3_MOSER-MERCER_Remote_interpreting_Assessment_of_human_factors_and_performance_parameters_Original.pdf
- O'Brien, S., Balling, L.W., Carl, M., Simard, M., & Specia, L. (2014). *Post-editing of Machine Translation: Processes and Applications*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Petrosyan, G. O., & Grishechko, E. G. (2020). Integration of linguistic and didactic approaches in the process of foreign language mastering. *Modern Humanities Success*, 11, 125-131. EDN: BCITZI
- Sun, Z., Anbarasan, M., & Praveen Kumar, D. (2021). Design of online intelligent English teaching platform based on artificial intelligence techniques. *Comput. Intell.*, 37 (3), 1166-1180. DOI:10.1111/coin.12351
- Ulitkin, I.A. (2022). Avtomaticheskaya ocenka kachestva mashinnogo perevoda nauchnogo teksta: 5 let spustya [Automatic evaluation of

- machine translation quality of a scientific text: five years later]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 47–59. (in Russian).
- Wahlster, W. (2000). *Verbmobil: Foundations of Speech-to-Speech Translation*. Berlin: Springer.
- Waibel, A., & Kai-Fu, L. (1990). *Readings in Speech Recognition*. San Mateo, CA: Morgan Kaufmann Publishers.
- Wang, H., & Liu, S. (2023). Smart Translation Education: Concept, Pathways and Prospects. *Shanghai Journal of Translators*, 38 (3), 47-51.
- Xiao, M., & Yi, H. (2021). Building an efficient artificial intelligence model for personalized training in colleges and universities. *Comput. Appl. Eng. Educ.*, 29 (2), 350-358.

УДК 37.01

<https://doi.org/10.25076/vpl.56.06>

Т. Линакер⁶

Королевский колледж Лондона

**«ВИНОВАТОЕ ЛИЦО» – МЕНЕДЖЕРЫ СРЕДНЕГО ЗВЕНА
РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИДЕРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУЛЬТУРНОГО
ГЕНДЕРНОГО ТИПА**

Учебные учреждения Великобритании по программам обучения языкам (IWLP) сталкиваются с экзистенциальной угрозой из-за уникального позиционирования как внутри, так и за пределами университетской структуры, отсутствия финансирования и проблем с набором студентов, вызванных общим снижением уровня изучения языка в школах и выбора дополнительных языковых модулей для студентов. В этом контексте русский язык,

⁶ © Линакер Т. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

классифицируемый как «менее распространенный для обучения» язык, становится особенно уязвимым вследствие дополнительного геополитического давления, влияющего на мотивацию студентов и сотрудников. В этом исследовании рассматривается проблемный опыт лидерства менеджеров среднего звена русского происхождения и подчеркиваются способы, с помощью которых они сопротивляются или приспосабливаются к глобальным общественным дискурсам через пересечение личного и профессионального компонентов. Используя метод нарративного опроса и позиционного анализа данных, полученных в результате неструктурированных интервью с пятью участниками, исследование вносит уникальный вклад в теоретическую базу исследований идентичности образовательного лидерства.

Ключевые слова: организационная культура, обзор учебной программы, среднее звено управления в образовании, образовательное лидерство, нарративная и дилемматическая идентичность

УДК 37.01

<https://doi.org/10.25076/vpl.56.06>

T. Linaker

King's College London

**“GUILTY FACE” – MIDDLE MANAGERS OF RUSSIAN
ORIGIN IN UK UNIVERSITIES AND PROBLEMATIC
CULTURAL GENDERED LEADERSHIP IDENTITY
CONSTRUCTION**

The UK Institution Wide Language Programmes (IWLPs) face existential threat due to their unique positioning both within and outside the University structure, due to lack of funding provision and challenges with students' recruitment due to the general decline of language learning at schools and optional language module choices for students. In this context Russian, categorised as a “less commonly taught” language, become particularly vulnerable due to addition geopolitical pressure, affecting students' and staff motivation. This study explores problematic leadership experience of middle managers of Russian origin and highlights the ways they resist or conform to global societal

discourses through the intersectional of personal and professional. By adopting the method of narrative inquiry and positioning analysis of data emerging from unstructured interviews with five participants, the study makes a unique contribution to the body of research on educational leadership identity.

Keywords: organisational culture, curriculum review, middle management in education, educational leadership, narrative and dilemmatic identity

Introduction

This study investigates problematic leadership experience and gendered identity construction of middle managers of Russian-speaking backgrounds in the context of UK Universities' Institute Wide Language Programmes (IWLP). Although there have been several studies investigating UK Universities IWLPs' teaching and learning processes, programme design limitations, students' dropout rates, and staff training needs (Carson, 2010) there have been no specific studies of IWLP's leadership experience.

Similarly, there was a substantial body of research into problematic female leadership experience in UK Higher Education (Fletcher, 2004; Northouse, 2016; Morley, 2013). However, there has been no investigation of the educational leadership development of female leaders from a culturally and ethnically diverse background at middle management level unable to progress to senior leadership positions.

The aim of this study is to address the gap in the knowledge of ethnically and culturally diverse leadership identity construction by examining the women's narratives. The study makes a scholarship contribution to methodology through the application of positioning analysis of the dilemmatic identity. Set in the context of small stories as a site of identity construction, the study observes how the identity shifts from being different and remaining the same, belonging to the community and being unique, becoming agentive, yet constructed by external discourse (Bamberg, 2011).

The study addresses the following research question:

- How is female leadership identity constructed in the culturally diverse context of the Institute Wide Language Programmes of UK Universities?

This question leads to two sub-questions:

- How is leadership experienced through interaction between professional discourses of institutional change and curriculum review and personal discourses of gender, culture, and ethnicity?
- How do the participants' identities shift from dilemmatic to agentic when resisting or aligning with dominant societal discourses?

By answering these questions, we reveal the barriers to leadership development and the transformative aspect of cultural gendered leadership identity construction through narrative in interaction.

Study background

The study is set within the context of the Institution-Wide Language programmes (IWLP), represented by a community of over 70 members under the umbrella of AULC (Association of University Language Communities), UCML (University Council of Modern Languages) and HEA (Higher Education Academy).

The IWLPs offer courses in a variety of languages to students on non-language degree programmes in any faculty or additional language provision to students on language degree programmes. The programme faces several challenges due to its unique positioning outside the traditional departmental framework, leading to the institutional identities being unstable and hybrid while being both academic and non-academic, service-providing entities. The funding structure of the programme is problematic due to its dependency on both internal and external factors, making the programme financially vulnerable, and affecting teachers' job security.

The educational leaders of Russian-speaking teams face specific challenges brought about by the shifting political landscape in the countries where the language is spoken and the different social, political, cultural and ideological relationships between those countries and the UK. The nature of these relationships has influenced all aspects of educational leadership: from student and staff recruitment to curriculum design and staff development.

Following sanctions, some UK Universities have severed ties with Russian Universities (Burakovsky, 2022) and discontinued students' exchanges, negatively impacting the quality of Russian courses. Despite the calls for maintaining academic collaboration (Fazackerley, 2022), and government advice against a blanket boycott of academic

partnerships, educational leaders face the challenge of negative students' motivation and Russo-phobic tendencies towards the Russian language.

IWLPs will only remain viable if they continue to offer a variety of languages, particularly those not taught by the Language Departments, putting an emphasis on the so-called "less taught languages" (Bernhardt, 2007), which include Russian, ensuring access to courses for students with or without prior language ability, responding to fluctuating demands for these languages and confirming their place within the University structure. Thus, the research into UK Universities' IWLP is timely and significant, as it aims to bring about policy changes to ensure the programme's sustainability and progress.

Literature review

This study is framed by three interrelated concepts – educational leadership, leadership experience through curriculum review, and identity construction. The review of the relevant theoretical and empirical literature below identifies the gap in the knowledge of cultural/gendered/ethnic intersectionality in the context of educational leadership and identity construction.

Educational Leadership

The theory of educational leadership views leaders as emergent agents (Kempster, 2006) initiating change, being inspirational, motivational and innovative (Kitchin & O'Connor, 2015). Post-heroic scholarship is foregrounded in the interaction between leadership and gender, attributing significance to less masculine (Billing & Alvesson, 2000), more relational, collaborative, distributed and shared leadership (Fletcher, 2004).

This study draws on the scholarship of female gendered identity construction in higher education, exploring, in particular, the barriers to women's success, lack of job security, gender bias and misrecognition of competencies, unsustainable work/life balance and unmanageable workloads (Woodward, 2007) putting women between two "greedy organisations" – their careers and personal lives (Morley, 2013).

This study also contributes to the current research in middle leadership in education (Netolicky, 2021). This area is still novel and needs further investigation of specific educational contexts.

Leadership contextualised by Russian culture

This study draws on the cultural experience of female leaders of Russian origin in the UK educational context. Russian female

educational leaders encounter issues with leadership self-doubt and traditional gender roles assigned by Russian society.

Some of them struggle with developing new forms of agency (Lezhnina, 2014), while experiencing a problematic relationship with gender performativity and leadership within essentialist power structures (Zherebkina, 2003). Additionally, they are being confronted by the Soviet gender paradox – labour equality without domestic equality, and a range of societal discourses from traditional patriarchal to egalitarian (Ashwin & Isupova, 2018).

There is a gap in the knowledge of identity construction of educational leaders who come from countries with traditional patriarchal gender ideologies experiencing leadership within the context of UK Higher education.

Leadership experience in the context of curriculum decolonisation

The socio-political and cultural factors affecting leadership identity of Russian educational leaders go hand in hand with the challenges of curriculum decolonisation in response to the Eurocentric and globalising power structure in Higher Education (Fomunyan, 2019). Despite decolonising becoming the main educational trend (Winter et al., 2024), there is a significant knowledge gap in the challenges faced by the educational leadership in Russian curriculum review.

While there is a colonial history embedded, for example, in the Arabic curriculum, the concept of decolonising the Russian curriculum is not universally accepted due to contradictory views of Russian colonialism among Russian scholars. Some believe that Russia has not yet reached the postcolonial moment (Adams, 2008), while others refer to Russian internal colonisation as a socio-political practice dating back to imperial times (Etkind et al., 2012).

Decolonising the Russian curriculum is also problematised by the perceived historical racial exceptionalism of inter-ethnic relations without racial prejudices and discrimination (Bulatova & Glukhov, 2018). However, despite the general denial of the existence of racism within the diversity of ethnicities, nationalities, religious affiliations and cultures, there is an emergence of research into prejudice and discrimination against people of non-Slavic appearance (Yusupova, 2021).

The more nuanced positioning suggests the problematic issue of post-Soviet integration of ethnic minorities' languages and cultures into the educational system, while at the same time increasing the centralised role of Russian as the language of Higher Education (Nasibullov & Kopylova, 2022).

This study explores how educational leaders' identities are shaped by the decolonising discourse and the need to challenge the existing status quo of the curriculum, fostering intercultural awareness for the students (Shardakova & Pavlenko, 2004) and elevating minority voices while attempting to separate politics from language and culture and maintaining professional links with Russian based colleagues.

The investigation also reveals how the leaders navigate curriculum review within the tension between the Western scholars' ontological positioning on the Russian postcolonial situation, Russian scholars' view of the decolonising process (Entin et al., 2019), Russo-phobic tendencies (Lieven, 2000) and the participants' own diverse positionings embedded in their individual cultural, educational, and ethnic backgrounds.

Identity theory

This study explores educational identities open to multiple interpretations within a post-structural framework. It analyses the way the gendered cultural leadership identity is negotiated and interacts with the dominant discourses of leadership, culture, gender and ethnicity (Ford, 2006).

This research is foregrounded in intersectionality (Showunmi, 2020) and the narrative approach to identity. The identity is viewed as a discursive construct, interactively fluid (Bucholtz & Hall, 2022) and shaped by culture and language (Archakis & Tsakona, 2012).

Methodology

The research adopts the post-structuralist framework with the researcher's agentic involvement in the selection of methodology, sampling, data analysis and interpretation, aiming to achieve policy-changing results and contributing to the Feminist Post Structuralist discourse on leadership identity in higher education (Baxter, 2008). By acknowledging my subjectivity, I remained reflexive and contextual at all stages of inquiry.

I used the narrative inquiry method (Barkhuizen 2017), as it allowed me to focus on the details of individual lives and make meaning of the participants' experience. Within the bigger narratives, I identified small

stories as the most productive sites for identity work, illuminating the most salient and memorable life experiences (Davies & Harre, 1990).

The participants constructed their identities against societal discourses highlighting the dilemmatic and agentive aspects, by making implicit and explicit claims (Bamberg, 2011) through interaction between the researcher and the researched (Georgakopoulou, 2007).

Sampling

The sample consists of five women of Russian-speaking origin, working as middle managers within the IWLPs in UK Universities.

The main characteristics all participants have in common are – they come from Russian-speaking countries, are educated to postgraduate level, have been teaching in UK Universities for at least 10 years, have or have had caregiving responsibilities and hold leadership positions at the level of middle managers.

Data Collection

The unstructured interviews lasting between one to two hours began with a narrative-inducing question — participants were asked to talk about their careers. The interviews were recorded via Microsoft Teams, transcribed, and read several times to establish iterative links between the empirical data and theory through data immersion.

Following uninterrupted storytelling, I then asked certain clarifying questions to elicit further meanings at the second positioning level – in relation to the interviewer. The interviews were conducted in Russian to ensure the most natural data-generating setting and intimate, confidence-inducing atmosphere. They were then translated into English for the benefit of non-Russian-speaking readership.

To preserve the participants' anonymity, all participants have been given pseudonyms and any possible identifiable data have been either changed or removed to ensure full data protection.

Analytical framework

The analysis of data included thematic coding, categorization, narrative and positioning analysis, structured around small stories, which are discursively embedded in the narrative. The fine-grained textual analysis was presented at three levels drawing on naturally occurring data-generating identity acts (Bamberg & Georgakopoulou, 2008).

At the first level, I explored how the characters are positioned within the story world, and how events are reconstructed by the narrator. At this stage, I also drew on the narrative elements of Labov and Waletzky's

(1997) model, which included abstract, orientation, complicating action, resolution, evaluation and coda.

At the second level, I co-constructed the participants' identity by interrogating hidden meanings and ambiguous experiences. By analysing how the participants constructed their identities in relation to the story actors and to the interviewer, I observed their positioning against wider societal discourses at the third level of analysis.

Applying positioning analysis to small stories of identity construction makes a unique methodological contribution to educational leadership context.

Interview

For reasons of space and to demonstrate the detailed analysis undertaken, I have selected one interview, which best represents the overarching themes all narratives have in common. However, the discussion section will use the data from all five interviews to outline the positioning of the participants and answer the research questions.

Lena Positioning level 1 – against the story actors
Theme: leadership identity construction against the discourse of organisational culture.

Lena begins with an abstract, positioning herself as a hybrid professional.

I don't work in any god-forsaken former Polytechnique. My position is unusual and rare – I sit on two chairs – on the one hand, I coordinate Russian as part of IWLP, on the other hand, I have a position in the Slavic department. I had worked at the Slavic department for a long time without a proper contract, as an hourly paid teacher. I have received the permanent contract only with the IWLP.

She uses the colloquial “god-forsaken former Polytechnique” pejoratively to contrast with her “rare” role and to highlight her elevated professional status. At the same time, the mention of the contractual differences in her role – hourly paid versus permanent – reveals a certain level of job insecurity. Thus, she displays a dilemmatic identity, claiming prestige and role insecurity/hybridity (*sitting on two chairs*) at the same time.

Although proud of her achievements – “*I have reached the top of my position*”, despite the long years of service, she “*cannot go any further*” and does not feel that she “*belongs to the club*”:

We have an old boys' network. Only rarely do people who do not belong to the club reach top positions. Those who do, they normally come from another Anglo-Saxon community, mostly from the USA. Although there is no glass ceiling on paper. If I were younger and more ambitious, this would have been difficult – too much bureaucracy, too many forms to fill in, too much beating the drum and blowing your own trumpet and telling everyone how wonderful you are.

Thus, she positions herself as an outsider within the community, claiming she is outside group national identity – not being of Anglo-Saxon origin. Although there is no “*glass ceiling on paper*” or in theory, she has nevertheless encountered it in practice, being constrained by her age and perceived lack of ambition. The use of metaphors “*beating the drum*” and “*blowing the trumpet*” reinforce her positioning as dilemmatic and non-agentive against the discourse of organisational culture.

The complicating action falls on the most significant event in her career related to the change in political climate:

Since 2022 our life has changed radically, we became the teachers of the language of an aggressor. On paper, there is no cancel culture, but I can honestly say, that undoubtedly, where I work Russian culture is being cancelled. For the three of us, this is very, very difficult. There is also a ban on any educational initiatives because the university cut off all ties with Russian colleagues for all universities in the Russian Federation, which did not denounce the war. So, what happened does not diminish the achievements of Russian culture, which are well known. This has had an impact on our activities – we had conferences and seminars, but now everything has died out.

She constructs an in-group professional identity by using the collective “*we*”, “*the teachers of the language of an aggressor*”, and “*the three of us*”, claiming the labels assigned to her and her colleagues as part of critical and hostile positioning by the university. She is dilemmatic in her positioning – remaining part of the organisation, yet, not upholding the organisational values – “*Where I work Russian culture is being cancelled*”. Her identity regulation is conveyed as “*very, very difficult*”.

Her academic, teaching and leadership identities are overpowered by the lack of academic freedom, students' motivation, limited teaching resources and the hostile working environment.

When the 22/23 academic year started, I felt physically drained and tormented about teaching. I did not know what to say, I wanted to ask them – why are you here? I struggled with getting access to materials, most sites were blocked. It was very hard because the general “party line” of my university is “Russian is rubbish” and we can only accept anything starting with an “r” under the sauce of the imperialist past, which needs to be disposed of.

Her emotional labour and identity struggle are revealed through the use of keywords, “tormented”, “drained”, and “very hard”. The reference to the “party line” implies her critical stance against the university’s authoritarian ideology, reinforced by the metaphorical use of “sauce” in relation to the “imperialist past” for ironic effect.

To further exemplify what she calls the “radicalisation” of the university policy towards Russia she tells the story of a senior and well-respected colleague, who is now retired.

He was well regarded in both Russia and the UK, as his area of expertise was unique and his research well-publicised. He loved Russia with all his heart. He was invited to read a series of open lectures on medieval Russia to mark his retirement. But every time he started to speak the audience began to boo him. The most horrible thing was that even those who considered this behaviour abhorrent and inappropriate were sitting with their mouths shut and did not utter a word. It was painful and absurd.

The audience is positioned in two distinct ways – aggressive – those who “boo” the professor and passive – those who kept silent and allowed the booing. Her criticism of both is conveyed through the use of emotive adjectives – “abhorrent”, “painful”, and “absurd”.

The story’s resolution is slightly optimistic – she is encouraged by the fact that, unlike her role at the Slavic department, the IWLP is not so radicalised, causing her less stress and identity regulation.

**Positioning level 2 – in the here-and-now of the interaction.
Theme – leadership experience through curriculum review.**

I interrogate Lena’s positioning further with regards to curriculum change. She is dismissive of the university policy of curriculum decolonising and views it as another restriction of academic freedom.

We had the whole series of...What was it called? I want to say demilitarisation, no – decolonisation. Yes, exactly, decolonisation of Slavic studies. Nobody knows what it is. But it sounds like a fad, being

promoted on all platforms. I stopped participating in those seminars. I even cancelled my subscription to all their newsletters. I feel as if I am forced to endure penance for something I have not done. I found it rather tiring to wear this guilty face at all times. And this is particularly hard here in the Anglo-Saxon world. My colleagues teaching Russian in France, do not feel the same pressure. They do not have this overwhelming urge to divide everything into black and white, good and bad, and point fingers at those who need to be condemned.

By deliberately misremembering the term, claiming it to be a “fad” and “nobody knows what it is”, and stopping attending the seminars, she unsubscribes from the values of her university, taking a critical, agentic stance against it. However, the keywords “penance”, “guilty face”, “tiring”, “pressure”, and “condemn” suggest that she experiences identity struggle and emotional labour while resisting the ideology of extreme categorisation.

Positioning level 3 – against societal discourses.

Lena positions herself as a post-heroic, pedagogically ethical leader (Northouse, 2020), whose agency is restricted by the external factors – geopolitics and institutional policies.

Her leadership experience allows her to take a critical stance against the institutional policy on cancelling Russian culture (Norris, 2023), the discourse of institutionalised silencing and “othering” of Russian colleagues (Jones, et al., 2021) and curriculum decolonising policy.

In the course of the interview Lena takes an agentic stance against the discourse of university radicalisation in the times of political change (Whitchurch, 2012), resisting the university’s values and ideology and claiming the out-of-group identity (Taifel & Turner, 1978).

Discussion

The most frequently occurring themes which can be traced across all the narratives lie in the intersection between personal and professional. However, while acknowledging the commonalities of the overarching themes, I focus on the differences in the ways these themes are reflected in each individual narrative. Here I compare the participants’ positioning by answering the research questions.

RQ1. How is female leadership identity constructed in the culturally diverse context of the Institute Wide Language Programmes of UK Universities?

All participants construct their identities against institutional discourse. They are constrained by the discourse of organisational change, which includes layers of management control, technological innovations and new role expectations (Briggs, 2007). This leads to agency limitation and role ambiguity.

While aligning themselves with the postfeminist discourse of choice (Gill, 2014), they are empowered by gendered leadership learning (Elliot & Stead, 2008). At the same time, they often experience a lack of confidence and the “glass ceiling” effect of the institutional hierarchy and control (Williams, 2014), which restricts their agency, leading to identity regulation (Alvesson & Wilmott, 2002). They perform leadership against the discourse of uncertainty about the future resulting in identity struggle and managerial role unpredictability.

The dilemmatic nature of their middle manager’s identity is invoked by the neoliberal discourse of autonomy (Gill, 2014) and the discourse of New Managerialism (Hill & Kumar, 2009). While trying to be agentive in their leadership development, they are constrained by the lack of support and unmanageable workloads (Morley, 2014), resulting in emotional labour (Iszatt-White, 2009).

As aspiring scholars, they struggle to develop their academic identity against the discourse of hierarchical managerial culture (Davies et al., 2014). Some are confronted by the discourse of academic elitism (not being invited to the club due to being a non-native speakers and not being able to use research as part of their promotion application), which leads to their academic identity loss (Hanson, 2009).

Others develop leadership against the discourse of gender inequality, obscured by the postfeminist and neoliberal discourse of choice while countering career limitations. Their narratives report gender and cultural tokenism, marginalisation and intellectual power hegemony, which create inequality against non-native speakers of English (O’Regan, 2021).

Some develop agency through situated learning against the discourse of age and gender discrimination (Redman & Snape, 2002) and “imposter syndrome” discourse (Leick & Köstner, 2024), experiencing tension between perceived and prescribed identities (Winter, 2009). At the same time, all participants resist the Russian curriculum decolonisation policy, claiming it to be ambiguous.

RQ2. How is leadership experienced through interaction between professional discourses of institutional change and curriculum review and personal discourses of gender, culture, and ethnicity?

The participants learn leadership through positive and negative female role models and stereotypes while being constrained by traditional patriarchal gender discourse in post-Soviet Russia (Ashwin, 2000).

For some learning from notable people (Kempster, 2006) and learning to trust, delegate and collaborate during a critical period in their career made their leadership experience distributed and gendered (Fletcher, 2004). While for others leadership learning is achieved through self-knowledge, rather than formal CPD (Continuing Professional Development).

For some leadership experience is problematic: they construct a hybrid identity (Whitchurch, 2008) as reluctant middle managers, who value their teaching autonomy above leadership and are anxious and insecure due to a lack of leadership skills. They struggle with the idea of distributed leadership and have a very low opinion of the colleagues they manage.

Others agentively enable their team members to develop professionally, while balancing between the roles of academic manager and managed academic (Whitchurch, 2008). As middle managers, they are often in conflict with themselves by being part of the team of teachers and performing problematic leadership roles at the same time.

All participants experience leadership through the intersection of ethnic, national and political identities. Some of them take a balanced stance against the adverse political discourse (Dadabaev, 2013), while others take a critical stance against the institutional policy of cancelling Russian culture (Norris, 2023, Melnikova & Vasilyeva, 2024), institutionalised silencing and “othering” of Russian colleagues (Jones, et al., 2021).

RQ3. How do the participants’ identities shift from dilemmatic to agentive when resisting or aligning with dominant societal discourses?

Throughout the narratives, the participants make dilemmatic identity claims of being authoritative yet anxious about their leadership; of being agentive yet reliant on external actors in their leadership development; of being part of the institution yet rejecting some of its values. By making

these claims they gradually become more agentic against the discourses of inequality, unfairness, exclusion and managerialism, proving the transformative force of identity co-construction through narrative in interaction.

Some of their alignments are contradictory – on the one hand, they claim privileged positioning to be able to enact multiple identities of being a mother, a wife, an academic, a teacher and an educational leader, on the other hand, they are constrained by the traditional gender discourse of role stereotyping.

The narratives reveal their dilemmatic positioning as outsiders, experiencing the out-of-group identity struggle, feeling excluded from the academia on the grounds of immigration and motherhood, while also being denied their national identity on the basis of ethnicity (in the case of non-ethnic Russians). However, they develop an agentic force through “*an internal coping mechanism*” which helps them overcome identity regulation. Their dilemmatic in and out-of-group identity – aspiring to be academics yet not being fully accepted – results in identity control and emotional labour (Brescoll, 2011).

As middle managers, they often shift between being agentic actors and undergoers while resisting certain organisational values and asserting themselves as outsiders within the organisation claiming the out-of-group identity. For example, Lena takes an agentic stance against the discourse of university radicalisation in times of political change (Whitchurch, 2012).

Some of their academic identities are dilemmatic – their agency being constrained by the discourse of motherhood in academia (Cotterill & Letherby, 2005) and academic misogyny (Morley, 2011).

At the same time, by taking a postfeminist position of choice, some make an identity shift from dilemmatic to agentic performing success through creativity in resisting the discourse of intellectual dominance (Lewis et al., 2017).

Conclusion

To conclude, the study reveals the barriers to the leadership experience of middle managers in IWLP by giving voice to the underrepresented non-Western European minority female educational leaders. The findings create opportunities for policy changes to advance social justice on matters of equity and fairness, thus promoting issues of educational diversity and inclusion, making Universities more

sustainable and progressive. Shedding light on the little-known area of IWLPs' leadership makes an original contribution to professional practice.

On the other hand, the study demonstrates the transformative force of the narrative in constructing a gendered cultural leadership identity by highlighting the dilemmatic agency of the participants conforming and at the same time resisting the dominant ideologies through the course of storytelling, such as the one told by Lena, revealing their positioning within differing societal discourses, using storytelling as an emancipatory tool.

The theoretical framework of the study – the interplay between leadership experience, including curriculum review through a decolonising lens and leadership identity construction through the intersection between gender, culture and ethnicity provides new theoretical insights into the subject of educational leadership.

Limitations

I acknowledge the limitation of the researcher's agency, undermined by the social context and the balance of hegemonic powers within the society. At the same time, while my privileged access to the data due to my professional status enriches my knowledge of the research context, it also re-enforces certain assumptions and biases. I recognise the problematic balance between being closely involved with the research subject and the need to mitigate my influence on data and maintain research credibility.

Литература

1. Adams L. Can we apply postcolonial theory to Central Eurasia? // *Central Eurasian Studies Review*. – 2008. – Vol. 7/1. – Pp. 1-7.
2. Alvesson M., Willmott H. Identity Regulation as Organizational Control: Producing the Appropriate Individual // *Journal of management studies*. – 2002. – Vol. 39(5). – Pp. 619-644.
3. Archakis A., Tsakona V. *The Narrative Construction of Identities in Critical Education*. – Palgrave Macmillan, 2012.
4. Ashwin S. *Gender, state, and society in Soviet and post-Soviet Russia*. – Routledge, 2000.
5. Ashwin S., Isupova O. *Anatomy of a stalled revolution: Processes of Reproduction and Change in Russian Women's Gender*

- Ideologies // *Gender & society*. – 2018. – Vol. 32(4). – Pp. 441-468.
6. Bamberg M. Who am I? Narration and its contribution to self and identity // *Theory & psychology*. – 2011. – Vol. 21(1). – Pp. 3-24.
 7. Bamberg M., Georgakopoulou A. Small stories as a new perspective in narrative and identity analysis // *Text & talk*. – 2008. – Vol. 28(3). – Pp. 377-396.
 8. Barkhuizen G. Reflections on language teacher identity research. Routledge, Taylor & Francis Group, 2017.
 9. Baxter J. A. Feminist Post-structuralist discourse analysis: a new theoretical and methodological approach? – Palgrave Macmillan. 2008. – Pp. 243-255.
 10. Bernhardt E. Foreign languages surviving and thriving in conventional university settings: Implications for less commonly taught languages. *Journal of the National Council of Less Commonly Taught Languages*. – 2007. – Vol. 4(3). – Pp. 17-28.
 11. Billing Y., Alvesson M. Questioning the Notion of Feminine Leadership: A Critical Perspective on the Gender Labelling of Leadership // *Gender, work, and organization*. – 2000. – Vol. 7(3). – Pp. 144-157. <https://doi.org/10.1111/1468-0432.00103>
 12. Billot J. The Imagined and the Real: Identifying the Tensions for Academic Identity // *Higher Education Research and Development*. – 2010. – Pp. 709–721. doi:10.1080/07294360.2010.487201.
 13. Brescoll V. L. Who Takes the Floor and Why: Gender, Power, and Volubility in Organizations // *Administrative science quarterly*. – 2011. – Vol. 56(4). – Pp. 622-641.
 14. Briggs A. R. J. Exploring Professional Identities: Middle Leadership in Further Education Colleges. *School Leadership and Management*. – 2007. – Vol. 27(5). – Pp. 471–485. doi: 10.1080/13632430701606152
 15. Bucholtz M., Hall K. Locating Identity in Language // *Language and Identities*. – Edinburgh University Press, 2022. – Pp. 18-28.
 16. Bulatova T., Glukhov A. Sostoianie mezhetnicheskikh otnoshenii v Tomske v otsenke obrazovatel'nykh migrantov // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofia. Sotsiologiya. Politologiya*. – No. 43. – 2018. – Pp. 117-124.

17. Burakovsky A. The war in Ukraine ruins Russia's academic ties with the West. *The Conversation*. – 2022. Retrieved from: <https://theconversation.com/the-war-in-ukraine-ruins-russias-academic-ties-with-the-west-180006>
18. Carson L. Innovation and autonomy in an institution-wide language programme // *Language learner autonomy: Policy, curriculum, classroom*. – 2010. – Pp. 151-170.
19. Cotterill P., Letherby G. Women in higher education: Issues and challenges // *Women's Studies International Forum*. – 2005. – Vol. 28. – No. 2-3. – Pp. 109-113.
20. Dadabaev T. Recollections of emerging hybrid ethnic identities in Soviet Central Asia: the case of Uzbekistan // *Nationalities Papers*, 2013. – Vol. 41(6). – Pp. 1026-1048.
21. Davies B., HarrÉ R. O. M. Positioning: The Discursive Production of Selves // *Journal for the theory of social behaviour*. – 1990. – Vol. 20(1). – Pp. 43-63.
22. Davis A., Jansen van Rensburg M., Venter P. 'The impact of managerialism on the strategy work of university middle managers' // *Studies in Higher Education*. – 2014. – Pp. 1–15. doi: 10.1080/03075079.2014.981518
23. Etkind A., Uffelmann D., Kukulín I. Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii. Moscow: New Literary Observer, 2012.
24. Elliott C., Stead V. Learning from Leading Women's Experience: Towards a Sociological Understanding // *Leadership*. – 2008. – Vol. 4(2). – Pp. 159-180.
25. Entin M. L., Entina E. G., Torkunova E. A. New Phase of Decolonization: From Formal Sovereignty to Real One // *Polis*. – 2019. – Vol. (1). – P.124.
26. Fazackerley A. UK universities brace for impact of sanctions against Russia // *The Guardian*. – 2022. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/education/2022/mar/04/uk-universities-impact-sanctions-russia-academemics-boycott>
27. Fletcher J. K. The paradox of postheroic leadership: An essay on gender, power, and transformational change // *The Leadership quarterly*. – 2004. – Vol. 15(5). – Pp. 647-661.
28. Fomunyam K. G. Decolonising Higher Education in the Era of Globalisation and Internationalisation. – UJ Press, 2019.

29. Ford J. Discourses of Leadership: Gender, Identity and Contradiction in a UK Public Sector Organization // *Leadership*. – 2006. – Vol. 2(1). – Pp. 77-99.
30. Georgakopoulou A. Small stories, interaction and identities. – John Benjamins Pub. Co., 2007.
31. Gill R. Unspeakable Inequalities: Post Feminism, Entrepreneurial Subjectivity, and the Repudiation of Sexism among Cultural Workers // *Social politics*. – 2014. – Vol. 21(4). – Pp. 509-528.
32. Hanson J. Displaced but Not Replaced: The Impact of E-Learning on Academic Identities in Higher Education // *Teaching in Higher Education*. – 2009. – Vol. 14. – Pp. 553–564. doi:10.1080/13562510903186774.
33. Hill D., Kumar R. (eds). *Global Neoliberalism and Education and its Consequences*. – Abingdon, Oxon: Routledge, 2009.
34. Iszatt-White M. Leadership as Emotional Labour: The Effortful Accomplishment of Valuing Practices // *Leadership*. – 2009. – Vol. 5(4). – Pp. 447-467.
35. Jones A., Harris J., Spina N., Azordegan J. M. Governing the ‘good’ casual academic: Institutionalised ‘othering’ practices // *Social theory and the politics of higher education: Critical perspectives on institutional research*. – 2021. – Pp. 167-184.
36. Kempster S. Leadership learning through lived experience: a process of apprenticeship // *Journal of management & organization*. – 2006. – Vol. 12(1). – Pp. 4-22.
37. Kitchin R., O'Connor P. *Management and gender in higher education*. – Manchester University Press, 2015.
38. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *Journal of Narrative & Life History*. – 1997. – Vol. 7(1-4). – Pp. 3–38.
39. Leick B., Köstner E. Imposter Syndrome and Genuine Imposterism in Academic Leadership Contexts: A Conceptual Perspective // *Optimizing Leadership and Governance in Higher Education*. – 2024. – P.137.
40. Lezhnina I. P. The Transformation of Gender Roles in Today's Russia // *Sociological research*. – 2014. – Vol. 53(5). – Pp. 13-31.
41. Lewis P., Benschop Y. W. M., Simpson R. *Postfeminism, gender and organization*. Wiley, 2017.

42. Lieven A. Against Russophobia. *World policy journal*. – 2000. – Vol. 17(4). – Pp. 25-32.
43. Morley L. The rules of the game: women and the leaderist turn in higher education. *Gender and education*. – 2013. – Vol. 25(1). – Pp. 116-131.
44. Nasibullov K., Kopylova N. Decolonising the Curriculum in Hybrid Spaces: Muslim Schooling in Russia. *Decolonising Curriculum Knowledge: International Perspectives and Interdisciplinary Approaches*. Springer International Publishing AG, 2022. – Pp. 147-159.
45. Netolicky D. M. *Future Alternatives for Educational Leadership: Diversity, Inclusion, Equity and Democracy*. Taylor & Francis Group, 2021.
46. Norris P. Cancel culture: Myth or reality? // *Political studies*. – 2023. – Vol. 71(1). – Pp. 145-174.
47. Northouse P. G. *Leadership: theory and practice* (Seventh edition. ed.). – SAGE, 2016.
48. O'Regan J. P. Capital and the hegemony of English in a capitalist world-system // *Bloomsbury world Englishes*. – 2021. – Vol. 2. – Pp. 27-42.
49. Redman T., Snape E. Ageism in teaching: Stereotypical beliefs and discriminatory attitudes towards the over-50s // *Work, employment and society*. – 2002. – Vol. 16(2). – Pp. 355-371.
50. Shardakova M., Pavlenko A. Identity Options in Russian Textbooks // *Journal of language, identity, and education*. – 2004. – Vol. 3(1). – Pp. 25-46.
51. Showunmi V. The Importance of Intersectionality in Higher Education and Educational Leadership Research // *Journal of Higher Education Policy and Leadership Studies*. – 2020. – Vol. 1(1). – Pp. 46–63.
52. Tajfel H., Turner J. C. *Intergroup Behavior* / C. Tajfel, & H. Fraser // *Introducing Social Psychology*. – NY: Penguin Books. – Pp. 401-466.
53. Whitchurch C. Shifting identities and blurring boundaries: The emergence of third space professionals in higher education // *Higher Education Quarterly*. – 2008. – Vol. 62. – Pp. 377 – 396.
54. Williams D. A. Organizational learning as a framework for overcoming glass ceiling effects in higher education. *New*

- directions for institutional research. – 2013. – Vol. 159. – Pp. 75-84.
55. Winter R. Academic manager or managed academic? Academic identity schisms in higher education // *Journal of Higher Education Policy and Management*. – 2009. – Vol. I. – Pp. 21 – 131.
 56. Winter J., Webb O., Turner R. Decolonising the curriculum: A survey of current practice in a modern UK university // *Innovations in Education and Teaching International*. – 2024. – Vol. 61(1). – Pp. 181-192.
 57. Woodward D. Work-life balancing strategies used by women managers in British "modern" universities // *Equal Opportunities International*. – 2007. – Vol. 26(1). – Pp. 6-17.
 58. Zhrebkina I. On the performativity of gender: Gender Studies in Post-Soviet Higher Education // *Studies in East European thought*. – 2003. – Vol. 55(1). – Pp. 63-79.
 59. Yusupova M. The Invisibility of Race in Sociological Research on Contemporary Russia: A Decolonial Intervention // *Slavic review*. – 2021. – Vol. 80(2). – Pp. 224-233.

References

- Adams, L. (2008). Can we apply postcolonial theory to Central Eurasia? *Central Eurasian Studies Review*, 7(1), 1-7.
- Alvesson, M., & Willmott, H. (2002). Identity Regulation as Organizational Control: Producing the Appropriate Individual. *Journal of management studies*, 39(5), 619-644.
- Archakis, A., & Tsakona, V. (2012). *The Narrative Construction of Identities in Critical Education*. Palgrave Macmillan.
- Ashwin, S. (2000). *Gender, state, and society in Soviet and post-Soviet Russia*. Routledge.
- Ashwin, S., & Isupova, O. (2018). Anatomy of a stalled revolution: Processes of Reproduction and Change in Russian Women's Gender Ideologies. *Gender & society*, 32(4), 441-468.
- Bamberg, M. (2011). Who am I? Narration and its contribution to self and identity. *Theory & psychology*, 21(1), 3-24.
- Bamberg, M., & Georgakopoulou, A. (2008). Small stories as a new perspective in narrative and identity analysis. *Text & talk*, 28(3), 377-396.

- Barkhuizen, G. (2017). *Reflections on language teacher identity research*. Routledge, Taylor & Francis Group.
- Baxter, J. A. (2008). *Feminist Post-structuralist discourse analysis: a new theoretical and methodological approach?* (pp. 243-255). Palgrave Macmillan.
- Bernhardt, E. (2007). Foreign languages surviving and thriving in conventional university settings: Implications for less commonly taught languages. *Journal of the National Council of Less Commonly Taught Languages*, 4(3), 17-28.
- Billing, Y., & Alvesson, M. (2000). Questioning the Notion of Feminine Leadership: A Critical Perspective on the Gender Labelling of Leadership. *Gender, work, and organization*, 7(3), 144-157. <https://doi.org/10.1111/1468-0432.00103>
- Billot, J. (2010). The Imagined and the Real: Identifying the Tensions for Academic Identity. *Higher Education Research and Development*, 29(6), 709–721. doi:10.1080/07294360.2010.487201.
- Brescoll, V. L. (2011). Who Takes the Floor and Why: Gender, Power, and Volubility in Organizations. *Administrative science quarterly*, 56(4), 622-641.
- Briggs, A. R. J. (2007). Exploring Professional Identities: Middle Leadership in Further Education Colleges. *School Leadership and Management*, 27 (5), 471–485. doi: 10.1080/13632430701606152
- Bucholtz, M., & Hall, K. (2022). Locating Identity in Language. In *Language and Identities* (pp. 18-28). Edinburgh University Press.
- Bulatova, T., & Glukhov, A. (2018). The state of inter-ethnic relations as assessed by education migrants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, 43, 117–124.
- Burakovsky, A. (2022). The war in Ukraine ruins Russia's academic ties with the West. *The Conversation*. Retrieved from: <https://theconversation.com/the-war-in-ukraine-ruins-russias-academic-ties-with-the-west-180006>
- Carson, L. (2010). Innovation and autonomy in an institution-wide language programme. In *Language learner autonomy: Policy, curriculum, classroom*, (pp. 151-170).

- Cotterill, P., & Letherby, G. (2005, May). Women in higher education: Issues and challenges. In *Women's Studies International Forum* (Vol. 28, No. 2-3, pp. 109-113). Pergamon.
- Dadabaev, T. (2013). Recollections of emerging hybrid ethnic identities in Soviet Central Asia: the case of Uzbekistan. *Nationalities Papers*, 41(6), 1026-1048.
- Davies, B., & HarrÉ, R. O. M. (1990). Positioning: The Discursive Production of Selves. *Journal for the theory of social behaviour*, 20(1), 43-63.
- Davis, A., Jansen van Rensburg, M. & Venter, P. (2014) 'The impact of managerialism on the strategy work of university middle managers'. In *Studies in Higher Education*, (pp. 1–15). doi: 10.1080/03075079.2014.981518
- Etkind, A., Uffelmann, D., & Kukulín, I. (2012). *Tam, vnútri. Praktiki vnútrenej kolonizácii v kul'turnoj istorii Rossii*. New Literary Observer. (In Russ.).
- Elliott, C., & Stead, V. (2008). Learning from Leading Women's Experience: Towards a Sociological Understanding. *Leadership*, 4(2), 159-180.
- Entin, M. L., Entina, E. G., & Torkunova, E. A. (2019). New Phase of Decolonization: From Formal Sovereignty to Real One. *Polis*, 1, 124.
- Fazackerley, A. (2022). UK universities brace for impact of sanctions against Russia. *The Guardian*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/education/2022/mar/04/uk-universities-impact-sanctions-russia-academemics-boycott>
- Fletcher, J. K. (2004). The paradox of postheroic leadership: An essay on gender, power, and transformational change. *The Leadership quarterly*, 15(5), 647-661.
- Fomunyan, K. G. (2019). *Decolonising Higher Education in the Era of Globalisation and Internationalisation*. UJ Press.
- Ford, J. (2006). Discourses of Leadership: Gender, Identity and Contradiction in a UK Public Sector Organization. *Leadership (London, England)*, 2(1), 77-99.
- Georgakopoulou, A. (2007). *Small stories, interaction and identities*. John Benjamins Pub. Co.

- Gill, R. (2014). Unspeakable Inequalities: Post Feminism, Entrepreneurial Subjectivity, and the Repudiation of Sexism among Cultural Workers. *Social politics*, 21(4), 509-528.
- Hanson, J. (2009). Displaced but Not Replaced: The Impact of E-Learning on Academic Identities in Higher Education. *Teaching in Higher Education*, 14, 553–564. doi:10.1080/13562510903186774.
- Hill, D. & Kumar, R. (eds) (2009). *Global Neoliberalism and Education and its Consequences*. Abingdon, Oxon: Routledge.
- Iszatt-White, M. (2009). Leadership as Emotional Labour: The Effortful Accomplishment of Valuing Practices. *Leadership (London, England)*, 5(4), 447-467.
- Jones, A., Harris, J., Spina, N., & Azordegan, J. M. (2021). Governing the ‘good’ casual academic: Institutionalised ‘othering’ practices. In *Social theory and the politics of higher education: Critical perspectives on institutional research*, (pp. 167-184).
- Kempster, S. (2006). Leadership learning through lived experience: a process of apprenticeship. *Journal of management & organization*, 12(1), 4-22.
- Kitchin, R., & O'Connor, P. (2015). *Management and gender in higher education*. Manchester University Press.
- Labov, W., & Waletzky, J. (1997). Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *Journal of Narrative & Life History*, 7(1-4), 3–38.
- Leick, B., & Köstner, E. (2024). Imposter Syndrome and Genuine Imposterism in Academic Leadership Contexts: A Conceptual Perspective. In *Optimizing Leadership and Governance in Higher Education*, (p. 137).
- Lezhnina, I. P. (2014). The Transformation of Gender Roles in Today's Russia. *Sociological research*, 53(5), 13-31.
- Lewis, P., Benschop, Y. W. M., & Simpson, R. (2017). *Postfeminism, gender and organization*. Wiley.
- Lieven, A. (2000). Against Russophobia. *World policy journal*, 17(4), 25-32.
- Morley, L. (2013). The rules of the game: women and the leaderist turn in higher education. *Gender and education*, 25(1), 116-131.
- Nasibullov, K. & Kopylova, N. (2022). Decolonising the Curriculum in Hybrid Spaces: Muslim Schooling in Russia. *Decolonising Curriculum Knowledge: International Perspectives and*

- Interdisciplinary Approaches* (pp. 147-159). Springer International Publishing AG.
- Netolicky, D. M. (2021). *Future Alternatives for Educational Leadership: Diversity, Inclusion, Equity and Democracy*. Taylor & Francis Group.
- Norris, P. (2023). Cancel culture: Myth or reality? *Political studies*, 71(1), 145-174.
- Northouse, P. G. (2016). *Leadership: theory and practice* (Seventh edition. ed.). SAGE.
- O'Regan, J. P. (2021). Capital and the hegemony of English in a capitalist world-system. *Bloomsbury world Englishes*, 2, 27-42.
- Redman, T., & Snape, E. (2002). Ageism in teaching: Stereotypical beliefs and discriminatory attitudes towards the over-50s. *Work, employment and society*, 16(2), 355-371.
- Shardakova, M., & Pavlenko, A. (2004). Identity Options in Russian Textbooks. *Journal of language, identity, and education*, 3(1), 25-46.
- Showunmi (2020). The Importance of Intersectionality in Higher Education and Educational Leadership Research. *Journal of Higher Education Policy and Leadership Studies*, 1(1), 46-63.
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (1978). Intergroup behavior. *Introducing social psychology* (pp.401-466). NY: Penguin Books.
- Whitchurch, C. (2008). Shifting identities and blurring boundaries: The emergence of third space professionals in higher education. *Higher Education Quarterly*, 62, 377 – 396.
- Williams, D. A. (2014). Organizational learning as a framework for overcoming glass ceiling effects in higher education. *New directions for institutional research*, 2013(159), 75-84.
- Winter, R. (2009). Academic manager or managed academic? Academic identity schisms in higher education. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 1, 21 – 131.
- Winter, J., Webb, O., & Turner, R. (2024). Decolonising the curriculum: A survey of current practice in a modern UK university. *Innovations in Education and Teaching International*, 61(1), 181-192.
- Woodward, D. (2007). Work-life balancing strategies used by women managers in British "modern" universities. *Equal Opportunities International*, 26(1), 6-17.

- Zherebkina, I. (2003). On the performativity of gender: Gender Studies in Post-Soviet Higher Education. *Studies in East European thought*, 55(1), 63-79.
- Yusupova, M. (2021). The Invisibility of Race in Sociological Research on Contemporary Russia: A Decolonial Intervention. *Slavic review*, 80(2), 224-233.

УДК 811.111

<https://doi.org/10.25076/vpl.56.07>

М.Н. Левченко,
В.П. Шабанова,
Н.В. Полякова⁷

Государственный университет просвещения РФ

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ
ДИСКУРСИВНОГО СОБЫТИЯ *СОИСКАТЕЛЬСТВО
ВАКАНТНОЙ ДОЛЖНОСТИ*: СРАВНИТЕЛЬНО-
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Настоящая статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу принципов языкового оформления резюме в немецком, английском и русском языках. В настоящее время всё более актуальным становится изучение вербальных принципов репрезентации знаний. Являясь условием разрешения проблемы в каждой конкретной ситуации трудоустройства, жанр резюме отображает специфику институционального делового дискурса в лингвистике и фиксирует особенности моделирования дискурсивного события «соискательство вакантной должности».

Цель настоящей статьи – выявление специфики оформления одного из видов делового дискурса – резюме.

⁷ © Левченко М.Н., Шабанова В.П., Полякова Н.В. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Новизну работы составляет сравнительно-сопоставительный характер исследования дискурсивного события соискательство вакантной должности на материале русского, английского и немецкого языков.

Материал и методы исследования. Лингвистический анализ резюме на трех языках – английском, немецком и русском – производится с помощью описательного и сравнительно-сопоставительного методов, а также компонентного анализа исследуемого делового дискурса.

Результаты исследования позволяют проследить сходства и различия сравниваемых дискурсивных событий, а также говорить об особенностях употребления каждого из них в сравниваемых трех языках.

Проведенное исследование позволило выделить ведущие способы оформления грамотной структуры мотивационных писем на русском, английском и немецком языках, что обуславливает также верное построение резюме и дальнейшее получение желаемого рабочего места.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в существенном дополнении специфики делового стиля, а также в выявлении языковой нормы при написании резюме.

Ключевые слова: деловой дискурс, резюме, интегральные и дифференциальные признаки, дискурсивное событие, письменная коммуникация, коммуникативные стратегии, деловая переписка

UDC 811.111

<https://doi.org/10.25076/vpl.56.07>

M.N. Levchenko,

V.P. Shabanova,

N.V. Poliakova

The Federal State University of Education

**LINGUISTIC REPRESENTATION AND MODELING OF
A DISCURSIVE EVENT JOB APPLICATION: COMPARATIVE
ASPECT**

The present article is devoted to a comparative analysis of the principles of linguistic design of CVs in German, English and Russian languages. Nowadays, the study of verbal principles of knowledge representation is becoming more and more relevant. Being a condition of problem solving in each specific employment situation, the CV genre reflects the specificity of institutional business discourse in linguistics and fixes the peculiarities of modelling the discursive event 'applying for a vacancy'.

The aim of the present article is to reveal the specifics of the design of one of the types of business discourse – the CV.

The novelty of the study is the comparative character of the study of the discursive event 'vacancy application' on the material of Russian, English and German languages.

Material and methods of research. The linguistic analysis of CVs in three languages – English, German and Russian – is made with the help of descriptive and comparative-comparative methods, as well as component analysis of the studied business discourse.

The results of the study allow us to trace the similarities and differences of the compared discursive events, as well as to talk about the peculiarities of the use of each of them in the compared three languages.

The conducted research allowed us to identify the leading ways of drawing up a competent structure of motivational letters in Russian, English and German, which also determines the correct construction of a CV and further obtaining the desired job.

Keywords: business discourse, summary, integral and differential features, discursive event, written communication, communicative strategies, business correspondence

Введение

Актуальность исследуемой проблематики обусловлена включением в процесс деловой коммуникации все большего количества участников. В реалии рыночной экономики каждый является участником рынка труда, специфика которого отражается через призму культурных, экономических, социально-исторических особенностей развития общества. Вовлеченность в процесс деловой коммуникации носителей разных культур усложняет взаимодействие между участниками данного процесса.

В связи с этим, всё более актуальным становится изучение вербальных принципов репрезентации знаний. Выступая средством разрешения проблемы в каждой конкретной ситуации трудоустройства, жанр резюме отображает специфику институционального делового дискурса в лингвокультуре и фиксирует особенности речевого поведения участников ситуации трудоустройства.

Несмотря на то, что процесс трудоустройства является неотъемлемой частью коммуникативной культуры той или иной страны и наиболее интенсивно развивающейся сферой деловой коммуникации на международном уровне, количество языковых исследований, посвященных изучению особенностей функционирования институционального делового дискурса, представленных в практике делового общения в различных лингвокультурах, остается недостаточно изученным.

Актуальность настоящего исследования определяется следующими составляющими:

1) значительным увеличением участников общения, вовлеченных в деловую коммуникацию в связи с развитием, прежде всего, коммерческих связей;

2) определяющим функционально-когнитивным подходом к изучению языка, вызывающим интерес к способам проявления национально-культурных факторов, реализующихся в процессе социального взаимодействия;

3) растущим интересом к изучению речевых жанров институционального делового дискурса в различных лингвокультурах;

4) возрастающими требованиями к уровню сформированности профессиональных компетенций участников рынка труда, включающих в себя знания, умения и навыки составления документных текстов в различных коммуникативных ситуациях, возникающих в рамках институционального делового дискурса.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении специфики оформления одного из видов институционального делового дискурса – резюме.

Задачи данной статьи для выполнения ее цели сводятся к установлению интегральных и дифференциальных принципов

языкового оформления конкретного делового дискурса - резюме немецкого, английского и русского языков.

Материалом для данного исследования послужили выборки деловых тестов в объеме 30 русскоязычных писем, 30 немецкоязычных писем и 30 англоязычных писем из деловой переписки, а также банковской документации, взятые из всемирной информационной сети.

Выбор **методов** исследования определяется необходимостью и возможностью решить поставленные задачи. Решение поставленных задач осуществлялись на основе описательного и сравнительно-сопоставительного методов (распределение полученной информации на основе сравнения и разделения на группы англоязычные, немецкоязычные и русскоязычные корреспонденции, опираясь на общие признаки), а также посредством анализа структуры и интерпретации информации в деловом дискурсе (подробное разложение дискурса и дискурсивных событий на составные единицы и детальное изучение каждой из них). В результате применения системного подхода, изучаемая проблематика рассматривалась как целостный комплекс явлений, анализа фактов в их совокупности и взаимосвязи.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании концепции делового дискурса как метапрофессионального институционального образования. Теоретически значимым представляется выявление и определение дискурса и дискурсивных событий. Определено и охарактеризовано понятие делового дискурсивного стиля как способа отражения национально-культурной специфики делового дискурса.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения полученных результатов в различных разделах языкознания. И в первую очередь в нормирование делового стиля письменной коммуникации.

Теоретические основы исследования

Исследование процесса делового общения в его взаимосвязи с экстралингвистическими факторами определяет интерес лингвокультурологии к дискурсу. В.А. Маслова следующим образом определяет предмет лингвокультурологии: «Предметом

специального исследования в лингвокультурологии должно стать речевое поведение, а также всякое другое поведение, закрепленное в номинативных единицах, в единицах грамматических и стилистических» (Маслова, 2018, с. 45). Речевое поведение участников процесса общения обусловлено процессом реализации основной дискурсивной цели. В связи с этим специфика речевых жанров в рамках каждой отдельной лингвокультуры объясняется в наибольшей степени речевым поведением участников процесса общения.

Как известно, базовым компонентом каждой культуры является ее система ценностей, определяющая особенности картины мира каждого социума.

Под системой ценностей в рамках каждой конкретной культуры А. Томас понимает такой процесс восприятия, переработки и порождения различной информации носителем данной культуры, когда каждый ее представитель с большой долей вероятности может рассчитывать на то, что в ходе повседневного общения его индивидуальная позиция по отношению к себе, к окружающему миру, к другим людям будет надлежащим образом распознана другими людьми – членами данного социума (Thomas, 2005, с. 22).

Ядром каждой культуры является система ценностей. В лингвистике принято выделять репрезентационную и ориентирующую функции ценностей в культуре. Репрезентативная функция ценностей заключается в выражении и обозначении отношения человека к предметам и явлениям действительности, а также в их значимости для человека. Выделяется также и ориентирующая функция культурных ценностей, конкретизирующая правила поведения в каждой отдельной ситуации (Бабаева, 2004).

Таким образом, система ценностей находится в тесной взаимосвязи с социальными нормами, которые выступают главной формой их проявления в конкретной коммуникативной ситуации. Именно поэтому ценностная составляющая отмечается в качестве важнейшей характеристики дискурса как феномена культуры (Карасик, 2007, с. 70).

Достижение взаимопонимания в процессе коммуникации происходит, в первую очередь благодаря тому, что происходит актуализация культурных ценностей в рамках одной

лингвокультуры. Помимо этого, представления о нормах и ценностях находятся в тесной взаимосвязи с категорией оценки. Говоря о природе взаимодействия ценностей и норм в культуре, Ю.М. Лотман определяет их специфику как «внутренний диалог культуры»: «Важный аспект внутреннего диалога культуры складывается исторически: предшествующая традиция задает норму, имеющую уже автоматизированный характер, на этом фоне развивается семиотическая активность новых структурных форм» (Лотман, 2001). В процессе общения культурные нормы проявляются посредством коммуникативных норм.

Культурные нормы в виде особых рече-поведенческих сценариев во многом обуславливают выбор коммуникативной стратегии языковой личности в каждой конкретной ситуации общения. Процесс поиска нового места работы или учебы в разных лингвокультурах будет реализовываться по разным сценариям, так как культурные нормы определяют осознанный и подсознательный выбор коммуникативной стратегии.

Деловой дискурс как разновидность институционального дискурса

В работе О.В. Тойкиной мы находим следующее определение делового дискурса как разновидности институционального дискурса: «Деловая разновидность институционального дискурса представляет собой целенаправленную статусно-ролевую деятельность людей, общей характерной чертой которой являются деловые отношения во всем их многообразии (производство товаров, торговля, предоставление услуг и т. д.), охватывающие систему взаимоотношений внутри организаций, между организациями, а также взаимодействие с отдельными членами социума, базирующееся на нормах и правилах общения, принятых как в каждой отдельной культуре, так и в деловом сообществе в целом» (Тойкина, 2014, с. 37).

Л.С. Бейлинсон выделяет следующие основные функции данного типа дискурса:

- 1) перформативная, заключающаяся в выполнении действий, определяющих суть того или иного института (борьба за власть, установление истины и т. д.);

2) нормативная, состоящая в установлении и сохранении норм и правил поведения между институтом и обществом, между агентами и клиентами и между агентами внутри института;

3) презентационная, состоящая в создании имиджа института и его агентов;

4) парольная, состоящая в установлении границы между агентами и клиентами (Бейлинсон, 2009, с. 143).

Следующие факторы дают нам основания для выделения делового дискурса как особой разновидности институционального дискурса:

- цель общения - взаимовыгодная профессиональная деятельность, установление условий сотрудничества между двумя или более заинтересованными сторонами или одностороннее определение позиции по какому-либо вопросу;

- участники общения - люди, занимающиеся трудовой деятельностью во всем многообразии иерархической системы социального устройства общества;

- социальный хронотоп - профессиональная деятельность современного делового сообщества;

- ценности - получение прибыли и как следствие: эффективное управление, создание партнерских отношений, отбор и подготовка кадров и т. д.;

- стратегии делового дискурса - переговоры, презентации, собеседования, интервью и др.;

- общая картина мира - система опосредованных личностных знаний, представлений, смыслов, в которой воплощается способ восприятия мира всеми участниками современного делового сообщества;

- характеристики текстов - информативность, адресность, диалогичность, стандартизированность, структурность, индексы социального статуса, институциональные ограничения (Ширяева, 2008, с. 15).

Все вышеперечисленные факторы в их совокупности определяют специфику делового дискурса как разновидности институционального дискурса и позволяют отличить его от других видов: юридического, педагогического, политического и т. д. Вместе с тем, мы согласны с другими исследователями и считаем, что основной отличительной характеристикой

институционального делового дискурса является аксиологическая установка на получение выгоды. При этом, получение выгоды можно рассматривать в более узком плане - получение материальной прибыли, так и в более широком аспекте - получение как материальной, так и нематериальной выгоды, например моральное удовлетворение от реализации профессионального интереса. Материальная и нематериальная выгоды могут сопутствовать, а могут и противостоять друг другу.

Как известно, языковой основой социального взаимодействия в деловом дискурсе является официально-деловой стиль. Официально-деловой стиль – это совокупность языковых средств, функция которых— обслуживание сферы официально-деловых отношений, т. е. отношений, возникающих между органами государства, между организациями или внутри них, между организациями и частными лицами в процессе их производственной, хозяйственной, юридической деятельности (Виноградов, 1999).

Ярким примером реализации функции сообщения официально-делового стиля является язык служебных документов, характеризующийся следующими особенностями:

- 1) полнота и точность информации;
- 2) нейтральный тон изложения;
- 3) использование общей регламентированной формы;
- 4) ограничение типов языковых единиц, используемых в деловых текстах;
- 5) высокая частотность определенных языковых форм (Рахманин, 1988, с. 13).

Согласно теории документоведения, все документные тексты можно распределить по различным классам: организационно-правовые, распорядительные, информационно-справочные, документы по личному составу, гражданско-правовые документы и личные документы. В классе информационно-справочных документов выделяется группа «деловой переписки», представленная широким видовым разнообразием писем: от документов государственных органов до жалоб и обращений граждан в органы управления, в учреждения и организации.

Считается, что деловые письма в практике делопроизводства являются наименее регламентированным видом служебных

документов. Тем не менее принадлежность к разряду «документов» подчиняет язык деловых писем основным характеристикам организационно-распорядительной информации. Следовательно, предоставление информации в строгом соответствии с указанными характеристиками является средством воздействия на адресата, одним из способов его убеждения, так как соответствует его ожиданиям, предъявляемым к форме и содержанию получаемого сообщения.

Как отмечалось ранее, реализация представлений о социальных нормах в процессе речевого взаимодействия в рамках делового дискурса определяется основной аксиологической установкой - получением выгоды, что способствовало формированию конкретных моделей поведения в каждой из лингвокультур (немецкой, английской, русской), среди которых наиболее полярно выделяется отношение к собственности, деньгам и торговле.

Проведенные среди отечественных лингвистов исследования позволили установить различные поведенческие и ментальные схемы в немецкой и русской лингвокультурах, отражающих отношения к аксиологическим установкам институционального дискурса. Так, в немецкой картине мира преобладает позитивное отношение к собственности, деньгам и торговле, тогда как в русской картине мира данное отношение можно охарактеризовать как нейтральное или негативное. Целый ряд исследователей в качестве одной из особенностей русской картины мира отмечают «нестыжательное» отношение к деньгам, которое распространяется на все сферы человеческих взаимоотношений и может рассматриваться как «нестыжательное» отношение к жизни в целом.

Лингвистический анализ дискурсивного события *соискательство вакантной должности*

Коммуникативные намерения и их восприятие адресатом определяются набором социальных, национально-культурных норм, принятых в бизнес-сообществе.

Одним из условий успешного делового общения является соблюдение правил, законов и норм, «которые используются для интерпретации жизненного опыта и формирования норм социального поведения» (Самохина, 2005).

Дискурсивное событие *соискательство вакантной должности* всегда сопровождается написанием резюме. Идеально отточенное,

хорошо написанное резюме всегда является дополнительным преимуществом при приёме на работу (Ветринская, 2019; Левченко, 2019; Левченко, Захарова, 2019; Полякова, 2018; Стеблецова, 2014; Nickerson, 2002). Как справедливо отмечает Тойкина О.В., семантико-прагматическая специфика жанра резюме определяется особенностями взаимодействия коммуникативных стратегий убеждения и вежливости в каждой из лингвокультур, реализующихся посредством самопрезентации личности автора резюме (Тойкина, 2015, с. 6).

Объявление о работе – это смесь рекламного сообщения с одной стороны и запроса с другой. Таким образом, оно состоит из двух разных частей:

1. Представление компании в соответствии с его брендингом сотрудников: таким образом, заявитель должен привлечь интерес к объявлению о работе и к вам как к потенциальному новому работодателю.

2. Поиск конкретного профиля кандидата: важно чётко обозначать требования к потенциальным кандидатам, чтобы сделать предварительный отбор. В противном случае работодатель должен разобрать несколько сотен (непригодных для использования) заявок, которые не соответствуют профилю кандидата.

Для более детального анализа русского, английского и немецкого дискурсивного события *соискательство вакантной должности*, обратимся к вопросам оформления резюме.

Отличительной чертой оформления резюме является тот факт, что данный вид документов имеет заранее заготовленную структуру. Как показал анализ отобранных резюме, деловое письмо, целью которого является получение определённого места работы, в немецком языке имеет название *Bewerbungsschreiben* или *otivationsschreiben (Motivationsbrief)*. Каждому соискателю необходимо обладать определённым пакетом документов или *Bewerbungsmappe*, объём которого зависит от специфики трудовой деятельности соискателя. Наиболее общий пакет документов выглядит следующим образом:

- титульный лист или *Deckblatt*
- резюме или *Bewerbungsschreiben*
- биография или *Lebenslauf*

- папка с грамотами, свидетельствами, аттестатами (*Zeugnis*)
- характеристики с предыдущего места работы (*Referenzen*).

Примером такого письма на немецком языке является следующее резюме.

*Sehr geehrter Herr Personaler,
über das Jobportal Karrieresprung.de bin ich auf Ihre Stellenanzeige für einen Lokführer im Quereinstieg aufmerksam geworden. Sie suchen Leute mit Praxiserfahrung, die Flexibilität beweisen – das bringe ich mit und noch mehr: fünf Jahre Berufserfahrung in meinem Ausbildungsberuf als Mechatroniker.*

Eine der größten Herausforderungen im modernen Verkehrswesen ist die Pünktlichkeit. Ganz gleich, ob es um den Güter- oder den Personenverkehr geht: Ich will mit meinem technischen Wissen dazu beitragen, dass die Deutsche Bahn AG ihren hohen Ansprüchen gerecht wird.

In meinem derzeitigen Job für die Superduper GmbH bin ich unter anderem dafür verantwortlich, Maschinen und Anlagen beim Kunden aufzubauen, zu warten und mechatronische Systeme zu programmieren. Dies erfordert nicht nur sofortige Einsatzbereitschaft, sondern ebenso einen versierten und zuverlässigen Umgang mit anspruchsvollen Kunden, wenn zum Beispiel mitten in der Nacht eine Anlage ausfällt.

Meine bisherigen Erfahrungen mit Schichtdiensten und Dienstreisen sind es auch, die für mich die Stelle als Lokführer so spannend machen: die Verbindung von technischem Wissen bei gleichzeitiger Reisetätigkeit.

Sind Sie neugierig geworden? Dann freue ich mich auf eine Einladung zu einem Vorstellungsgespräch. Da ich mich derzeit in ungekündigter Stellung befinde, bitte ich darum, meine Bewerbungsunterlagen vertraulich zu behandeln.

Mitfreundlichen Grüßen aus Berlin (Joseph, 2004).

Удивительным является также тот факт, что данный набор документов необходим не только при поиске работы. Но и также при подаче заявок на участие в конкурсах, мероприятиях, образовательных программах.

Особого рассмотрения требует вопрос об оформлении резюме на русском языке. Как показал анализ русскоязычных резюме, большинство из них является автобиографиями, что соответствует одному из пунктов оформления немецкого резюме (*Lebenslauf*). Поэтому, несмотря на стандартизацию процесса трудоустройства,

можно наблюдать особые понятия и формы оформления, характерные каждой из исследуемых лингвокультур.

В немецком деловом дискурсе функциональная направленность достигается при помощи основных функций текста: интеллектуально-информативной, побудительной и эмотивной, в русском – интеллектуально информативной. В немецких резюме желание автора получить работу выражается эксплицитно, в русских – имплицитно. Эти лексико – грамматические средства для формирования резюме являются лингвокультурной спецификой реализации коммуникативных стратегий убеждения и вежливости, присущих официально-деловому стилю каждого языка (Кубрякова, 2012; Стеблецова, 2014).

Соискатели из Германии предпочитают размещать в своём резюме фотографию, сопровождая ее этикетным оформлением делового письма, соблюдая его начало и конец, информация представлена информативно, согласно принятой композиции делового письма, с употреблением синтаксических конструкций и модальных глаголов. Соискатели из России предпочитают эмоционально-нейтральные высказывания, которые несут в себе синтаксические конструкции с множеством перечислений. Характерной чертой немецкого делового дискурса является наличие условных предложений с модальным глаголом *sollen*, конструкций *haben/sein* с инфинитивом, использованием сослагательного наклонения, прежде всего формы кондиционалиса (die "würde-Form"). Персонафицированность достигается также путем недопущения в письме канцеляризм, сорных слов, необоснованных повторов и громоздких конструкций.

На основе вышеуказанных особенностей были выведены характеристики, чаще употребляемые в немецкой и русской лингвокультурах на основе проанализированных резюме.

Наиболее презентабельными характеристиками для немецких соискателей являются следующие качества: *Kundenorientierung*, *Selbständigkeit*, *Teamfähigkeit*, *Freundlichkeit*, *Verantwortungsbewusstsein*, *Flexibilität*, *Kommunikationsfähigkeit*

Важным пунктом лингвокультурной специфики резюме являются способы гендерной идентификации участников ситуации трудоустройства.

Обычным способом выражения гендерных ролей в немецком резюме является употребление суффикса in- и корневой морфемы -frau для обозначения женских профессий (*Designerin, Personalleiterin, Kauffrau*), суффикса -er и корневой морфемы -mann для обозначения мужских профессий (*Marktleiter, Raumpfleger, Bürokaufmann*).

Отличительной чертой русского соискателя является упоминание таких данных, как: возраст, семейное положение и наличие детей для соискателей-женщин. Добавочной информацией, касательно увлечений, для мужчины-соискателя могут служить «активные» увлечения: различные командные виды спорта (футбол, хоккей, волейбол, баскетбол и др.), дайвинг, туризм и т. д. Женщины-соискатели указывают: чтение книг, вышивание, путешествия, разведение цветов и др.

Смирнов Александр

Дата рождения: 01.04. 1981

Проживание: г. Санкт-Петербург, Приморский район.

Желаемая должность: Руководитель отдела продаж

Желаемый уровень дохода: 100 тыс. рублей

Ключевые навыки: Активные продажи, расширение клиентской базы; Работа с ключевыми клиентами, устранение возникших разногласий; Руководство отделом продаж.

Достижения: Создал отдел продаж с «0». Впоследствии отдел (5 человек) под моим руководством регулярно выполнял план по привлечению новых клиентов и продажам; Привел в компанию 7 ключевых клиентов (совокупно до 50% заказов); Разработал и внедрил в компании технологию продаж технически сложного оборудования.

*Опыт работы: 10. 2008-07. 2014 Руководитель отдела продаж ООО «ННН-групп» (www.nnn-grup.com), г. Санкт-Петербург
Сфера деятельности компании: оптовая торговля строительной техникой и комплектующими к ней
Руководство отделом продаж (в подчинении до 5 человек); Работа с ключевыми клиентами, устранение возникших разногласий; Работа с дебиторской задолженностью.*

*Образование: 2003 Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург
Факультет «Экономики труда и управления персоналом»;*

Специальность: «Управление персоналом»; Квалификация: «Менеджер» (Диплом с отличием). 2003-2014 Посещение многочисленных семинаров и тренингов по продажам и работе с клиентами («Холодные звонки», «Продажи по методу SPIN», «Активные продажи», «Продажи услуг», «Жесткие переговоры», «Работа с возражениями» и т.д.)

Дополнительная информация: Иностранные языки: английский язык – advanced. Знание ПК: уверенный пользователь (MS Office; CRM; 1С).

Для русского соискателя наиболее положительными выступают следующие качества: *коммуникабельность, быстрая обучаемость, исполнительность, целеустремленность, активность, аккуратность, опрятность.* Наиболее отличительной характеристикой положительного имиджа русского делового дискурса является наличие приятной внешности в отличие от немецкого. Внешние качества чаще всего не упоминаются при оформлении резюме (Малюга, 2008).

Резюме бывают разных форматов, хотя они разделяют типичные категории информации и функций. Три наиболее распространенных формата – это обратное хронологическое резюме, функциональное резюме и комбинированное резюме.

Обратное хронологическое резюме: это традиционный формат, в котором опыт работы выделяется и перечисляется в хронологическом порядке с самыми последними позициями, перечисленными первыми. Это хороший стиль для соискателей, которые уже имеют профессиональный опыт в определенной области и ищут новую работу в той же области.

Функциональное резюме: это формат, основанный на навыках, в котором выделяются конкретные профессиональные навыки. Это хороший стиль для тех, кто ищет работу без большого профессионального опыта, или для тех, кто хочет перейти в новую область.

Комбинированное резюме: этот стиль подчеркивает навыки соискателя, а также предоставляет хронологический список опыта. Отличный стиль для навыков переднего плана, но также сохраняет историю работы.

В европейских странах и в Америке резюме называют *curriculum vitae* или кратко CV. Иногда можно также увидеть английский

термин «*resume*» – ранее он использовался при упоминании краткой справки из полного резюме. Но в наши дни все эти термины обозначают одно и то же.

Непосредственно с портфолио соискателя формируется знакомство с потенциальным работодателем. В том случае, когда в сводке документов содержится ненужная информация или, наоборот, отсутствуют главные сведения, то вероятность получить приглашение на собеседование стремительно снижается.

Существует несколько рекомендаций по составлению резюме. Одним из них является составление своего резюме самостоятельно, указав свой ценный опыт, тем самым демонстрируя свой профессионализм. Многие обращаются для составления портфолио в агентства, но те люди не знают приоритетные черты соискателей. Второй рекомендацией может служить объем работы и ее содержание. Резюме по возможности сокращается до одной страницы, где размещена самая актуальная информация, упоминая самые важные факты о себе и своем опыте работы.

Приведём пример и остановимся на специфике резюме на английском языке.

Mary Lincoln

About: An organized professional with proven teaching, guidance, and counselling skills. Possess a strong track record in improving test scores and teaching effectively. Ability to be a team player and resolve problems and conflicts professionally. Skilled at communicating complex information in a simple and entertaining manner. Looking to contribute my knowledge and skills in a school that offers a genuine opportunity for career progression.

Education: B.S. GENERAL EDUCATION

University of Illinois, Chicago, IL 2011 -2013

Skills: Excellent With Children, Teaching Assistance Expert, Interpersonal Skills, MS Office Suite

2015 – Present: ENGLISH TEACHER / Pathways Primary School, Jacksonville, FL

•Met parents and school governors; maintain discipline in the classroom; methodically provide resources for lessons; simplify lesson plans in line with curriculum objectives and assist students to prepare for examinations in a 2,500+ student school

- *Assess and look after 150+ students' progress throughout the term and work closely with other staff to efficiently plan and coordinate work*
- *Provide informative presentations to students regarding different areas of studies and ensure that all students fully comprehend all aspects*
- *Trained four new English teachers, emphasizing the importance of classroom control* (Bly, 2004).

Первоначальной целью резюме является привлечение внимания к себе при первом заочном знакомстве. Это может быть достигнуто после предоставления потенциальному работодателю информации о своем профессиональном опыте. В английском резюме рекомендуют описывать должностные обязанности (*workexperience*) на предыдущих предприятиях при помощи герундия (например: *writingprogrammecodes formobileapplications* (написание программных кодов для мобильных приложений), *preparingbusinessplans* (подготовка бизнес-планов) и т. п. А при описании личных качеств (*personalqualities*) необходимо дифференцировать умения, присущие для той или иной должности. Например, инициативность и амбициозность – обязательные качества для менеджера по развитию, а вот для бухгалтера в приоритете внимательность и усидчивость. Классическими клише для описания знаний и личных качеств на английском языке, которые используются в резюме, служат: *dependable* (человек, на которого можно положиться), *determined* (целеустремлённый), *initiative* (инициативный), *versatile* (многосторонний).

В России не всегда принято писать сопроводительные письма (*coverletter*), в отличие от англоговорящих стран. Этот документ является отображением вашей заинтересованности в рассматриваемой должности. Фактически, многие работодатели знакомятся именно с сопроводительными письмами при большом количестве откликов на вакансию.

Именно поэтому здесь соискатель должен проявить себя в наивысшей степени и обозначить все преимущества компании от сотрудничества с конкретным соискателем. Речевыми клише при составлении сопроводительного письма могут служить следующие фразы, как например в английском языке:

(I am particularly interested in this job, as... - Я чрезвычайно заинтересован в этой работе, поскольку...), или *(The company's activities/projects belong to the sphere where my professional interests*

lie. - Деятельность/проекты компании соответствуют моим профессиональным интересам.), (*I share such key values of the company as...*- Я разделяю такие ключевые ценности компании как ...) (Brinker, 2002).

Подводя итоги вышесказанному, важно отметить, что грамотно составленное сопроводительное письмо и резюме в целом может стать залогом успеха для соискателей. Правильно подобранные речевые обороты делают кандидатуру соискателя более привлекательной для потенциального работодателя. Употребляя клишированные фразы и выражения на английском языке, достигается официальный деловой тон всего письма.

Заключение

Весьма полезными оказались результаты сравнительно-сопоставительного анализа написания резюме на исследуемых языках, которые дают возможность чётко сформировать картину о лексике личного портфолио. Проведенное исследование позволяет заключить, что самыми предпочтительными средствами для составления резюме соискателями являются следующие характеристики, указанные в Таблице №1.

*Таблица 1.
Сравнительный анализ дискурсивного события
соискательство вакантной должности в исследуемых языках*

<i>Соискательство вакантной должности</i>			
Язык	Название делового текста	Особенности архитектоники	Качества, указываемые в резюме
Англоязычный дискурс	curriculum vitae(CV) resume	Name Address Phone number Marital status Date of birth E-mail	<i>work experience, personal qualities, dependable, determined, initiative, versatile</i>
Немецкоязычный дискурс	Bewerbungsschreiben или Motivationss	- титульный лист (Deckblatt) - резюме (Bewerbungsschreiben)	<i>Kundenorientierung, Selbständigkeit, Teamfähigkeit, Freundlichkeit, Verantwortungsbewu</i>

	chreiben (Motivationsbrief).	<ul style="list-style-type: none"> - биография (Lebenslauf) - папка с грамотами, свидетельствами, аттестатами (Zeugnis) - характеристики с предыдущего места работы (Referenzen) 	<i>ssstsein, Flexibilität, Kommunikationsfähigkeit</i>
Русскоязычный дискурс	резюме	<ul style="list-style-type: none"> - название документа (Резюме); - личные и контактные данные; - фотография; - цель (желаемая должность/ заработная плата); - опыт работы; - образование; - профессиональные достижения и навыки; - личные качества; - слабые стороны; - дополнительная информация. 	<i>коммуникабельность, быстрая обучаемость, исполнительность, целеустремленность, активность, аккуратность, опрятность</i>

Проведенное исследование позволило выделить ведущие способы оформления грамотной структуры мотивационных писем на русском, английском и немецком языках, что обуславливает также верное построение резюме и дальнейшее получение желаемого рабочего места. Составление резюме – это не что иное, как «инструмент продажи» автора-соискателя на рынке труда. Основные информационные компоненты резюме в

рассматриваемых языках имеют как схожие (указание данных об образовании, опыте работы), так и отличительные (отсутствие необходимости написания сопроводительных писем в русскоязычном резюме, строгий комплект дополнительных документов в немецкоязычном дискурсе и необходимость написания сопроводительного письма в англоязычном дискурсе) составляющие. Главной дискурсивной стратегией составления любого резюме является создание профессионального, компетентного и делового образа соискателя-автора. Она достигается за счёт объективности предоставляемой информации, информационной краткости, отсутствия эмоциональности и стилистической лаконичности.

Осуществленный сравнительно-сопоставительный анализ позволяет чётко проследить сходства и различия сравниваемых дискурсивных событий, а также судить об особенностях употребления каждого из них в сравниваемых языках. Результаты, полученные в ходе исследования, представляют определенную практическую ценность. Их использование обеспечивает значимый вклад в подготовку будущих лингвистов с учетом современных тенденций в письменной форме делового текста в целом.

Литература

1. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бабаева Елена Викторовна. – Волгоград, 2004. – 438 с.
2. Бейлинсон Л.С. Функции институционального дискурса / Л. С. Бейлинсон // Вестник ИГЛУ. – 2009. – Вып. 3. – С. 142-147.
3. Ветринская В.В. Категория вежливости как залог успешной деловой коммуникации: лингвистический аспект (на материале немецкого и французского языков) / В. В. Ветринская, Н. В. Полякова, В. П. Шабанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 12. – С. 351-356.

4. Виноградов В.В. (1999). Основные вопросы синтаксиса предложения [Электронный ресурс] / В. В. Виноградов // Сетевая лингвистическая библиотека. – Режим доступа: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html>.
5. Карасик В.И. Языковые ключи: монография / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
6. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – Москва: Знак, 2012. – 203 с.
7. Левченко М.Н. Корреляции грамматических и жанровых особенностей текстов сопроводительного письма к резюме (на материале немецкого, английского и русского языков) // Границы жанра: текст и дискурс. Коллективная монография. Беларусь, ГБУ им. Ф. Скорины, 2019. – С.84-103 (раздел 7).
8. Левченко М.Н., Захарова М.Ю. Сопроводительное письмо к резюме: расширение норм официально-делового письма// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Том 12. – Выпуск 5. – С. 230-235.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – 703 с.
10. Малюга Е.Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. – 320 с.
11. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – 9-е издание, стереотипное. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2018. – 296 с.
12. Полякова Н. В. Языковая идентичность делового электронного письма (на материале французского и английского языков) / Н. В. Полякова, Н. А. Скитина, В. П. Шабанова // Научный диалог. – 2018. – № 10. – С. 118-129. – DOI 10.24224/2227-1295-2018-10-118-129.
13. Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов / Л. В. Рахманин. – Изд. 3-е, испр. – М.: Высш. шк., 1988. – 239 с.
14. Самохина Т.С. Эффективное деловое общение в контекстах разных культур и обстоятельств: учебное пособие по профессиональной межкультурной коммуникации. – М.: Р.Валент, 2005. – 216 с.

15. Стеблецова А.О. Прагмалингвистический подход к описанию дискурса: модель дескриптивного анализа и практика применения / А.О. Стеблецова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 90-93.
16. Тойкина О.В. Лингвокультурологические аспекты институционального делового дискурса в жанре резюме: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тойкина Ольга Владимировна, 2015. – 191 с.
17. Ширяева Т.А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Ширяева. – Краснодар, 2008. – 50 с.
18. Bly R. Letter Writing Handbook. Webster's New World/R. Bly. – Indianapolis, Indiana: Wiley Publishing, 2004. - 584 p.
19. Brinker K. Textsortenbeschreibung auf handlungstheoretischer Grundlage (am Beispiel des Erpresserbriefs) / K.Brinker // Texte-Diskurse-Interaktionsrollen: Analysen zur Kommunikation im öffentlichen Raum. – Tübingen: Stauffenburg-Verl., 2002. – Pp. 41-59.
20. Joseph J. E. Language and Identity. National, Ethnic, Religious/J. E. Joseph. – Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2004. – Pp. 11-12.
21. Nickerson, C. Endnote: Business discourse and language teaching // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching 40. – 2002. – Pp. 375-381.
22. Thomas A. Handbuch interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Bd. 1: Grundlagen und Praxisfelder / A. Thomas, E. U. Kinast, S. Schroll-Machl. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. – 463 S.

References

- Babaeva, E.V. (2004). *Linguocultural characteristics of the Russian and German axiological worldviews. Specialisation 10.02.20 "Comparative and Historical, Typological and Comparative Linguistic Studies"*. Doctoral disseratation. Russia, Volgograd.
- Beilinson, L.S. (2009). Functions of institutional discourse. *Vestnik IGLU*, 3, 142-147.

- Bly, R. (2004). *Letter Writing Handbook. Webster's New World*. Indianapolis, Indiana: Wiley Publishing.
- Brinker, K. (2002). Textsortenbeschreibung auf handlungstheoretischer Grundlage (am Beispiel des Erpresserbriefs) In *Texte-Diskurse-Interaktionsrollen: Analysen zur Kommunikation im öffentlichen Raum* (pp. 41-59). Tübingen: Stauffenburg-Verl.
- Joseph, J.E. (2004). *Language and Identity. National, Ethnic, Religious. Basingstoke* (pp. 11-12). New York, Palgrave Macmillan.
- Karasik, V.I. (2007). *Language keys: monograph*. Volgograd, Paradigm.
- Kubryakova, E.S. (2012). *In search of the essence of language: cognitive research*. Moscow, Znak.
- Levchenko, M.N. (2019). Correlations of grammatical and genre features of cover letter texts to a resume (based on German, English and Russian languages). In *Boundaries of the genre: text and discourse*. (pp. 84-103). Belarus, State Budgetary Institution named after F. Skorina.
- Levchenko, M.N. & Zakharova, M.Yu. (2019). Cover letter to resume: expansion of the norms of official business letter. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12(5), 230-235.
- Lotman, Yu.M. (2001). *Semiosphere*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb.
- Malyuga, E.N. (2008). *Functional pragmatics of intercultural business communication*. Moscow, Book House "LIBROKOM".
- Maslova, V.A. (2018). *Introduction to cognitive linguistics*. 9th edition. Moscow, Limited Liability Company "FLINTA".
- Nickerson, C. (2002). Endnote: Business discourse and language teaching. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 40, 375-381.
- Poliakova, N.V., Skitina, N.A., & Shabanova, V.P. (2018). Language Identity of Online Business Correspondence (on Material of the French and English Languages). *Nauchnyy dialog*, 10, 118-129. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-118-129. (In Russ.)
- Rakhmanin, L.V. (1988). *Stylistics of business speech and editing of official documents*. Moscow, Vysshaya Shkola.
- Samokhina, T.S. (2005). *Effective business communication in the contexts of different cultures and circumstances: a textbook on professional intercultural communication*. Moscow, R. Valent.

- Shiryayeva, T.A. (2008). *Cognitive modeling of institutional business discourse*. Doctoral dissertation abstract. Krasnodar, Kuban State University.
- Stebletsova, A.O. (2014). Pragmalinguistic approach to the description of discourse: a model of descriptive analysis and practice of application. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 1, 90-93.
- Thomas, A., Kinast, E. U., & Schroll-Machl, S. (2005). *Handbuch interkulturelle Kommunikation und Kooperation*. Bd. 1: Grundlagen und Praxisfelder / A.Thomas. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.
- Toykina, O.V. *Linguocultural aspects of institutional business discourse in the resume genre*. Candidate dissertation. Izhevsk: Udmurt State University.
- Vetrinskaya, V.V., Polyakova N.V., & Shabanova, V.P. (2019). Category of Politeness as a Condition for Successful Business Communication: Linguistic Aspect (by the Material of the German and French Languages). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12, (12), 351-356. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.71>
- Vinogradov, V.V. (1999). *Basic questions of sentence syntax* [Electronic resource]. Retrieved from: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html>.